

Енисей

№ I
2016

Красноярский литературно-художественный
и краеведческий альманах

Енисей

№1 * Красноярский литературно-художественный
2016 и краеведческий альманах

Михаил Тарковский главный редактор

заместители
главного редактора:

Сергей Кузнечихин по поэзии

Владимир Замышляев по публицистике
и литературоведению

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Астраханцев прозаик, член Союза
российских писателей

Леонид Бердников краевед, председатель
историко-патриотического
общества «Краевед»

Иван Булава прозаик, первый секретарь
Сибирского представительства
Союза писателей России и Белоруссии

Иван Клиновой поэт, член Союза российских писателей

Марина Москалюк доктор искусствоведения, профессор,
ректор ФГБОУ ВО «Красноярский
государственный институт искусств»

Михаил Северьянов заведующий кафедрой отечественной
истории Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»,
доктор исторических наук, профессор

* Красноярск
ИД «Класс Плюс»

ББК 84 (2 Рус = Рос)

Е 63

Альманах выходит благодаря
финансовой поддержке министерства
культуры Красноярского края.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов.

В оформлении обложки использован
фрагмент фотографии Антона Петрова.

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
Дом искусств

Вёрстка: Олег Наумов
Корректор: Андрей Леонтьев
Ответственный секретарь:
Александр Ёлтышев

Подписано в печать: 30.05.2016
Тираж: 500 экз.
Формат: 70 × 100 / 16
Объём: 16,25 + 0,65 вкл. усл. печ. л.

Изготовлено в ИД «Класс Плюс»
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65
(строение 23) | т. (391) 2-59-59-60
e-mail: info@kacc.ru

ISBN 978-5-905791-42-0

Содержание

Год кино в век литературы 5

ПРОЗА

Владимир Селянинов

Раб на троне 8

Геннадий Соловьёв

Горький выстрел 38

Галина Шляхова

Подарок 51

Сергей Смирнов

Последний бой 58

Сергей Аносов

«Гомер» 70

Альбина Мамаева

Разведка подвела 75

От внучки Ермишачьей Сусаньи 91

Нарыйа Аммосова

Родина 99

Игорь Корниенко

Птичка-невеличка 108

Анастасия Крылова

Малый подковонос 119

ПОЭЗИЯ

- Владлен Белкин 123
Василий Забелло 132
Николай Ерёмин 137
Ольга Левская 142
Сергей Ставер 148
Анатолий Третьяков 157
Михаил Письменный 163
Ольга Домрачева 166
Ая Реин 170
Надежда Ярыгина 174
Софья Дзюбенко 178

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

- Михаил Тарковский
О писательском ремесле 180

ФЕСТИВАЛЬ

- Михаил Стрельцов
Книга + Ум = Будущее 191

Год кино в век литературы

Вот и прошёл 2015-й — Год литературы... К присвоению тому или иному году подобных титулов можно относиться по-разному. Снобы не углядят здесь ничего, кроме пафоса, деятельный человек увидит возможность выбить государственную поддержку его начинаний, чиновник откроет возможности развития тех или иных направлений. Что касается Года литературы, он для нас знаменателен тем, что в его канун был подготовлен важный документ — «Основы государственной политики в области культуры», где, наконец, обозначено долгожданное обращение к национальной традиции. Правда, дальше обозначения дело пока не сдвинулось и не разработано главное — механизмы реализации программы. Это на уровне государственных решений. А если говорить о людях, то каждый пишущий человек наверняка уже задал себе вопрос: как сказалось столь высокое именование года на литературном процессе в России в целом и на моей деятельности?

Если честно, то в литературном процессе особых изменений не произошло. Так же продолжается победное шествие постмодернизма по литературным весям, так же звенят премии, превратившиеся в либеральные междусобойчики со звучными названиями: «*Большая книга*», «*Русский Букер*». Так же постмодернизм представляет Россию на международном книжном рынке. И так же телевидение рапортует о результатах громких премий, формируя у населения картину литературного процесса, в котором главное классическое русло русской литературы будто пересохло. И абсолютно игнорируя многие региональные и даже международные литературные премии, поддерживающие глубокую корневую литературу. Например, я ни разу не слышал по Центральному телевидению о Шукшинской премии. Зато за русофобию можно получить и Нобеля.

Ну а из положительного: отрадным явлением остаётся рост влияния Захара Прилепина, с которым уже нельзя не считаться из-за его укрепившихся общественно-политических позиций. Вообще, анализ русской литературной картины — тема отдельного очерка,

и остаётся обратиться ко второй части нашего вопроса: как повлиял Год литературы на работу каждого из нас? Хотя, думаю, каждый уже ответил для себя, насколько полно использовал этот высокий повод, это напоминание о важности литературы как духовно преобразующей силы. А иначе это и вправду пустой звук.

И вот теперь Год кино... Что такое киноискусство для литератора? Что такое кино вообще? Да, кинематограф — это синтетическое искусство, в котором средствами изобразительного ряда вкупе со звуком до зрителя доводится некая драматургическая, повествовательная, одним словом — литературная основа, из чего следует, что кино, будучи искусством дочерним по отношению к литературе, подчиняется именно её законам. Поэтому предлагаю использовать кинотему как возможность продолжения разговора писателей и читателей о литературе.

Ещё раз выскажу пожелание редакции присылать нам отзывы о содержании, духе нашего альманаха, проблемные статьи о состоянии литературы в регионе и России, так как без диалога пропадает смысл работы. К сожалению, порой единственным содержанием писем, приходящих в редакцию, является обида, что «меня опять не напечатали». Дорогие авторы, мы очень просим понять, что, напечатав вас однажды, мы не всегда можем продолжить публикацию, так как на очереди многие авторы из Красноярского края, которые пока вообще не прозвучали на наших страницах. Давайте дадим возможность высказаться коллегам.

Вспомним и о том, к чему обязывает само название альманаха — «Енисей», название центральное, отражающее расположение нашего региона, который понемногу возвращает свои литературные позиции и притягивает авторов из других краёв и областей. Нас знают, ценят и напечататься в нашем издании почитают за честь. Недавно прислал стихи замечательный молодой поэт из Оренбурга Илья Кириллов, лауреат Всероссийской Пушкинской литературной премии «Капитанская дочка», которого мы обязательно опубликуем. Писатель Олег Павлов, автор знаменитой «Казённой сказки», преподающий нынче в Литературном институте имени А. М. Горького, прислал короткий рассказ Нарыйи Аммосовой, своей ученицы из Якутии. Мы его публикуем в этом номере. Видите, как притянул Енисей и Оренбург, и Якутию? И это далеко не все желающие опубликоваться в альманахе «Енисей». Например, зимой целая группа известных новосибирских писателей подготовила подборку для нашего издания.

Поэтому мы должны оправдывать своё назначение, повышать литературное мастерство, без которого ни одна хорошая задумка, ни один яркий или горький случай из жизни не обретёт своей судьбы в слове. Именно для того, чтобы помочь авторам, мы открываем рубрику «Литературное мастерство», потому что, к сожалению, несмотря на повальную тягу населения к этому самому слову, его

качество катастрофически ухудшается, слово перестаёт быть русским, лишается народных корней и нелепым образом тяготеет к кинотехнологии, а именно к сценарности, нарушая первичность литературы по отношению к кинематографии. В чём причина этого процесса? Почему под подушками наших соотечественников не лежат книги Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, Распутина и Астафьева, и волшебный душевный строй этих гениев не перетекает во сне в усталые наши головы? Почему девочка с литературного семинара подражает строю переводного англоязычного чтива, к литературе отношения не имеющего никакого? *Как вернуть русское слово?*

Перейдя от Года кино к нашему литературному веку, давайте обща и подумаем над этим вопросом, выходящим далеко за пределы писательской профессии.

Михаил Тарковский

Владимир Селянинов Раб на троне

«Подтаёжный район очень большой, — гордились подтаёженцы. — По площади равный Бельгии, ещё и Люксембургу места хватит».

«Богатая у нас держава», — радовались.

«Сверхдержава, — поправлял кто-нибудь из осведомлённых. — Лучшие в мире бронетанковые войска — наши».

«В стране есть всё. Одного Урала достаточно, чтобы иметь необходимое, — гордился мыслящий экономическими категориями. — А сколько нефти, газа!..»

«Родина у нас уникальная, — говорили немногие. — Достаточно у нас „лесов, полей и рек“. Всё есть, только работай».

«Эх, хе-хе-хе», — добавлял к этому кто-нибудь.

А был один, из впечатлительных интеллигентов, так он как-то высказался, что для него каждое слово имеет как бы цвет. В компании одной сказал: «Родина — это солнечный свет, который жизнь даёт. Родина, — говорил и смотрел в ожидании согласия, — это свет, при котором становится понятным, кто есть ты. И кто те, кто рядом. И которые далеко. Но светится-то это слово по-разному, — говорил эмоционально, — всё зависит, под каким углом солнечный свет люди воспринимают. Вот и видят, и произносят его по-разному. Буквы не выговаривают некоторые, — он приподнял ладонь левой, а правой рукой хорошенько стукнул по ней: — Логопед нужен нам! Хороший». Пойди, наш брат-мужик, пойми, о чём это он.

Известное дело — интеллигенция, любят они иносказательное.

Вот Петя и Владик родились в том самом Подтаёжном районе — и в один год, а общего между ними мало.

Петя — деревенский, жил в доме из почерневших брёвен. Пескарей ловил в воде, которую сам и взмучивал палкой. Нехорошо, конечно, обманывать, пусть и рыбку. Обман — он всегда обман. Потому не стоит он заставки в этой повестушке. После о нём.

Лучше начать с Владилена. Уже в самом имени его есть некая заявка. И молодые годы его прошли в кирпичном доме. Прочном, поставленном когда-то сельским купчишкой. И на месте хорошем. Папа

Владилена — Михаил Варламович Околесин — директор небольшого торгового центра в селе Подтаёжное. И в уме ему не откажешь — говорил, упираясь указательным пальцем в прыщеватый лоб юноши: «Не будешь дураком — жить будешь». Владилена воспринимал эти слова как негласный закон, как некое секретное оружие в их государстве.

Став студентом, где обучали торговле при развитом социализме, он не делал плохого, но думал о тех, которых много, не всегда хорошо. Рыбки он не обидит, а наоборот, её он любил, и особенно холодного копчения. Это и было его секретным оружием, устроенном на фундаменте: они — «масса», их много.

На студенческой вечеринке всем весело, один из «них» рассказывает анекдот. Весёлый и приличный. Или поёт под гитару. Частенько обнаруживает фальшь в голосе Владилена. Частенько... А вот ещё один, руку на коленку девушке кладёт. «Нашла кому язычок показывать, — объясняет своё неудовольствие студент Околесин. — Дура». Спортсмены среди них. В сборных они. А свитер вон у того... Постирать бы надо. «С мылом, в тёплой воде», — наблюдает Владилена жизнь. Петь под гитару у него не получилось. Рассказчик он средний. А хочется внимания...

Тянулся студент к другим, которые помечают свою территорию одеждой, особенными безделушками. Это ближе ему, с детства понятное. И, естественно, если упоминались фамилии, известные в городе. К этому времени относится его любовь — иначе не назовёшь! — к дорогому кофе в фарфоровой чашечке, со стенками тонкими, просвечивающими. (В одном из хороших домов он видел такие.) И желание иметь девушек с «фамилиями». И чтоб они взгляд задерживали на нём. А он такой... раскованный, свободный. Узел галстука у него приспущен, пола пиджака откинута, рука в кармане брюк. Пряжка ремня массивная, красивая пряжка у его брючного ремня! А ещё вроде как недавно вернулся он откуда-то. Ну, в общем, издали. Где почти никто и не был — мечтает юноша.

«Фарфор» у него начал вырисовываться из неясного будущего к концу четвёртого курса, весной, которая дарит надежды. Приехал по своим торговым делам в город отец, а вечером пришёл в общежитие к сыну. Свёртки с продуктами стал выкладывать. Говорили обычное: здоров ли? как учёба? что мать, Иринка? Потом вышли в коридор, раскурили красивые сигаретки. Отец стал заметно подкашливать, зубной протез у него появился. Плохо подогнанный, прыгает во рту протез у старого отца. И руки похудели, стало на них больше морщин. — Переводят меня в город, — а сам смотрит вопросительно, потом — на сигаретку, её пальцами крутит. — Год как занимаюсь этим. Вас устраивать надо, да и, — ещё сигаретку рассматривает, — если откровенно, надоело грязь месить. Лучше нам будет в городе, — обычный человек, желающий устроить будущее детей. — Иринка подрастает. Отпустить в город одну боимся. Распушенная нынче стала молодёжь, — помолчал и тихо: — А мы с матерью стареем, не хочется оставаться вдвоём.

— А что за работа?

— Магазины дают, продовольственный. Почти в центре, большой, и квартира недалеко. Ремонт делать надо. У каждого будет по комнате... Хочется пожить по-человечески.

В конце лета Околесиные переехали в город. Квартира теперь у них большая, у каждого комната. Вода из крана, печи нет, «до ветру» во двор ходить не надо. Потолки покрашены чуть сжелта.

Хорошо Владилену после ванны (со специальным экстрактом) надеть махровый халат. Голову повернуть перед зеркалом в красивой овальной раме. Волосы поправить, но не расчёской, а щёткой специальной. Щётка та заграничная, с ручкой интересной. Хорошо пройти в красивой домашней обуви до своей комнаты и там откинуться на диване с сигареткой на кончиках пальцев. Ногу на ногу положить. В задумчивости зажигалкой щёлкнуть, прикурить сигаретку, каких в рознице не бывает — это вам не продукция какого-то там Моршанска. Рукой усталой включить клавишу музыкального центра. Наполнить комнату, побелённую в два цвета, музыкой. И всё это в величайшей задумчивости. Как бы он всё ближе к решению проблемы, а при системном решении не обойтись без задумчивости.

И Ирина растёт: в телефон стала говорить с французским проносом «хеллоу». Как бы отвлечённая и пребывающая ещё где-то в другом мире, не здешнем. Молодой человек стал к ней заходить. Скромный, даже робкий, кажется.

— Студент первого курса. Класс виолончели, — представила его сестра.

Галстук у него бабочкой, и она причёсана соответственно — предчувствует перемены. Весна у неё.

Хороша городская жизнь и маме, Анне Самуиловне. Всегда тепло, и печь не дымит. Всё по-городскому. Сытенькой она и раньше была, но теперь видела, как люди проявляют несдержанность в очередях. Она на это качала головой, проходя в кабинет Михаила Варламовича. Думала: на вид они все такие образованные, а из-за куса колбасы готовы сцепиться. Сожалела о невоспитанности городских Анна Самуиловна. Приятная это штука — сожалеть. Хорошо об этом и поговорить с подругой, тоже недавно ставшей горожанкой.

— Как с цепи сорвались. Городские называются. А сколько стало неисполнительных помощников, — говорила одна из них.

— Необязательными стали люди, — соглашалась другая. — Неблагодарные. Кем был этот... если бы не «мой»?

— И не говорите. Но что может сделать «он» один? — вздыхали обе.

Уютно пили чай из маленьких чашечек. Сидели на диване, крытом тёмно-красным штофом. А рядом шкаф, стекло зеркальное, инкрустированное. В шкафу много книг, есть среди них и про покойников: «Записки из мёртвого дома», «Бесы». Это так нынче престижно. В квартире налаженный быт: два цветных телевизора, один

чёрно-белый, из старых, музыкальный центр. Люстра в гостиной настоящего чешского стекла. Красивая люстра, в магазине такой не сыщешь. Уже пробовали деликатесы, о которых совсем недавно и не слышали. Правда, не всё нравилось, не всё, но, согласитесь, это вам не караси в сметане, выловленные в пруду или речушке, у которой и названия-то настоящего нет.

А что сам Михаил Варламович? О, ему ли не слышать поступь «развитого»? Кто не побывал в его кабинете, из каких сфер не наезжали? Кто только не звонил? Кто не интересовался здоровьем супруги — уважаемой Анны Самуиловны? Всем нужно... То у них кто-то помирает, то родился. А ветеранов сколько... И все заслуженные.

— Ну-ну, — откидывался в кресле большого кабинета Околесин.

Говорит он теперь неспешно, потому как слово его овеществлено.

Которого упомянули, Петя Иванов, рос в деревеньке с простым русским названием — Грязная. Отделение колхоза «Светлый путь». Двадцать дворов; один дом побольше остальных — в центре, на пригорке. В нём комната бригадира, его стол и две крепкие скамьи у стен. С плаката в простенке девушка в косынке смотрит, к социалистическому соревнованию призывает. Сзади её комбайн. Девушка в спецовке красивая, комбайн красный. Комбайнёр, в пылезащитных очках на лбу, озабочен: не уступить бы кому по намолоту зерновых. Была ещё в доме большая комната с койками, где иногда ночевали командированные из района. Ничего примечательного в деревне Грязная, ничего там не было интересного и не могло быть в будущем. Зимой пурга наметала сугробы, весной намокала дорога. Была начальная школа с одной учительницей на четыре класса. Ученики в валенках, а шутки у детей под стать их разбитой обуви: «Иду, смотрю — блестит. Поднял — сопля зелёная». Что с них взять? Спросить хочется: что из вас получится, дефективные?

Быстро бежит время у стареющих. Может целая неделя пролететь за день ранешный. И с каждым годом быстрее, какая-то прогрессия в этом законе. Вот и у Ивановых в доме старость. Ни о какой такой прогрессии они и не думали, а время само собою побежало быстро. Ссутулились оба, дыхание у матери неровное. А их единственный сын учится в городе на инженера.

— Тянутся будем, — говорит ему отец, а сам по полу валенками шаркает.

— Поможем, — соглашается мать.

Что-то с дыханием у неё совсем нехорошо. У окна остановится, смотрит в огород, на речку, в которой ещё маленькой девчонкой купалась. Посмотрит на горы — далеко они теперь. Не бывать ей там.

Летом приезжал студент: косил, пилил и колол, носил и укладывал ровные поленницы. Крышу чинил, ворота. Труба в бане покосилась — перебирать надо.

Случилось, в один год умерли родители. Дотянули его, успели. Одно-го оставили в доме, у которого стенка с огорода брёвнышком подпёрта. Пол скрипит — перебраться не успел прошлым летом. А отец-то, когда был моложе, всё было некогда ему новый дом поставить. Механизировал отец аграрный сектор в государстве, а мать надои повышала. Каждый день, часов с пяти утра. В пятьдесят пять она ещё успела получить несколько раз пенсию. Небольшую.

Последний раз приезжал Иванов осенью за отцом ухаживать. Последние дни — он совсем худой, страшный и такой родной. Заплакал Пётр Анатольевич, не выдержал, когда его папа умер. Ночью случилось. Позвал соседку-старуху. Всё просто...

Запомнились ему на оставшуюся жизнь последние вечера в доме: стёкла в окнах запотели, плохо видно через них огород, речку и горы. Опустел огород, тальник качается на речке от ветра. В дверь стучится он, в окно, в трубе подвывает. Знакомые деревенские после похорон всё реже вспоминают о нём. Сосед-старик иногда ещё заходил: посмотрит, повздыхает. Покурит молча. Иногда скажет: «Н-да...» А небо вечерами как из чернил, полоска бирюзовая у горизонта тает... Один остался молодой инженер. Жить надо... Молодой, перспектива есть, красивая женщина в городе.

Вот и работал Иванов на стройплощадке, на линейном строительстве. Тяжёлая у него была работа. Да ещё с годами всё труднее: меньше на стройку завозилось материалов, хуже становилась дисциплина, демагогии всё больше. План спускался только для безусловного выполнения, а инженер по социалистическому соревнованию, гуляя по площадке, смотрит, что бы на дачу попросить. Но ничего, жить можно.

Женился Иванов, вроде как всё нормально у него. Хорошая она — Таня. Красивая, любит, чтоб было чисто. С ней легко. Деревенская, к земле тянется. Купили домик в спокойном районе. Всё в зелени летом, и от центра недалеко. Скорее, это временка, уже порядочно в землю вросшая. Крыша мхом заросла, забор из старых лиственных досок от старости почернел. Правда, огород большой, он напоминает им деревню. Хорошо в нём стали расти огурцы сорта «пасадена», «маринда». Салат «лолла росса», огурчики «нежинские» — звучат эти слова для них, как мелодия для меломана. Наконец, у них своя капуста. На небо поглядывали: солнечно ли? Потому что в их огороде растут их овощи. Нехорошо, конечно, радоваться этому при развитии социализме. Но что с такими делать, если не обременяли они себя заботами о развитии общественных форм хозяйствования?

Вот и началась перестройка, строить в городе и на линии стали мало. Иванов устроился в кооператив, где надрывно гудел фуговальный станок, визжали циркулярные пилы, хорошо пахло стружкой. Платили, правда, всё больше, да купить на это можно всё меньше. А им ещё и ребёночка хочется. И чтоб квартира была.

Стали они приспособливать стайку под производственное помещение: ещё одно окно Иванов прорезал в стенке, верстак поставил, подвесной потолок сделал для готовой продукции. Купил необходимое из инструментов, стал собирать токарный станок по дереву, а им точить балясины. Это штуки такие, которые держат перила лестниц и балконов. Хороший пиловочник для него дорог, научился их делать клееными. Сбирал по известным ему местам отходы, строгал их, клеил, точил на своём самодельном станке. Смазывал раствором лака в скипидаре — этим он придавал товарный вид своим балясинам. Ещё в тот год купили старый «Запорожец» по кличке «горбатый» (иногда «запор»). Клички некрасивые, мотор шумит сильно. Но достаточно о технологии и технике: с ней ясно, примитивно всё.

— Голь на выдумки сильна, — сказала Таня.

И она тут же, древесной пылью, скипидаром дышит. Всё нормально.

Деревашки начинающий предприниматель развозил по магазинам, где его стали называть балясником. Но уже в тот же год он хорошо проконопатил паклей углы в доме, забил дыры в своей столярке. Не сквозит; правда, пыли прибавилось. В следующем году решили телевизор завести поприличнее. Да пришлось изменить план: колёса у «Запорожца» сильно поизносились. Хорошо бы ещё в машине печку заменить.

И у молодого Околесина успехи. Его, его масть пошла: папа занемог — поизносился на ответработе, а тут и перестройка зашумела. Правильнее сказать — назрела, потому как инициативных людей сдерживало тяжёлое бремя ограничений сверху. А перестройка тут как тут. Стало возможным открыто передавать наработанный опыт тому, кто больше достоин. А он, минуя государство, будет передавать наработанное богатство народу. Вот и передал Михаил Варламович большой продовольственный магазин способному Владилену Михайловичу. К этому времени уже хорошо мордастенькому и мыслящему по-современному, понимающему, что «оборотные», предусмотренные на закупку товаров, доставшиеся ему вместе с магазином, надо трансформировать в инвалюту. Положить её подальше. Хочется же пожить по-человечески, пройтись по жизни красиво. «А что товар? — рассуждал он правильно. — Товаром пусть обеспечивают другие, у кого „основных фондов“ нет. На улице не поторгуешь. Да и не позволят. Сдатчики продуктов, из начинающих, пусть думают. Их проблема. Пусть шевелятся. И мне никакого риска. Не пошёл товар — отвали!» — размышлял по-современному Владилен Михайлович. Теперь слишком очевидно: не дурак он, жить будет.

Утром, чтоб пораньше, Пётр Анатольевич кушал жареный (варёный, тушёный) картофель с постным маслом. Чай пил с вареньем из смородины. В своей столярке надевал рабочую одежду, пропитанную мелкой древесной пылью. К своему самодельному станку вставал:

в защитных очках, ноги — на ширине плеч. Крутил суппорт, резец сжимал, точил, шкуркой шлифовал, лакировал. Дровяник, отходы таскал туда-сюда. Древесная пыль стояла в воздухе. Иногда садился отдохнуть, поглаживая гладкий бок этой самой балясины. Немного мечтал, когда не кашлял, о токарном станке. Настоящем.

Нехорошо, что у Тани появилась аллергия на древесную пыль берёзы. Глаза краснеют, кашляет, в груди у неё начинает посвистывать. Гигиенист с пожарником сей же момент бы закрыли «производство». Да ещё и штраф... любят они это. И Пётр Анатольевич торопился: крутил суппорт, резец станка сжимал, стружка летела в угол. Вот такой он — Пётр Анатольевич Иванов, родившийся в деревне Грязная, отделении колхоза «Светлый путь». Инженер, начинающий предприниматель. Молодой, надеющийся. Один раз, как и все мы, пришедший в этот мир... Расскажем далее, как жил он, пришедший в указанное ему свыше место и время.

Ничего значительного у него. Ничего. Работал... Пристроил как-то Иванов свои балясины в ресторан. Раньше там была маленькая гостиница. Из ведомственных. Новый хозяин добавлял комфорту: перестраивал балюстраду на втором этаже, где располагались салон красоты, массажная, сауна и — номера.

В тот день, когда привёз свои деревяшки Иванов, первый этаж, где ресторан, функционировал. Там было некоторое оживление, но сдержанное, как это принято в хороших домах. А то, что это хороший дом, видно по отделке стен панелями из морёного дуба, вечернему платью дамы, пребывающей в ожидании гостей и провожающей их в общество, где уже находятся приглашённые по списку. А люстра, а макияж у дамы, а лепные украшения потолка, и, наконец, какой большой и красивый медальон у дамы!

«Хороший заказ, побольше бы таких заказчиков, — умилился Иванов, спускаясь к выходу в добром настроении. — Можно было бы через три-четыре года грузовичок купить попримичнее». Осторожно, чтоб не заругали, как нашкодившего школьника, ступал он по ковру. Ковёр толстый, рисунок красивый, а в руках у него бечёвки, которыми он увязывал деревянные. Следом ещё трое, но уже из представителей искусства. Крупные дизайнеры, возможно, из художников-оформителей. А может, и в поэзии кто делает борозду. Смотрят они перед собой, по сторонам ни-ни. У одного из них шейный платок, по-видимому, настоящего китайского шёлка. У другого из кармашка пиджака (настоящий английский твид) чёрный платочек торчит. С красной каёмочкой. Третий как бы более других на поэта похож, в бархатном пиджаке и такой же жилетке, а в руках маленький кожаный саквояж, весь в блестящих пряжечках он. Брючки тоже бархатные, но уже материала тонкого. Уже подходили к выходу, когда входная дверь открылась и резко ударилась о бронзовый ограничитель. Дверь тоже была непроста: вся в прибабасиках была она. Филёнка в завитушках

и тоже не без затей. Появился человек, молодой, высокий, голову держал он вверх и в сторону от тех, кто ходит туда-сюда, а теперь немедленно прекратил движение. И прекратишь, если он рядом, а их не видит. Красиво шёл мужчина: без шапки, в распахнутом пальто из тонкого кашемира. Лакированные тёмно-красные ботинки. По его лицу видно — дорогие это ботинки. Он энергично, не сбавив и на секунду шага, прошёл мимо встречающей женщины. В вечернем платье она, а на лице улыбка, соответствующая хорошим домам Лондона: понимает другого умного человека без слов. Вот почему без единого слова она открывает красивому молодому человеку высокую красивую дверь. Проводит его в апартаменты, возвращается, очочками холодно сверкает на представителей высокого искусства. А на начинающего предпринимателя и не посмотрела.

Человеки в вестибюле-холле, что присутствовали при явлении, справившись с заторможенностью, стали наклоняться к выходу. И снова дверь резко открылась, появился ещё один: красивый, молодой и т. п. — вплоть до лёгкого поворота головы. Но следом шёл крепыш в штатском, он резко посмотрел на человека. Все отступили ещё, и Иванов стал совать непослушной рукой в карман бечёвки от деревяшек. К своей груди прижал саквояжик поэт.

Но вот исчезли за высокой дверью высокий молодой человек со своим телохранителем, и все четверо ещё наклонились, чтобы перемещаться, как сцена повторилась. Но лицо теперь в морщинах и совершенно каменное — поток материальных и финансовых ресурсов, которым он, по-видимому, управлял, был огромен. Воздух заметался по холлу, встречающая дама одеревенела. Да и какие могут быть эмоции, когда навстречу ей — камень, а то и бронза, из которой профили чеканят? В последний момент она ещё успела подобрать живот. К стене прижались четверо, один из представителей искусства голову повернул, чтоб, значит, в помещении места стало больше. Весёлый девический смех слышался из элитных номеров для гостей.

Но вот Иванов на улице, стоит у своей перемёрзшей машины. Окружили её новые «Волги», иномарки; специальные литеры на номерных знаках у них. Мигалки у некоторых, чтоб не препятствовали на дорогах исполнению. Перед самым «запором» поставлен «Мерседес-600», новенький, ещё, возможно, помнящий тепло рук немецких рабочих. Ни с какой стороны не объедешь такого красивого, отдыхающего по ночам в тёплом гараже. И внутри тепло: машина работает, а в ней ни души.

От холода сибирского плохо заводится двигатель у «запора». Уходя, Иванов всякий раз укутывал его тряпкой. А когда заводил — брызгал туда аэрозолем, крутил стартером, ручкой. В тот день долго крутил: рубашка влажная, воротник липнет. В эти минуты плохо называл Иванов машину. Оскорблял тихонько нецензурными словами. Скоро боковое стекло у соседнего «чероки» опустилось, и один стал

показывать: попробуй покрутить в обратную сторону, может, скорее заведёшь. А ведь он ещё совсем молодой, а уже такой... весёлый. Но как же это хорошо, когда на морозе двигатель заводится! Разогнуться можно, отдышаться, обороты кнопкой регулировать — теперь это уже не дерьмо и кусок ржавого железа, а готовый к исполнению своего назначения автомобиль.

Ехать можно, да не пускает тот, что помнит тепло рук немецких рабочих. Иванов заглянул в приопущенное стекло «чероки», увидел водителей в норковых шапках.

— Чья машина? Отогнать бы, — наклоняется.

На него теперь и не посмотрели, но рассказ одного из них стал заметно интереснее.

— Чья машина? Отгоните, пожалуйста.

Фабула у рассказчика вызвала смех.

— «Мерс» чей? Мне ехать надо срочно, — ненастойчиво говорит Пётр Анатольевич, в стекло пальцем постучал.

Оно медленно стало опускаться.

— Ты какого... стучишь?

— Машину отогнать, заклинил...

— Я тебе отгоню!! В мозгах у тебя заклинило.

Уже немолодой был этот водитель, а такой... строгий. В этикетке понимает. Не иначе как Гейне читал в подлиннике.

— Да вызови ты милицию. А лучше ОМОН, — острили в машине. — Да, да, непременно ОМОН. Или СОБР, — веселились в тёплом салоне.

Стыдно стало Иванову, отошёл, потоптался. Ещё решился: подошёл к другой машине и на вопрос: «Чья машина?» — ему ответили, что автомобиль марки «Мерседес-боо» управляется одним из тех, кто находится в «чероки». Из салона уточнили:

— Причём управляется умело.

Другой продолжил:

— Не за всякой бабой так ухаживают, как за этим «мерсом».

Иванов разогнулся, стал смотреть поверх мигалок: «Бесполезно. Смеются... Куда-то отойти надо. Рубашка влажная — зайти бы в тепло... В машине холодно». Лицо красное у него, глаза блестят. Но... но видит: в заклинившую выезд машину садится один из «чероки». В шапке, для пошива которой убили в тайге две норки. Хотите верьте, хотите нет: жалко Иванову зверьков

А потом, в тот же день, случилось продолжение, на этот раз с богатынским «лендровером». Горбатенький «запор» уже к дому устремился, к левой стороне стал прижиматься, готовился к повороту, когда его стала догонять скорая. А справа ровненько идёт этот иностранец, не даёт ряд сменить — пошутить ему надо. «Горбач» развивает скорость в шестьдесят, сбавляет, а иностранец — здоровый, как конь, — рядом идёт, не пускает в правый ряд. Скорая сиреной воет, светом мигает — как помирает у него кто там. Шуму сколько наделал...

Вечером, после ужина, Иванов дремал перед телевизором — шла умная передача с иностранным названием, но простым смыслом: ну хоть кто-нибудь дайте нам денег (мы злые, если голодные!). Но это совсем-совсем не о немощных стариках и старушках. Дремал Иванов, да вдруг встрепенулся: у них, у тех, что днём встречались и из телевизора смотрят, лица людей, которые не умрут. Подчинённые не позволят. И уважающие их начальники. Умирают другие.

Владилен Михайлович для перевозки валюты за границу изготовил чемодан с двойным дном. Чемодан уже дважды пересекал границу. И теперь сознание собственной независимости его хорошо бодрило.

И когда Околесин идёт по своему большому магазину — в двух шагах от городского центра, — много смазливых мордашек, стоящих за прилавками, напрягают вслед свои тела. Вон та, что шепелявит, как девочка, а в кабинете у него такое вытворяет... А четверть часа спуста, как ни в чём не бывало, покупателю:

— Вам каких ябочек (ещё и «л» не говорит)? Зеёньных, кясеньких? Бананчик не жееете?

Во наглая...

— В детстве ей был нужен хороший логопед, — сказала, сочувствуя, одна из пожилых продавщиц.

На что молодой мужчина Околесин ухмыльнулся: не понимает старая, не понимает, какой ей, Ленке, нужен логопед. Мол, знаем, какие ей нужны «логопеды».

А она и правда молодая, ещё неполных семнадцать. Не успеет и подрасти, как завершит образование. Скорее, по торговой части.

Приятная штука жизнь, согласитесь. Вот, к примеру, у кассы магазина толпятся начинающие предприниматели. Они восполняют «оборотные», уехавшие в чемодане с двойным дном. Пусть некоторые и смотрят неодобрительно, осуждают. И в эти минуты Околесина не покидает приятность. Одному из недовольных задержкой оплаты, «возникшему», он ответил прямо:

— Обрыдло!

Не смог он отказать себе в сочном слове, да и хорошо «покрутить» месячишко-другой денежки этих начинающих. Мимо очереди у кассы идёт: не он — к нему приехали. Нуждаются, значит.

С удовольствием он откидывается в кресле кабинета, сигаретку раскуривает. Красивой перламутровой ручкой «Паркер» поигрывает. Тепло, вентилятор уютно шумит, дрёму нагоняет. Всё спокойно. Охранник у двери, секретарша. «Видите ли, ей не нравится, что я девчонок в кабинет приглашаю. Нервничает, взгляды бросает. Не нравится — уходи. Но... жениться надо. И... чтоб с монетой была», — думает Владилен Михайлович, всё более погружаясь в послеобеденный сон. Шум вентилятора кажется ему уже потоком разноцветных струек от воды, распавшейся на составляющие. «Красиво.

А как пользоваться теперь... этим?» — успел ещё подумать Владилен Михайлович, и слюнка, как в детстве от сладкого сна, показалась на его пухлых губках. Но и через две двери слышно: охранник кем-то недоволен. В приёмную не пускает. А ведь хозяин, как и все, имеет право на отдых. Нет, что бы ни говорили, несладко тем, кто впереди. Им всегда труднее.

В один из вечеров, вернувшись с мороза и разогрев капусту на сковородке, Иванов стал готовиться к ужину. Кстати, приятно после раннего завтрака, да с морозца, иметь горячий ужин. Под уютное потрескивание и хорошую тягу в печи. Тихую музыку из радио. Хорошо нацелиться вилкой в тарелку с капустой. Да если там ещё колбаска нарезана. Что ещё надо? Таня ушла мыть полы в контору. Недалеко. Другой работы пока нет. Перестройка идёт, всё нормально.

В это время кто-то камнем стал бить в окно. Подумав о пожаре, Иванов только сунул ноги в сырые ботинки, поддёрнул домашние штаны на слабой резинке и выскочил, дожёвывая капусту с колбаской.

В переулке, на самой дороге, что и не проехать, стояли два японских автомобиля. Дутые. Да и как им не надуться, если кругом слабаки? «Рэкет», — обречённо подумал Иванов и вокруг посмотрел. В вальжных позах пребывали правильные пацаны. Каждый выбрал себе на что облокотиться. Среди них один, что уже приезжал, защищать обещал. Теперь он перевалился через штакетины палисадника, сплёвывает. Хочет слюной попасть во что-то там. Прицеливается. Другого, что с ним был, теперь не видно. Может, приболел. В Сибири живём: вон какие перепады температур, давления. Условия труда у него — не позавидуешь. А полезного для нашего государства делают немало. (Хорошо бы подумать о льготной пенсии для тружеников этого невидимого фронта.)

— Извините, совсем нечем платить, — ответил тогда Иванов. Платить и правда было нечем, но надо было ему тогда сказать как-то не так. Ещё мягче. Поговорить, извиниться. А теперь... теперь улыбка у того, что сплёвывает, недобрая... А что он теперь может? Потому и перевалился через палисадник. В истоме он теперь: если не плюёт, то сигаретка едва не падает с нижней губы. Болтается.

Стоит всё тот же старенький БМВ, оставленный кем-то ещё утром — ну, перед самыми его воротами оставленный. Его увидел Иванов ещё до обеда, когда подъехал, чтобы разгрузить обрезки досок. Походил вокруг, посмотрел вдоль переулка. Зашёл домой, начал греть обед. В окно выглядывал, чай пил с вареньем. Выходил, опять вдоль улицы смотрел — никого. Машина БМВ — старенькая, треугольник-форточка разбита. Видно, кто-то снаружи ударил. Яркий шарф на заднем сиденье, коробка для обуви. Тряпица торчит из перчаточного ящика. Ещё в доме посидел, повыглядывал — ехать ему надо. Опаздывает. И он решается немного сдвинуть машину

под уклон. Не очень решительно подходит к машине, просовывает руку в треугольник разбитой форточки, нащупывает ручку, тянет её до щелчка и открывает дверцу. Близко — никого, только совсем далеко, у дома, стоит какая-то машина. Дети мирно играют, кричат своё. Иванов очищает сиденье от осколков, сбрасывая их у ворот, садится за руль и совсем немного сдаёт под уклон.

Да лучше бы он не касался этой машины, не ездил сегодня, да и вообще в этом году. Теперь не тряслась бы у него коленка: перед ним стояли крутые, одетые особенно, облокотившиеся и поломавшие телом. Один пацан правильный перекладывал в салоне БМВ коробки, шарф. Другой, с золотой фиксой, хотя давно и моды такой нет, с челюстью вперёд, стал подходить сбоку. Его портрет будет совершенным, если сказать, что он говорил вместо «ж» букву «з». В кругу его корешков, в шалмане, это считалось привилегией. «Из блатняков», — обречённо подумал Иванов. По-видимому, в группе он был за плохого, с которым не договоришься. (Если будешь бодаться, может и «глаз на зопу натянуть».)

«Хороший» — молодой, при сытой морде, с серым налётом на ней. «От ночной жизни», — мелькнула мысль у Иванова. Очень даже странно: какое ему дело до этого бандоса? Совершает ли он прогулку на воздухе после гигиенической гимнастики? Но вот подумал. Мало ли что может мелькнуть в голове у человека в состоянии предчувствия.

«Хороший» бандит ткнул пальцем в грудь Иванова и спокойно, но как бы сдерживая негодование, спросил:

— Ты зачем в машине шаршил?

— Стекло разбил, — это один заходит сзади.

— Где зелень? — сбоку, в кожаной куртке, тёмных очках, постукивая кулаком правой в перчатке по ладони левой.

Большой размер перчаток, отметил про себя Иванов. Хотя, казалось бы, какое ему дело до этого размера? «Братан», — тоскливо определил он функциональную принадлежность мужчины в перчатках большого размера.

— Какая зелень? — уж очень Иванову хотелось недоразумения. Очень.

— Капюста, — пояснил фиксатый.

Видно, не любил он и «у». Не сложились у него отношения с буквами. А может, он вообще не любит фонетику. Да за что её любить? Не рубль же.

— Доллари, — это опять «хороший», глаза смеются.

С улыбкой исполняет работу, а её лёгкой не назовёшь.

Тем временем один из них (вроде бы как из студентов, подрабатывает, наверное) по двору походил, в доме дверями стал хлопать. Потом, слышно, стайку проверяет. До производства и «основных фондов» добрался. Там загремела старенькая стремянка — ещё от прежних хозяев. Это студент стал прилежно изучать номенклатуру «оборотных средств» лоха. Он вытряхивал из коробок и ящиков хлам:

гремели железки, тяжело падало с подвесного потолка, хрустело стекло под ногами.

Иванов, гордец с трясущейся коленкой, ещё хотел показать себя. — Выйдите из столярки! — с гонорком вроде, а у самого ботинки сырые, не зашнурованные. По шву разлазятся — ещё на прошлой неделе Таня предлагала ремонт снести.

Стоящий рядом в перчатках хлопнул по плечу:

— Будешь работать под «крышей»?

Обувь у него, видно, тёплая, на меху, подошва толстая — не пробиться сибирскому морозцу через такую.

— Капюста где? — фиксатый, челюсть вперёд у него.

— Два гранда, — уточнил «хороший» бандит, имея в виду две тысячи долларов, чем выказал знакомство с английским жаргоном.

— Верни за год, я всё прошу, — напел тот, что навалился на палисадник.

Он раскачивал его — пригибались и музыкально попискивали прожалины и штакетины. Музыкальный был молодой человек — скорее, после специальной школы для одарённых.

Подошёл студент.

— Нульсон, — на студенческом жаргоне он обозначил ситуацию в доме. — Никакой «нычки», — это уже для сословия выше — блатарей. — Ликвидности никакой, — это, наоборот, для плебса.

Тремя языками владеет этот молодой человек. Развитой, на наш недавний социализм похожий.

Теперь давайте обобщим ситуацию: прибывший коллектив был слажен, каждый говорил по тексту и был готов к решению поставленной задачи. Но произошла ошибка — «нульсон, нычка и неликвидность». Лох упёрся, рогами шерудит — от «крыши» отказ.

— Что же это ты, козёл вонючий?! — посмотрел на мелкого предпринимателя серолицый (так ошибиться в человеке... Любого можно завести!). — Что же это ты по машинам лазишь, крысятничаешь?! — не хочется ему «отвалить с нульсоном». Обидно.

— Знаете... вы, — говорит неуверенно козёл Иванов. — Что за чушь вы несёте? — а у самого парок над головой всё заметнее.

На это тот, что держал руку на плече, начинает нащупывать тамошний сустав. Сдавливает его пальцами, железными пальцами сдавливает его, и Иванову кажется: разъединился сустав. В глазах темнеет — вот что значит специальная-то подготовка. Глаза у брата за очками спокойные, смотрят в лицо Петра Анатольевича: как, мол, ты?

— Так что ты решил с «крышей»? — опять мордастый. — Одному шуршать бабками хочется? — осматривается. — А дом деревянный, пожароопасный, — и он, не без способностей, качает головой.

— Сам живи и другим дывай, — наставляет с челюстью.

Стал подходить к ним один из соседей: красивая трёхцветная курточка с капюшончиком, с кокеточкой на груди. Брюки с искоркой.

Между прочим, сосед этот образован. Говорил, Марк Шагал — не более как местечковый художник-философ. И что нашли, мол, в нём? Сосед этот, он повыше живёт, кроликами занимается, в округе — известный кроликовод. Нормальный мужик. Он вначале хотел подойти, поздороваться. Да что-то вспомнил, вероятно, к своей калитке повернул. Открыл её резко, тихо за собою прикрыл — и не скрипнула. Много теперь дел у каждого. Сколько вон времени требуется, чтобы какую-то шкурку выделать. Опять же, интерес к живописи.

— Совсем оборзел, ботинки из коробки утащил, — это сзади.

Но мало слышит Пётр Анатольевич, плохо видит, потому что ему больно. Специалист давит на сустав умело, не устаёт его десница. Иванов приподнимает плечо: на какой бы ещё кирпичик-полешко встать? Пошевелиться больно. Он не видит, что в их переулочок со славным названием Героев Труда заезжает машина. Двухцветная, надпись серьёзная на боках. Но, увидев занятость Героев Труда, начинает пятиться и потом разворачивается. Спешат служивые, хватаят у них дел по государству.

Наконец лох решается: он резким движением отталкивает руку специалиста по плечевым суставам, другой рукой хватается за плечо, закрыть его хочет. Да, многопрофильные были учителя у спортсмена, квалифицированные: левой в печень получает Пётр Анатольевич за свою невоспитанность. Некоторое время он пытался вздохнуть, да куда там... Только сгибается, печень легонько поддерживает, как будто она выпасть может. По рассеянности и не видит, как по улице идёт другой сосед, из работяг, которым зарплату задерживают. Он говорил кому-то, а спекулянт Иванов не только не слышал, но и плохо видел перед глазами землю, — говорил:

— Совсем обнаглел... вот у кого денежки-то...

Соображает сосед быстро, потому на всякий случай — от греха подальше — не стал борец за правду испытывать судьбу. А перейдя дорогу, соседке надумал визит нанести. Скоро там, в окне напротив, зашевелилась занавеска.

А не представлял Иванов, как это больно, если ударить в печень. Только бы, думал, кто не дотронулся до неё еще... Лучше уж умереть. — Здесь не цирк, — сказал фиксатый, который мог бы и «глаз на зопу натянуть».

Его понять надо: молодой, не терпится ему побыстрее снять напряжёнку с финансами. Будем справедливы и к Иванову: он добросовестно сохранял равновесие, не ломал комедию, а упирался головой в ворота, тем сохраняя вертикальное положение до самого пояса. Но что-то голова у него стала кружиться, земля в сторону поплыла. От этого и лицо его поехало по доскам ворот, некрасиво пачкая их красным. Из носа нехорошо пузырится. Но не сильно, не сильно. А тут ещё и студент пнул в мягкое место. Этим он выразил своё неудовольствие тем, как мало содержание учащейся молодёжи в Федерации. Ещё хорошо, что

он пнул в это место не озлобляясь, легонько. Мог и ногу свою отбить. Потому что «мягкое» — это просто принято говорить так. Жопёнка у начинающего бизнесмена была как два костистых кулачка — от каш и овощей жирок растёт не очень-то. Сквозь шум в голове Иванов услышал: машины заводятся, отъезжают крутые. Кто-то снял с его ноги смёрзшийся ботинок и сунул под голову. Чтоб не помер лох, а то ведь искать могут.

Очнулся Пётр Анатольевич во дворе, собачонка лицо лижет, от радости повизгивает. Кстати, ей тоже досталось. Студент, уже знакомый с ролью компьютера в прогрессе и самораспаковывающимися дискеттами (хорошо распаковывал в доме чемоданы в поисках ликвидного), от души ударил Кутайку. Не надо было ей лезть в это дело: забила бы в угол и сидела. Глупое животное, что с него взять? С месяц назад Иванов нашёл её под забором, дрожащей от холода. Смотрела с надеждой, это растрогало его, и он подобрал щенка. Закутал в тряпку, а от этого и имя пошло: Закутанная, Кутанная, а потом и — Кутайка. Красивая собачонка (чёрненькая, лапки белые, как в носочках), вот только под палку зря лезет. Чтоб, значит, хозяина защитить.

Тут и жена пришла после уборки административного учреждения. Какое-то присутствие недалеко появилось, там и мыла полы жена бизнесмена, представителя нарождающегося среднего класса. Льда наколола, стала грелку прикладывать к печени, а на плечо бутылку с кипятком приспособила. Кутайке рану на спине обработала мазью Вишневого. Хорошо помогает при ушибах та мазь, вещь в аптечке необходимая для нарождающегося класса. Потом в печь полешек подкинули, чайник зашумел. Тут и чай скоро пить стали.

Так и жили да поживали. Усадьба есть, домик. Правда, хорошо бы углы поднять, да ещё проконопатить их, а то поддувает зимой. Но ничего, одеваться надо потеплее. В бывшей стайке — производство, во дворе «Запорожец-965», пусть и старый, но бегаёт ещё. Коробка вот стала трещать, через трубки масло погнал двигатель. Снимать его надо, резинки менять. Да уже за одну ночь может Иванов и снять, и поставить двигатель. Зимой только с этим плохо: руки мёрзнут, мелкие болты не возьмёшь пальцами.

В тот год в городе случились выборы. Ни о чём таком и не думал молодой Околесин, но задело его, что один из тех, кого он «не воспринимал», в упор не видел, — в кандидатах. Кандидат в депутаты, с портретом в областной газете. Рассказал об этом некоторым... Вот и собрались в своём кругу обсудить, посмотреть, что в тылах, кто наверху.

Потом, как принято, расслабились, пригласили массажисточек. Кадрами ведал Владилен Михайлович, по потребности он брал их из своего магазина — у них, в продовольственном, по медицинской части строже. Кстати, хорошо шла шепелявенькая. Один старичок, из бывших, балдел от неё. Капельки особенные медицинские принимал.

Любил, если ему говорила: «Я девочка ещё ма-а-аинькая». От этих слов мелким козликом прыгал старичок — администратор крупный. Старой ещё закалки, лицо мог делать такое, что от камня не отличишь.

Не занял в тот год «места» Владилен Михайлович, но появились хорошие связи. Скоро ему предложили курировать поступление инвестиций. «Хороший сектор», — сказал упомянутый нами старичок и давнишний друг его отца. И правда, стал в городе узнаваем Владилен Михайлович, в магазине дела лучше. Иринке, сестре единственной, стипендию выхлопотал. Во Франции она теперь образование получает, в самом Париже. Взрослая, а тревожно за неё: всякое болтают про тамошнюю жизнь молодёжи.

Не очень весёлым был этот год у Петра Анатольевича. Простывал, кашлял. Плечо не хотело забывать холодную руку спортсмена. Таня совсем не переносит древесную пыль.

Летом двигатель грелся. Приходилось останавливаться у знакомых луж и поливать его из кружки. Бросал воду снизу, а сверху пар шёл, клубами, что прохожие останавливались, наблюдали. Мужики из осведомлённых посмеивались, объясняли перегрев двигателя.

Зимой у машины что-нибудь да отваливалось. В то утро у него печка отказала. Уже возвращался, когда «произошло нарушение пункта 15.2 „Правил...“, что повлекло тяжкие телесные повреждения у водителя Иванова» и т. д. Сложно это по милицейскому протоколу, а дело простое: пар у водителя Иванова шёл изо рта, дышал человек, а пар конденсировался на холодных стёклах. Не видно через боковое: он успевал делать только самое необходимое — ногтями соскрести лёд с лобового стекла.

Вот и мелькнула тень справа, стекло на миг потемнело — удар случился, какой объяснить трудно. Ударил, смял «горбатого» благородный «мерс», отскочил. Отскочил, как после нанесения рокового удара шпагой.

Из тёплой машины вышли в кашемировых пальто — в машине и льдинки на стекле не найти. Нехорошо получается: и то, что без шапок вышли, и то, что Иванов создал помеху справа. Стал вылезать из машины ещё один, ещё хуже — в вязаной шапочке без верха, но с козырьком. Наверное, издалека завезена такая шапочка: верха в ней нет, но есть в том месте какое-то хитрое переплетение нитей, что заканчиваются они мохнатой пампушкой на самом верху. Он стал подходить к «горбтому», а теперь и сильно скособенившемуся, и говорить о козле, но Иванова наполняла боль. Он её слышал в ногах, но особенно в боку и спине — везде боль. Тёплая жидкость потекла под рубашкой, по ноге, в ботинок. Но этого не замечает Иванов, как и того, что вокруг. Внутри-то больно как...

Народ стал обступать.

— Виноват «запор», — сказал один, но неодобрительно посмотрел на тех, кто обступил иномарку.

Кто-то бросил:

— Сволочи разжиревшие.

Другой поправил:

— Свиньи.

У Иванова в глазах появилось много мушек, и он не увидел, как подъехала скорая.

Один из тех, кто заглядывал под капот иномарки, явно расстроен, места рукам не находит. Совсем не замечает: его шёлковый галстук почти двигателя касается. Красивого абстрактного рисунка галстук: Париж — он всегда Париж! Мужчина в лицемерной шапочке кнопки у телефона энергично нажимает, машину требует.

— Незамедлительно! — распоряжается, отгибая обшлаг пальто, а там — и выговорить непросто — «Ролекс»! Часы, что стоят... столько стоят, что если и скажешь — не поверят.

От этого хочется крикнуть Иванову в лицо побледневшее (на носилках), чтоб он не тешил себя иллюзиями всякими.

Не находит себе места водитель попорченного «мерса». Стёклышки от фары поднимает, непонятно для чего на ладонку их складывает, а у самого, видно, губы трясутся — любит автомобиль. Лицо платком уже который раз вытирает. Привычным движением аккуратно снимает норковую шапку, макушку трёт. Растерянно смотрит на мятую с левой стороны облицовку и вокруг — сочувствия ждёт. Вон уже и лужа под радиатором стала растекаться. Отворачивается водитель, чтобы не видеть. Его понять можно: охлаждающая жидкость для такого автомобиля стоит валюты...

Но всё обошлось: уехали по службе господ, отбыла милиция, грузовичок «мерс» утащил. Эвакуатор погрузил скособочившегося «горбача» с рыжей шапкой из овчины внутри. Ещё на полу — вязаная варежка, подарок жены к Новому году. Расходиться стали свидетели и те, которые остановились посмотреть. Разошлись, опустело место, от этого стала заметна позёмка на дороге. Красиво переливаются светом осколки стекла, залитые растёкшейся по асфальту кровью, где стоял «Запорожец-965». Кровь кажется особенно красной при освещении её заходящим зимним солнцем. Это солнечный свет преломляется на гранях стекла, расщепляясь на его составляющие. Красиво наблюдать, если со стороны смотреть.

Месяц Иванову было совсем нехорошо: постанывал, больно ему. От железной спицы в кости тяжко. Тело пропахло больничным судном, уткой. Через месяц боль утихла, руки-ноги стал чувствовать. Спицу из ноги вынули, в позвоночнике терпимо. На кровати шевелится, чтоб пролежни поджили, — к жизни потянулся. Стал гулять на костылях до дальнего окна в коридоре. Хорошо, как это хорошо самому дойти до туалета.

А душа стала болеть, и с каждым днём сильнее: никогда он не пойдёт без костылей. Говорили ему: «Сделано всё, что было возможно».

Тяжело-то как... подумать о будущем. От этого и снег за окном такой серый. Пакеты рваные, палки грязные, тряпки торчат из-под него, а костыли у Петра Анатольевича — старые, отполированные руками прежних хозяев. Может, их уже и нет, отходили своё. Грустно... Тanya каждый вечер приносит суп, но сказала, что ей в жизни не везёт. В угол посмотрела.

Приходил два раза навестить его давний друг. Не друг, если быть точным, но добрый знакомый. Встречались иногда в праздники семьями. Приносил домашнее печенье, пирог. Старался излучать оптимизм. Приходил раз дальний родственник, уже — старик. Сочувствовал, привет передал от своей семьи. Навестить ещё обещался. Ещё был один, с прежней работы в кооперативе. Говорил, чтоб звонил Иванов, если что надо. Как-то сразу их не стало однажды.

В один из таких дней пришёл адвокат истца, чей автомобиль так неосторожно попортил Иванов. Автомобиль, слава Богу, давно отремонтирован, но пришлось многое менять: фару, подфарники, сигнал поворота. Паяли радиатор, а для этого его пришлось снимать. Бампер не подлежал восстановлению — поменяли.

— Кажется, в Германию заказывали. Ремонт иномарки — дорогое удовольствие, — говорит адвокат, руками разводит. Сочувствует. Сумма большая, что и говорить (как запятую вправо кто перенёс). — Дорого всё, дорого, — ещё сочувствует представитель истца. — Но закон есть закон, соблюдать его надо всем, — бессильно разводит руками. — Пусть рухнет мир, но торжествует закон, говорил один из великих мира сего.

Руки потёр, хотя в больнице не холодно. Походил около подоконника (на нём сидел Иванов), ещё руки потёр — как в предвкушении. — Но мы — не звери. Люди мы, — и он начал предлагать щадящий ответчика вариант компенсации.

Если, например, у Петра Анатольевича на это время нет достаточного денег, то его истец — Околесин Владилен Михайлович, человек уважаемый в городе, — согласен рассмотреть другой вариант. Он согласен на дарение дома с усадьбой. В порядке компенсации очень дорогого ремонта. Адвокат, как бы давно небритый, а фактически — кто понимает, такой бородке могли бы позавидовать Кони с Плевако, понимает, как непросто на это решиться...

— Супруга ваша, Татьяна Семёновна, уже согласна, — говорит адвокат, подбирающий щадящий вариант.

— И Тanya согласна?

— Татьяна Семёновна согласна, — заглядывая в лицо, говорит правозащитник. — Да разве вы не знаете?

— Нет. Пока не знаю, — отвечает виновник транспортного происшествия.

У самого сердце захолонуло (а не нарушай пункт 15.2 «Правил...»! Не ездь на технически неисправном автомобиле). Он вспомнил

последние встречи с женой, которая стала жаловаться на усталость. Что ей в жизни не везёт. И что она ещё молодая и ей хочется жить. — Ну да вы между собою скоро разберётесь, — сразу видно, аккуратно исполняет обязанности адвокат, и в предусмотрительности ему не откажешь. — Владилен Михайлович сможет ей помочь. Будет ей немного от усадьбы, — наверно, из мужской солидарности посмотрел на Иванова с пониманием. — На самое первое время ей будет. А если она пожелает, то Владилен Михайлович и с работой ей поможет. В своём магазине что-нибудь подберёт.

Назавтра пришла Таня и сказала о своём согласии «на всё». Но жить она так дальше не может. Она решила уйти. Руками платок мяла, потом головой к его плечу прижалась, плакать стала. А Иванов — нет, но очень хотелось. Он сильно сжимал костыли, чтоб стояли рядом. С этого дня у Петра Анатольевича сон испортился. Спать стал мало, дремал, не соблюдая режима. Днём ждал вечера, ночью — когда утро наступит. Стал думать о прошлом, которое казалось ему печальным. Зачем всё это было? О будущем не думалось — не знал ничего он о нём.

Скоро опять пришёл адвокат. Он выглядел утомлённым, но немного. — Ну что делать? — он дружески взял за локоть. — Как-то жить надо. Помолчал немного.

— Начнём? Начнём, — ответил себе, ещё сжимает руку у локтя.

На брюках у него и складочки нет. В клетку костюм: у актёров-шансонье можно увидеть подобное. Да и сам адвокат напоминает представителя искусства.

— Посмотрите вокруг, скольким людям хуже. Я недавно был в одном интернате для инвалидов — дело было, сколько там стариков немощных, — он как бы руками за голову взялся. Содрогулся несчастьем. — Лежит с трубкой из живота, а моча — в бутылочку. Другие оправиться нормально не могут, — головой в стороны качнул. — По десять-пятнадцать лет с раком кишечника мучаются. Вонь в палате — подойти невозможно. Впору противогаз надевать.

Адвокат при бородке («элегантная небрежность» называется, уход за ней стоит денег) прошёлся по кабинету главного врача, где была встреча, руки засунул в карман глубоко.

— Очень много несчастных. Я вижу это каждый день, — постоял у окна, рассматривая улицу, вздохнул. — Ну что, Пётр Анатольевич, начнём? — ещё головой качнул. — Эх, Пётр Анатольевич, не всё так плохо. Повеселее давайте будем смотреть на жизнь, — подошёл к дивану, ещё за локоть взял.

Здесь же, за столом, наблюдает главный врач больницы, чтобы скрепить печатью законность и обоюдное согласие принятого решения, а глаза — в угол. Угрюмый какой-то. Может, с женой утром поцапался. Щи кислые подали. Да пусть и кислые. Нашёл из-за чего расстраиваться: вон сколько несчастных с трубочками лежат. Подойти близко невозможно!

Плохо видел заготовленную бумагу и мало слышал ответчик о том, что истец — уважаемый Владилен Михайлович — решил принять участие в судьбе Петра Анатольевича. Фактически он уже договорился о переезде Иванова Петра Анатольевича, шестьдесят пятого года рождения, инвалида первой группы, нуждающегося в постоянном уходе, в один хороший дом инвалидов. Недалеко.

Адвокат бросал взгляды на врача, посматривал на Иванова, недовольный взгляд бросил на женщину в белом халате, заглянувшую в кабинет: она мешает работать, какая невоспитанность! Иногда заглядывал в свою бумагу.

— А что будем делать с собакой? Татьяна Семёновна отказывается... Я понимаю её: она сама ещё не устроена.

Адвокат теперь ходил по кабинету ровно, смотрел под ноги, как бы выверяя свои шаги. Пять шагов к большому окну, два по стенке и пять обратно — по ковру.

Иванову стало жалко себя, своё прошлое. До самого детства. Когда ещё он босиком на реку бегал, свинцовые грузила выливал в земле... Кто-то кашлянул, и он вернулся к мысли о Кутайке. Что-то стало давить в груди. Не ко времени это. Да врач какую-то таблетку ему в рот сунул. Кутайка, сучка эта, достанет его когда-нибудь! Не понравилось что-то и врачу. Он поправил белую шапочку, резко сделал руки за спину, стал энергично прохаживаться по большому кабинету. Его шаги не сочтены наперёд, это видно по нервной походке. Дёрганый какой-то попался главный этой больнице.

— Мы заберём вас в четверг-пятницу, — говорит адвокат.

А бородка у него — какой позавидовали бы и упомянутые нами юристы. Если честно, у Кони она, как бы это сказать... как в парикмахерской он год не был. А этот, извините, Плевако... он что, совсем? — Да, скорее всего, заберём вас в пятницу, — заканчивает защитник, укладывая бумаги — и с печатью уже — в красивую папочку тёмно-синего цвета.

На ней сложная виньетка, монограмма — золотом, много ниже и левее середины. В такой асимметрии и есть утончённость. Да многие ли поймут?

— Я не представляю, что делать с Кутайкой, — говорит Иванов. — Никого нет. Ну совсем у меня никого, — халат у него казённый, расстёгнут, а под ним серое, цвета немаркого, исподнее. — Совершенно никого.

На это адвокат покачал головой. Сочувствует, известное дело — правовик. Легко кланяется врачу.

— А к вам, уважаемый, я ещё зайду, — улыбку убрал.

Вышел, тихо дверь прикрыл, и в коридоре ещё долго были слышны шаги человека в крепкой обуви. В такой-то обуви и до самой Москвы можно дойти!

Врач к окну стал, что-то там разглядывает интересное. Руки назад, как пальцы массирует. Какой-то он ещё и сутулый, оказывается.

—Идите. Уже обед начали развозить,— сказал тихо в окно.

От слов этих Иванов снова оказался в кабинете, а Кутайка где-то там... Возможно, голодная.

—Снег ещё не весь сошёл, из ручейка напьётся,— заканчивает мысль давно небритый мужчина под правильные шаги адвоката — чёткие, без всякого сбоя, удаляющиеся.

На следующий день врач ещё пригласил Иванова в свой кабинет. Листал затребованную историю болезни, снимки разглядывал, анализы смотрел. Предложил лечь на кушетку за ширмой: щупал спину, просил сгибать ноги. Ещё смотрел снимки и соглашался с проведённым лечением. И его прогнозом.

—Ничего нельзя сделать?— опять с надеждой Иванов, в глаза старается заглянуть главному, а тот — в сторону.

—Ничего,— головой покачал, пошёл руки мыть.— Одевайтесь.

И начал говорить, что надо довольствоваться тем, что осталось. И что он ничего не может... Потом — Иванов и не заметил — врач перешёл на другое. Не очень и поймёшь... О слиянии понятий Родины и государства. А сам в пол смотрит — бука буккой. Может, и правда жена дурно кормит — угрюмый какой. Да что делать: и у интеллигентов в жёнах бывают дуры. Сколько вон их, хамок. Впрочем, может, и не в жене вовсе дело. Хорошо бы ему понаблюдаться у узкого специалиста... по этим самым «совмещениям». Неадекватно рассуждает мужчина: когда он видел последние сто лет это, извините, «совмещение-слияние»? Да не религиозно-философский ли это бред?! Так и хочется посмотреть вокруг: кто доверил ему больницу? Между прочим, большую. Ну ничего, ничего-ничего... Есть ещё одна больница — с очень узкими специалистами. Там пусть с ним и разбираются. Родина, государство, Отчизна... Напридумывал. Какая ему разница? — Ну что вам, Пётр Анатольевич, пожелать? — опять он взглядом в угол упёрся. А может, всё же с женой у него нехорошо. Пойди их, интеллигентов, пойми.— Желая, чтоб хорошо было у вас. Живите с Богом.

До двери проводил. А смотрит — как виноват в чём. Не ясный у него взгляд, задумывается нехорошо.

Вот защитник сомнений не имел, потому выполнял свою работу аккуратно. В пятницу, как и обещал, приехал забрать Иванова, чтобы перевезти его на постоянное место жительства.

—А что здесь залёживаться? Здоровье, слава Богу, подправили, на ноги поставили. Да и сама больничная обстановка угнетает.

Он в эстрадном костюме, а на галстук сюжет из светских дам в шляпках, пышных платьях и при зонтиках от солнца. Глазки строят, проказницы.

—В доме инвалидов обстановка... хорошая, здоровая обстановка. Рядом — лесочек, смешанный. Комната светлая, солнечная. Да, да, светлая,— говорит адвокат, совсем не умолкает профессионал.— Питание

получше больничного,— подсаживая в машину, говорит.— Калорий много. Куда ни посмотришь — калории, калории. Из каши выпрыгивают, если рукой тарелку не прикроешь,— оказывается, защитник обездоленных не может отказать себе в юморе, если возможно. А теперь уже можно.— Ещё не старые бабульки прогуливаются,— ладошкой о руль пристукнул, обернулся, подмигнул.

Приехали к дому Иванова, теперь бывшему, чтобы взять собранные Таней для него вещи. А ещё у него было право забрать всё из усадьбы, вплоть до гнилушек от дома и стайки. На этом месте планировался особнячок. Кольшки уже стояли, разбивка будущих строений сделана. Ворота запланированы арочные, двор брусчатый. Окна высокие, стекло зеркальное. По-видимому, собака здесь будет тоже высокая. По бокам пятна чёрные, по брусчатке ходить будет высокородная. Гладкошёрстная, но на зиму ей будет место в тёплом помещении. Питание у неё — сбалансированное, на прогулку водить будут аккуратно, в положенное ей время.

А пока здесь ставень стучит в окно. Окно низкое, небольшое; ставень на одной петле. Собачонка его, Кутайка, визжит от радости, а Иванов из кармана ещё зимней куртки пакет с угощением вытаскивает. Большой пакет, от мясных блюд остатки.

Подросла за зиму собачонка: высокой стала, стройная, как гончая. На боках шерсть лезет, косточки видны, особенно — рёбрышки. Присядет, подпрыгнет, лизнуть в лицо хочет от избытка чувств. На секундочку хвост не останавливается. Если бы не на цепи, повалила бы инвалида.

И Пётр Анатольевич рад: хочется ему легко потрепать по спине верного друга, потискать его хочется, плешину от удара на спине загладить. Вспомнил студента, и у самого печень заныла. Где-то он теперь изучает компьютер. Без них, самого последнего поколения, нынче никуда. Хорошо станет, когда их много будет. По два на каждого!

Зашёл в дом Иванов. Холодно, с неделю как в деревню уехала Таня. Телевизор давнего поколения стоит на журнальном столике. На кухне плитка, уют и даже керосинка. На столе аккуратные стопки посуды, полотенце, постельного белья. Сверху записка: «Прости, если можешь. Я не забуду тебя никогда». А подписи нет. Обещала когда-нибудь написать, в больнице совала в карман деньги. Хорошая она... была. Нет Тани — и уже никогда не будет. И писать не станет. Когда-то радовались покупкам, сомневались, надо ли было теперь тратить. Ему теперь ничего не надо. Сколько книг останется по строительству, столярному делу, о том, как правильно платить налоги. Там же — толстая книжка в тёмно-коричневой обложке. На ней горделивый старец с бородой — проповедник непротивления злу насилием и рисовых котлеток. Под старенькой книжной полкой, на которой книжка стоит, старенький диван, покрытый стареньким одеялом. Сел на него Иванов, знакомо заскрипели пружины. Может, уже все ржавые внутри, а

грустно-то как... «На самосвал всё погрузят, во дворе соберут и — на свалку», — думает он. Посидел, ещё заскрипели пружины грустно. Волоча ногу, прошёл в стайку, погладил холодный станок — уже без двигателя. Собирал его, со свалки железячки носил. На подвесном потолке балясины были — нет. Инструмент утащили, на верстак нагадили. Совсем холодно в помещении... Посмотрел через редкий забор к кролиководу, попрощаться хотел — никого. Ну и ладно...

Кутайка лаем зашлась. Добро хозяйское защищает: на адвоката с узлом бросается. Хозяин недалеко, пусть знает: не зря собака хлеб ест. Он проковылял к калитке, опёрся на костыли, смотрит на неё: ластится, лапами хочет достать, а цепь не даёт. Через пелену в глазах видит плакса Иванов своего последнего друга. Недоумевает Кутайка, куда это уезжает хозяин теперь, когда они вместе. От этого и хвост всё тише шевелится.

Но не в этом дело, это так, попутно. Что ей, собаке? Прыгает, виляет. А вот машина у адвоката, хоть не бог весть какой начальник, большая, красивая, цвета тёмно-синего. Даже как бы счерна. В салоне удобно: подлокотники, откидные спинки, а на них накидки с красивой эмблемой. В подушках утонуть можно. Снизу, чуть слышно, в салон тепло поступает. Нажал адвокат кнопку голубенькую, и музыка где-то заиграла. Ненавязчиво, как это принято в культурном обществе. Настроение поднимает: всё хорошо, живите, любите. Море тёплое, и ветерок ласковый. Чуть не забыли: приёмистость у машины отличная, с места может рвануть. А какой мягкий ход — и не тряхнёт на ухабе. Да, дороги у нас — как и во времена Гоголя, но как далеко шагнул прогресс: и при наших дорогах не тряхнуло иномарочку.

И полчаса не прошло, как примчались на место. В ворота въехали, у самого подъезда остановилась машина. Старушки расступились, старики головы со скамеек тянут: кого привезли? Адвокат, зная комнату, пошёл с узлом, а Пётр Анатольевич стал смотреть на тех, кто наблюдал за ним. Злые, безразличные, сочувствующие лица у тех, кто наблюдал. Теперь жить ему здесь. В комнате на первом этаже, где много солнца. Где стояли стол, три койки, три тумбочки, шкаф со скрипучей дверцей. К стене там прибита вешалка, а в углу — ночной горшок. Если добавить к нему ещё аромат от мази «Бом-Бенге» — и получится запах старческой немощи. Вот такая атмосфера, вот такая теперя у него «селявишка».

Старшим в комнате определился ещё не старый мужчина без ступни, с рукой колесом. Вечером представился: чалился, три ходки, четырнадцать лет. Был хозяином в зоне. Три года — на особом режиме. Замочил одну суку. Он взял в руку костыль и показал, как мочил ссучившегося. А нога? Так это он неправильно лежал на проезжей части дороги. Естественно, пьяный.

Другой — совсем молчун, хоть и старый. Дело в том, что у его дочери жилищные условия пока не позволяют, вот он и живёт временно

в интернате. А как она сможет улучшить жилищные условия, так сразу (в тот же день!) и заберёт отца. Ей уже обещали большую квартиру на предприятии, где она хорошо трудится.

— Честный фраер, — представил молчаливого первый, кривой рукой в его сторону показал. — Михеичем зовут. Второй год как внуков с пирожками ждёт. Придурочный. Мужик, он и есть мужик, — с сочувствием покачал головой. Культю ноги на кровать закинул. — Болит к непогоде, стерва, — стал массировать ниже колена. — А ты из каких?

Говорить Иванову не хотелось, чужое вокруг: и бывший лагерный авторитет, и Михеевич, и тумбочка с крошками хлеба от прежнего хозяина. На кровати уже многие спали. А на полу, рядом, его мешок с имуществом: выходной, ещё приличный, костюм, толстое одеяло из верблюжьей шерсти, два свитера, рубашки и пакет со старыми фотографиями. Он решил их выбросить сразу, как посмотрит.

Пересел со стула на кровать, лёг на спину прямо в старой куртке с пятнами крови, уже давно почерневшими... Всё в прошлом, где были домик, «запор», ровный гул токарного станка. Был приятный запах стружки. Была собачонка по кличке Кутайка, и была надежда на будущее. Как от прошлой жизни Иванов к стене отвернулся. Заглянула сестра-хозяйка, сказать что-то ей надо, но не стала беспокоить: она такое часто видит.

Вот и последний приют. Остались от Петра Анатольевича тело да воспоминания. Тело его передвигается, а для этого ему (телу) нужны пища, туалет, угол в комнате и небольшой прогулочный дворик. От личности осталось мало: если где-то у телевизора слышны речь и смех — чужой это ему голос, надуманный это смех.

Стал скоро замечать Иванов за собою новое: раскачивается в стороны. Михеевич так делает, но Иванову-то ещё тридцать с небольшим. А сядет на кровать, в воспоминаниях уйдёт далеко, глаза закроет, качнётся раз-другой. Потом ещё. Может, и не видел никто, а нехорошо ему. Встрепенётся. Вот сколько раз он пытался вспомнить, почему это они с Таней весело смеялись в прошлый новогодний вечер. Помнит, она клала ладони на его голову и сквозь смех говорила. Не может вспомнить о чём — кажется, это так давно было. Но смеялся он, ему было хорошо... Потом хватается Иванов: он сидит на кровати, раскачивается. Не сильно. Вокруг посмотрел: не заметил ли кто?

Однажды видел сон: Кутайка ластится, прыгает, мордочкой тычет его в ноги. А ноги здоровые у него. Весёлая Кутайка, здоровые ноги. Но что-то не так, чувствует... Проснулся, тоска наполнила душу: «Такая она весёлая, как ноги мои здоровые». Потёр ладонью грудь — жалко ему собачонку. Хочет — и не может забыть её радость...

Физиология подталкивает живое тело к перемещению, к тому, чтобы ощущать себя в мире, к тому, чтобы потихоньку-помаленьку забывать прошлое. Вот заметил Пётр Анатольевич: в столовой, за столиком, сосед сменился. Откашлял, наверное. В туалете умывальник

новый поставили. Бывший зэк часто пьян, блюёт в разные стороны. Его предупреждали, а он сестре-хозяйке — о суках, которых мочил. Доставалось в это время и «вертухаям», «придуркам». А «петухов» он и за людей-то не считал. Наколки у авторитета серьёзные: змеи, орлы, обещания не забыть маму. Звёзды на коленях, а есть жанровые сцены с законченной мыслью.

Другой сосед, Михеевич, уже несколько лет как на заслуженном отдыхе, любил постоять под большим клёном да посмотреть вдоль улицы имени известного физика. Внуков высматривает: пирога ему хочется. Раз упомянули о воспоминаниях заслуженного ветерана труда, расскажем маленько о его прошлой жизни. Что он-то качается?

Семья у него была нормальная, всё хорошо. Дочь замужем, внучат народила. Старуха — вот беда — умерла скоро. Михеевич как мог поддерживал тепло в доме. Фактически от него пошёл обычай жарить по воскресеньям пирог с капустой. Свежей, но чтоб непременно ещё было немного квашеной — для кислинки. На рынке он покупал у известного ему человека рыжиковое масло — оно к капусте хорошо идёт. Пёк один, к печи и дочь не подпускал. «О!..» — говорил он домашним, пробуя первым кусочек пирога. Так он открывал воскресный семейный обед и заявлял о своём непосредственном участии в том, что в доме. Рядом сидели внучата-погодки с блестящими от масла мордашками. «Да...» — вздыхает теперь под клёном Сергей Михеевич. Под бременем воспоминаний он. Понимает: учатся внуки, уроков много задают. Фортепьяно в доме. Надо, надо учиться, а то вот он — простой работяга, всю жизнь на заводе. По горячему цеху и на пенсию вышел. Нелёгкий был хлеб, нелёгкий. Кожа у него стала серая, много её на крупных костях. «Побольше физкультуры, упражнений по утрам. Конечно, с учётом возраста, папаша», — когда ещё ему говорила дочь. Заботилась о папе. И правда, что столбом-то стоять, дорогу высматривать? Ну не пылит дорога! И кусты не дрожат. Но скоро и ты отдохнёшь. Сердце болеть не будет. Совсем. Подожди, Михеевич. Недолго уже осталось. А пока не стой ты памятником, гуляй. Делай упражнения, на турнике подтягивайся.

Вон престарелые и инвалиды прогулки совершают. Ветераны, старые партейцы прогуливаются. Нет-нет да у кого из них медаль звякнет. И их, к сожалению, не минула чаша сия. Не обманул адвокат: есть и старики с бутылочкой в кармане для сбора мочи. Недалеко на скамеечке две старушки из интеллигенток, их сразу видно. Одежда у них чистенькая, отутюженная; брошечки-колечки у них. Причёсаны аккуратно, седые волосы убраны. Говорят тихо — дружат между собою. Всегда томик Чехова у одной, другая чаще Паустовского носит. Вот и теперь на скамеечке книжка.

Неожиданно Петру Анатольевичу почему-то вспомнилась Галя Прошина. Не совсем такая у неё фамилия, а какая-то похожая на эту.

И не помнит уже. Она была на два года моложе, училась в восьмом классе в их сельской школе (ведомственная, для поселковых, была в другом конце села Подтаёжное). Она тоже была из деревни. Красивая школьница Галя. Через два года она первая увидела в коридоре института Иванова, узнала, поздоровалась и стала говорить на «вы». У неё была пора кратковременного бурного цветения. Издалека видно такую. Жаль, если кто обидит. Три года он, где-нибудь случайно встречая её, здоровался с лёгким поклоном. Глаз косил: какой у неё парень? Потом он видел её с другим, из городских, у которых свои компании. Красивая была девушка Галя. Это вспомнил теперь Иванов, и ничего более. Он её не видел после института, кажется, и не вспоминал. Но почему сердцу стало нехорошо? Как на быстром конвейере только мелькнула жизнь: красивая школьница, студентка, желание любить и быть любимой. Работа — чтоб получше, квартира попросторнее. Нехорошо ему от «мельканий как на конвейере»...

«Может, в дорогих норках ходит Галя, а может, ошиблась, израсходовала себя бурно. Курит, сигаретки выбирает подешевле и чтоб покрепче. Что это было, зачем? Зачем я пришёл в этот мир?!» — в нелёгких раздумьях Иванов о своей судьбе.

Недалеко столбом стоит Михеевич, старушки тихонько разговаривают, ветераны партии коллективизацию вспоминают. «А зачем она была? Что это всё значит, наконец? — глубоко копает инвалид первой группы. — Не волнует ветеранов этот вопрос, не желают они видеть его связки с Михеевичем, ныне стоящим столбом телеграфным. О существовании которого давно уже все и забыли».

... Вот девять месяцев прошло. Как один день — вспомнить нечего. Гуляет Пётр Анатольевич по дорожке вдоль железной ограды. Небо над ним голубое, и настроение не совсем плохое. Солнышко греет, куртка пылью пахнет. Хорошо на улице, сухо. Костыли постукивают резинкой об асфальт, ногу волочит Иванов. Навстречу старушки, из чистеньких, беседуют мирно. Недалеко совсем, за оградой, громадина психиатрического корпуса. Красивые иномарки вокруг. В два ряда. Он идёт подальше, где народ не ходит. Было у него такое местечко за подсобкой из красного кирпича. Далековато для него, да там лежала бетонная плита, на ней он располагался, отдыхал. Смотрел далеко, на рощицу. «Отговорила роща золотая», — думал. Наблюдал птиц, пока не исчезнут. Любил смотреть, как в небе парят. «Пернатые», — зачем-то говорил себе. Костыли рядом. Поворачивался на бок, чтобы наблюдать: около баков с мусором всегда бродячие собаки в поисках пищи. «Животные, — сочувствовал он. — Больных много».

Ещё и не понял, но сердцем почувствовал, дрогнуло оно внутри, затрепыхалось, дышать перестал Пётр Анатольевич, потому что увидел белые носочки на лапках. А когда разумом признал, от головы кровь отлила. Шепчет:

— Кутайка, Кутайка.

Рукой костыли нащупывает, глаз с животного не спускает. Стал прилаживать костыли — покачнулся: земля в том месте неровная. — Кутайка, — говорит громче, торопится идти.

Грязная, с плешинной на спине, собака подняла голову, стала воздух нюхать, хвостом зашевелила.

— Кутайка, — сухими губами говорит, а лицо у него белое, руки неспокойные, идёт плохо — того и гляди на бок завалится.

Вот он ближе, и собачонка сильнее виляет хвостом. Признала. Сильно изменилась она: грязь засохшая на хвосте, носочки испачканы. На морде шрам, он оголяет ряд зубов, делает её злой. Глазница пустая. Видно, силушки тому трудящемуся не занимать. Одного удара было достаточно бездомной твари, чтоб на всю жизнь запомнила!

Кутайка прыгнула с бака, стала обнюхивать, искать прежние запахи. Что-то ещё осталось, потому что хвостом ещё шевелит, глазом посмотрела человеческим — не в обиду животному будь сказано. Ещё нюхает, хвостом шевелит. Потянулась и стала располагаться у ног. Пётр Анатольевич, опираясь на деревянные, стал опускаться рядом. Спинку ему хочется погладить, голову на свою ногу, что лежит недвижимой, откинутой в сторону, положить.

Совсем близко от мусорных баков встретились. Бумага, селёдкой вымазанная, тихо шевелится от ласкового ветерка. Коробки мятые вокруг, книжка в тёмно-красном переплёте листами перебирает. Запах отбросов. Помойка здесь. Но не замечает Пётр Анатольевич этого и того, что рукой о битое стекло опирается. Не видит, как рядом рыжая собака деловито рвёт пакет, прижимает лапой его к земле. Другая присматривается, как ловчее запрыгнуть на бак — маленькая ещё, подрасти не успела. Чёрному кобелю повезло, хороший кусок объедка попался: чавкает, голову к небу поднимает. Из-за бака ещё одна — благородных кровей пудель. Зарос, в глазах недоброе. О ванне со специальным шампунем уже и забыл. Лёг рядом, стал искать блошек. Получится ли у него что? Давно не стрижен, давно. Зарос. — Я один остался, — Иванов легко рукой касается спины, старается закрыть старую рану. — Кутайка, я тебя люблю. Ты добрая, я знаю. Кута-а-аичка. И мне плохо... Плохо очень.

Некоторые говорят, не может животное смотреть в глаза человеку. Неправда всё это. Смотрит.

— Ты только скажи, когда в следующий раз придёшь, я угощение для тебя соберу, ты только голос подай. «Ты только мне свистни, я мигом примчусь», — из прошлой жизни вспомнил стихи Иванов — успокаиваться начал.

Кутайка поднялась, и стало видно: сосцы у неё налились. Молочко там для новой жизни (сучье, говорят некоторые). Наклоняется, чтобы руку понюхать, дышит, языком раз-другой касается. Голову поднимает, оставшимся глазом печально смотрит. Умная собачонка — инстинкт продолжения жизни у неё. И пошла прочь.

— Кутайка, не уходи,— просит Иванов, смотрит вслед, надеется.

Да не вернётся она, это же видно.

— Кутаичка...

Нет, не вернётся.

Плечи у Петра Анатольевича задрожали, лицо к земле стал клонить. Одетый неаккуратно, стриженный давно. Над ушами космы грязные — состарился быстро.

Как-то, совсем скоро зима, уже и дождь со снегом пробрасывал, вернулся из деловой поездки Владилен Михайлович. В газетах три месяца муссировали слухи: под Околесина американцы дадут солидные инвестиции. Правда, какой-то из так называемых российских патриотов, естественно, хороший крикун, утверждал: мол, и просить не надо денег. Сами дадут. Если и выбросишь, так догонят и в карман засунут. Ну, Бог с ним, с крикуном этим, пустое это.

Сопровождала Околесина группа лиц — профессионалов, из раскованных, мыслящих конструктивно. У которых хорошая школа и успехи в практической деятельности по созданию начального капитала. А у одного ещё из кармана и газета торчит на английском. Вся подчёркнутая-подчёркнутая. Как начал он подчёркивать вверху слева, так и не успокоился, пока не дошёл до самого низа. А как иначе, если много правильного в газете? Опять же... очередной пакет предложений скоро выдавать. Лицо у молодого человека знакомое, мы уже где-то, возможно, встречались...

В аэропорту бизнесменов, менеджеров и известного администратора встречала группа журналистов. Славные всё-таки у нас ребята в журналистском корпусе: энергичные, за правду готовы постоять. Один из них, малый разбитной, выскочил вперёд:

— Будут ли деньги, новые рабочие места в лесной промышленности?

Чуть не в лицо тычет своей железячкой. Владилен Михайлович, садясь в «Мерседес-600» цвета «серебристо-серый металлик» (чудеса делает компьютерный подбор автоэмалей — и следов ремонта не увидишь), ответил:

— Инвестиции будут.

— А чем рассчитывать? — ещё один выскочил от четвёртой власти.

— Рассчитаемся, — успокоил крупный администратор и бизнесмен. И уже перед тем, как захлопнуть дверцу: — Лесом американцы интересуются. Хорошим, — и энергично кулаком показывает: мол, нужен им лес хороший, а не какой-нибудь там...

На этом бы и мирно отбыл из аэропорта на отдых Владилен Михайлович, да с другой стороны «мерса», через тонированное стекло, всё пыталась заглянуть какая-то прогрессивная журналистка. Дёргала за ручку, дёргала, дверца-то и открылась. Влетела в салон по инерции, зацепила магнитофончиком ухо Владилена Михайловича, но в последний момент успела удержаться за его шею, чеканутая.

— А если не сможем отдать деньги? — затараторила.

Да что её слушать, глупую? И потом, налицо явное нарушение журналистской этики. Намазанная не в меру — у неё это макияжем называется. Такая кого хошь заведёт.

Владилен Михайлович схватил левой за голову власть четвертую, читатели которой всё чего-то знать желают, и лицом к подушечке сиденья придавил:

— Акциями предприятий рассчитаемся, — и макияжем её, макияжем по сиденью. — Всем хватит, наглая ты моя.

Его рука скользнула к макушке, где что-то было модное собрано из волос, и хорошо поддала в то место. Магнитофончик маленький, из импортных, вслед ей. Не в лицо бросил, хоть и аборигенка. Воспитан, да и на генном уровне у него хорошо.

И он попрощался с представителями журналистского корпуса кивком головы «снизу вверх» — как это принято в некоторых цивилизованных странах. А сам в лёгком пальто, костюмы уже покупает в западных столицах.

С места рванул «мерс», колёса завизжали, как в кино. Разъезжаться стали машины с мигалками и специальными литерами на номерных знаках. Не прошло и получаса, как Владилен Михайлович уже нажимал кнопку у ворот своего особняка в стиле ампир. Переулок Героев Труда теперь заасфальтирован — и не трянуло: отрадное изменение. Не подвёл молодого Околесина и способный архитектор: особнячок получился в выигрышном положении против окраинных частных домов. Высоконький, с орлами на башенках и стилизованными сфинксами во дворе. Правда, что-то недоволен сосед-кроликовед и самостоятельный художник: свет, мол, ему загородил особнячок. Кролики болеют, «мокрые мордочки» у них. В суд грозился подать. На это Владилен Михайлович послал человека купить у соседа какую-нибудь его картину. И теперь «Неизвестная в сарафане» надёжно закреплена у огородного пугала, поставленного среди камней японского садика. На том месте, где росли когда-то огурчики «нежинские» и «своя капуста». А наезжающим гостям хозяин говорил: ни одна птичка не сядет ближе ста метров (иногда двухсот) от его дома. Гости на это веселились. А ещё сосед говорил, что овощи у него стали расти плохо, в окне темно. Но насколько он прав? Пойди проверь. Вон у Околесина в зимнем саду всё растёт. Сейчас такие лампы есть, что и солнца не надо.

Во дворе, по хозяйству, службу несёт сосед, которому зарплату не платили. Владилен Михайлович ему платит аккуратно. Грех жаловаться. Обязанности необременительны: обслуживание сауны, уборка двора и у ворот. Выгул собаки. Правда, унижительна ему фуражка швейцара, привезённая Околесиным из какой-то европейской столицы. От кафтана, шитого золотом, он отказался категорически, а на фуражку пришлось согласиться. И теперь, вся в золотых галунах

и очень высокой тульей, зимой и летом она на его голове. На околыше у неё — большая кокарда. На длинном козырьке расположены непонятные никому здесь заграничные блестящие прибабасики. Ещё он обязан носить белые перчатки, а поверх, на правой, перстень с «бриллиантом», карат, пожалуй, в двадцать. Одежда свободная. Однажды, случилось, он надел старое трико, ботинки разбитые, чем хорошо позабавил хозяина. Другой раз, к приезду важных господ, Владилен Михайлович сам предложил надеть ношеное. Особенно веселила гостей старая, с заплатой, фуфайка. А почему не уважить хозяина? Да и гости что-нибудь дают. И теперь, когда он выгуливает в переулке собаку, соседи наблюдают за ним из-за занавесок. А своим гостям Околесин его представляет: «человек».

Владилен Михайлович любит тёплым вечером пройтись по своему дворику, огороженному высокой красивой стеной. Кирпичной, со стилизованными капителями. Он садится на мраморную скамью и всё в той же величайшей задумчивости раскуривает, но теперь уже — сигару. Иногда, не стесняясь «человека», у него на коленях располагается какая-нибудь юная пассия. Коленка у девушки круглая, кожа бархатистая. Есть у Владилена Михайловича уже и «человек». Счёт в банке надёжном, двор мощён красивой брусчаткой. Открытки получает из Европы-Америки, в которых поздравляют и уверяют, что его шибко-шибко уважают. Получает он и весточки из Парижа, где теперь живут его папа и мама — Анна Самуиловна. Она сожалеет об отсталости России, лености россиян. «Сколько у нас ещё неиспользованных резервов... Поля зарастают, — правильно думает Околесин. — Работать надо, работать. Японцы вон стали в приёмную захаживать. Реками северными интересуются. Пусть ловят рыбу, пусть», — по-государственному рассуждает он.

Вот такой он — Владилен Михайлович Околесин. Не какой-нибудь там кот учёный у него гуляет на цепи, а кобель здоровый во дворе, отвязанный. У известного в городе специалиста теперь он делает маникюр! Всегда по моде одет, ровненько подстрижен. Он — молод. Он ещё многое может успеть...

Иллюстрация Е. Б. Фёдоровой

Геннадий Соловьёв

Горький выстрел

I.

Фёдора разбудил шум подъехавших снегоходов. Он не вышел смотреть, кто это, зная, что должны подъехать старoverы. В балкэ выстудило, и вылезать из тёплого спальника не хотелось. «Зайдут сами, затопят печку», — подумал он. Сын Денис тоже лежал молча. Зашли знакомые молодые старообрядцы, возбуждённые дорогой и брагой, к которой они, судя по весёлым лицам и голосам, не раз прикладывались. В балок струями хлынул свежий вкусный воздух. Потянул по полу, освежая лицо и лёгкие. Нар в балкэ не было, и мужики спали на расстеленных по полу оленьих шкурах. Ребята быстро затопили печь, поставили на неё чайник и котелок с водой, тут же достали бидончик и пластмассовое ведёрко. В ведёрке была густая сметана, а в бидончике — продолжение дорожного веселья.

Парни стали бесцеремонно расталкивать Дениса, чтобы он сидел с ними, и вежливо предложили Фёдору попробовать ихней изюмовки. Фёдор отказался. Они с сыном приехали охотиться за гусями, и Фёдор знал, что когда пригреет весеннее солнышко, хмель будет совсем не союзник на охоте, где главное — терпение и бдительность. Расслабленный алкоголем и теплом охотник начнёт попросту засыпать в скрадке.

Парни разлили по кружкам ароматную жидкость, настоящую на изюме, и, перекрестившись, выпили. Денис тоже отхлебнул из кружки, подождал и медленно допил — видать, понравилось. Стали закусывать вяленным мясом, макая его в сметану. Такой закуски Федор ещё не пробовал — оказалось очень вкусно и сытно.

Раскрасневшиеся, возбуждённые трудной дорогой парни подшучивали над своим товарищем, у которого была пятизарядка с наваренным стволом от другого ружья. Ствол был длиннее сантиметров на двадцать пять и выделялся из кучи прислонённого к стене оружия. Ему советовали, когда гуси налетят, со стрельбой не спешить: — Первого бей просто стволом, как палкой. А уж которые уцелеют — тех добивай выстрелом.

Хозяин ружья грозился оставить всех без добычи, потому что его ружьё бьёт насколько глаз видит. Так что он один будет охотиться, а остальные только смотреть и ему завидовать.

Фёдор с удовольствием смотрел на крепких ребят, которые с пелёнок приучены не бояться тайги и охотничьих трудностей. Денис

спросил, сильно ли прибывает вода на Енисее. Ответ был ошеломляющим: про воду ничего не знают, потому что Енисей дал подвижку и намял на берег лёд. Денис с Фёдором переглянулись: ихняя деревня была на шестьдесят километров выше по реке и стояла на правом берегу. Староверский посёлок был на левом. Никто не ожидал такого раннего ледохода.

— Что будем делать? — спросил Денис отца.

Помолчав, Фёдор ответил:

— Охотиться.

До места охоты надо было добираться по тундре, залитой водой, которую приходится проходить на скорости. Потому они и приехали каждый на своём снегоходе. Денис сказал Фёдору, что через пять дней рейсовый вертолёт. Ребята, слушавшие их разговор, сказали, что в деревни уже есть пассажиры, тоже охотники из другого посёлка, и что заявку на посадку уже отправили.

— Оставьте снегоходы у нас, потом на лодках увезёте.

На том и порешили. У приехавших веселье набирало обороты. Фёдор понял, что на этом озере охота будет громкой. Спросил Дениса, что он думает. Тот ответил, что, вернее всего, ребята допьют брагу и лягут спать. Так что он посидит здесь. Фёдор, взяв гусиные профиля, поехал на соседнее озерцо. Там птица шла хуже, но было спокойней.

Тундрами местные жители называют обширные сухие болота. Они и похожи на маленькие кусочки тундры — такие же бугристые. Россыпью блестят зеркальца маленьких озёр, и почти везде растут карликовая берёзка и багульник. Зимой, пересекая такие места, видишь только безжизненную, с полоской далёкой тайги, равнину. Весной всё меняется. Даже берёт удивление, сколько здесь живности. Утром тундра наполняется голосами: бормочут тетерева, квокают копалухи, дурными (по человеческому разумению) голосами орут куропахи. И над всей этой какофонией плывут лебединые торжествующие клики.

Расставив профиля, отогнав снегоход подальше и закрыв маскировочной тканью, Фёдор вернулся к прошлогоднему скрадку. Охота началась. Гуси пролетали редко и стороной, не обращая внимания на фанерные обманки. Солнце стремительно набирало высоту, стараясь заглянуть в самые затенённые места. Где оно не доставало, ему помогал ветерок. Он нёс весеннее тепло, и оно с жадностью подъедало грязный зернистый снег.

Налетел гусь-одиночка. Фёдор сбил его первым выстрелом. С озера ответили дуплетом, потом ещё и ещё. «Видать, хороший табун налетел», — с завистью подумал Фёдор. Тундра потихоньку затихала, перестали чуфыкать-бормотать косачи, пролетела целеустремлённо пара копалух к дальнему кедровому острову. Стало тихо. Снова ударили выстрелы с соседнего озера. Фёдор подумал, что Денис правильно сделал, оставшись. Солнце карабкалось в зенит и не жалело тепла. Фёдор снял шапку. На озере опять отдулелись. «Наверное, надо

вернуться на старое место. Озеро большое, найду где пристроиться», — подумал Фёдор. Но не мог решиться, зная по опыту, что только начни собирать профиля, обязательно налетят гуси. С озера донёсся залп, потом несколько одиночных выстрелов. Фёдор не выдержал, вышел собирать профиля. Выдернув несколько штук, услышал, что идёт снегоход. Блестя фарами и защитным стеклом, в ореоле разлетающихся брызг к нему нёсся на скорости Денисов белый «линкс». «Наверное, за мной, слышит, что не стреляю». Не сбавляя хода, он подъехал прямо к скрадку.

— Летают? — спросил Денис.

— Летают, но редко. И летят самой кромкой над тайгой, — ответил Фёдор. — А у вас там, смотрю, весело.

— Весело, — ответил Денис, — все банки перестреляли. Два табунка налетали, дак они спяну стали палить метров за сто, не подпустили. Поеду, сяду куда-нибудь на другое место. Они сказали, что послезавтра начинаются праздники, и они завтра к вечеру уедут. Им в праздники охотиться и работать нельзя. Так что до вертолёта у нас будет время спокойно поохотиться.

Так оно и получилось. Подошёл основной гусь, и на спокойной тундре хорошо шёл на профиля, и они неплохо добыли. В день отъезда придавил хороший утренник, и охотники быстро и без приключений доехали до староверской деревни. Было около восьми утра. Подъезжая, Фёдор думал, что так рано неудобно будить хозяев. Даже представлял, как после долгого стука в окно выглянет заспанное удивлённое лицо, начнётся недовольно-вежливая суета, и гостям будет неудобно, что нарушили чужой уклад жизни.

К удивлению Фёдора, деревню они разнеженно-сонной не застали. У многих топились печи, а самого хозяина, у которого собирались оставить технику, встретили на тракторе-семьдесятпятке. Мефодий сидел в кабине с четырнадцатилетним сыном. Остановившись, он объяснил, куда поставить технику, сказал, что вернётся через полчаса. Когда Фёдор проезжал по деревне, его удивило и порадовало, что в окна выглядывали не только взрослые — любопытные детские мордашки мелькали там и сям из-под занавесок. По разбитому трактором огороду Фёдор с сыном подъехали к бревенчатому дому. Дом был под одной крышей со всеми пристройками; когда загнали снегоходы во двор, то поразились его длине. Торцовая стена еле проглядывала в полумраке. Везде стояла разная иностранная техника. Пока развязывали багаж, подъехал хозяин и пригласил в дом.

Хозяин был невысок ростом, но крепок. Он радушно пригласил: — Заходите, заходите, как раз успели к завтраку.

Глядя на этого неряшливо одетого человека со всклокоченной бородой, Фёдор подумал, как обманчива внешность. Если б встретил на улице, никто его бы не убедил, что перед ним крепкий и основательный хозяин. Раздевшись, Фёдор с сыном прошли в дом. Везде

были чистота и порядок. Из кухни выглянула девочка лет десяти и быстро юркнула обратно. Потом вышла невысокая женщина, поздоровалась и, указав на диван, сказала, чтобы подождали и что хозяин сейчас придёт. Фёдор ответил, что тот во дворе и они уже виделись.

Гости сели на диван и стали рассматривать фотографии на стене. Два портрета, висевшие рядом, привлекали внимание. Молодой мужчина с роскошной бородой и молодая женщина с косой, уложенной на голове кольцами. Бородач смотрел с портрета жёстко, прямо в глаза. Казалось, что сейчас он скажет что-то резкое, так не вязавшееся с его красивым славянским лицом. Женщина, наоборот, была весела лицом, смеющиеся глаза и полные губы были очень хороши.

Появился переодевшийся Мефодий, сразу прошёл на кухню. Вынес небольшой столик и поставил перед гостями. Хозяйка и девочка быстро расставили чашки с едой. Хозяин принёс кувшин. Фёдор догадался, что это всё та же изюмовка. Напиток оказался вкусным и крепким. Когда позавтракали, Фёдор спросил про портреты. Старовер ответил, что это его дед с бабкой. Дед пропал во время войны без вести, а бабушка так и прожила с детьми одна, замуж не вышла и похоронена здесь на кладбище.

У Фёдора дед по матери тоже пропал без вести под Сталинградом. Фёдор помнил фотографию, где его дед так же смотрел в глаза, и казалось, сейчас прикрикнет за какую-нибудь шалость.

— Их было три брата, — сказал хозяин, кивая на портрет. — Двое спрятались в тайге, не пошли воевать, а дед мой сам пошёл. Бабушка рассказывала, что его отец, наш прадед, сильно с ним поругался, хотел, чтоб он тоже ушёл в тайгу, но тот ослушался и ушёл на войну, — и, помолчав, добавил: — Ушёл совсем. Царство ему небесное, — и перекрестился, глядя на иконы.

Прибежал хозяйский сын и сказал, что вертолёт будет через полчаса. В таёжной деревушке с размеренной жизнью вертолёт — уже событие. Народ потихоньку собирался возле площадки. Хозяин завёл старенький «Буран». Загрузили сани и поехали заранее. Трое незнакомых охотников были на месте и стояли возле своего многочисленного груза. Хозяин сказал Фёдору, что у этих охотников был большой раздор (стычка) с деревенскими, потому что с гусями они настреляли и глухарей, и копалух, а птица эта не пролётная, местная. Досталось и человеку, у которого они остановились. Послышался гул вертолёта, и через какое-то время, вынырнув из-за далёких сопок, он стал заходить на посадку. Фёдор переживал, возьмут ли их с грузом. Пассажиров в вертолёте было много. У незнакомых охотников (они оказались портовыми работниками) наверняка всё было договорено с экипажем, и они сразу же стали грузиться. Фёдор с Денисом стояли в нерешительности. Когда грохот двигателей затих, Фёдор решил подойти к первому пилоту. Тот сидел в наушниках у отодвинутого окна. Это был молодой раскормленный парень, равнодушно глядевший на

суету пассажиров. Фёдор, видя его холёное сытое лицо, смотревшее сверху вниз, почувствовал к нему неприязнь, подумал, что чужие заботы такого человека не беспокоят, и если их возьмут, то без груза, и договариваться бесполезно. Он подошёл, пересиливая себя.

— Сколько груза?

— Килограмм сто двадцать,— ответил Фёдор.

— Охотники?

— Да.

— Гусей добыли?

— Добыли.

— Хорошо гусь летал?

— Так себе, но постреляли.

«Сейчас начнёт выдавливать гусей на весь экипаж»,— с раздражением подумал Фёдор.

Пилот о чём-то переговорил с экипажем. Потом повернулся к Фёдору и спокойным простым голосом сказал:

— Последними грузитесь. Если подыдемся, то заберём, а если нет, то, брат, извини, груз оставим.

От спокойного голоса спало напряжение, и Фёдор почувствовал симпатию к этому человеку, в который раз убедившись, что внешность обманчива.

Вертолёт трижды поднимался и зависал над землёй. У Фёдора замирало внутри от предчувствия, что груз придётся оставить и кому-то из них не лететь. Следующий рейс только через неделю. Но вертолёт всё-таки зацепился за воздух и быстро пошёл вперёд. Замелькали крыши, пятна чёрной земли, хаос ломаного льда на Енисее. Всё это стало уменьшаться, а на душе сделалось спокойно от ощущения прямой дороги домой.

Внизу проплывали оттаявшие хребты и залитые по краям пятна озёр. Вертолёт пошёл на разворот, и снова замелькали квадраты огородов и плоские крыши домов. Замедлив скорость, сотрясаясь и грохоча, вертолёт приземлился на бетонную площадку. Быстро скинув груз и пассажиров, он улетел.

После тайги особенно бросалось в глаза, какой разгон набрала весна. Дороги протаяли до земли, журчали ручьи, уходя под сугробы. Выкинутая зимой зола и бытовой хлам, присыпанные снегом, вытаивали и пестрели серо-чёрными пятнами на фоне ещё чистого снега по сторонам дорог и набеганных собаками тропинок.

2.

Денис было пошёл за снегоходом, но вернулся: подъехал «Буран» с санями забрать почтовый груз. Девушка-почтальонша с водителем стали таскать в сани посылки и мешки с почтой, объясняя Фёдору, что не успели к вертолёту, потому что завязли в мокром снегу и долго обкапывали снегоход, чтобы выехать. Денис попросил добросить

их груз до дома. Парень согласился, а девушка сказала, чтоб Фёдор зашёл за пенсией, и пошла пешком.

Фёдор помог вытолкать снегоход до дороги и отправился на почту. Дорожные волнения позади, охота удалась, и Фёдор в хорошем настроении быстро шёл по улице. Впереди в сторону почты шёл мужчина в телогрейке и зимней шапке. Фёдор не мог его узнать со спины, хотя деревня маленькая и все друг друга знали. По походке было видно, что это старый человек. Фёдор смотрел на эту согнутую спину, на худые, медленно шагающие ноги, по которым хлопали голенища резиновых сапог, подчёркивая немощность их хозяина. Когда догнал, он оказался Володей, коренным местным жителем из русских, человеком со странностями. Своим образом жизни он удивлял деревню. Был одинок, но держал хозяйство — коров. Покупать у него молоко народ брезговал — был он по-стариковски неряшлив. Сам Володя молочное не ел, скармливал телятам, собакам, а то и просто выливал на улицу.

Сена вечно не хватало. Ему советовали: убери хозяйство, сам не мучайся и не мучь скотину. Он соглашался, но приходила покосная пора, и Володя снова бегал по деревне, набирая рабочих на сенокос.

Обгоняя Володю, Фёдор собрался пошутить: что, мол, ползёшь, как на похороны? Ведь за пенсией идёшь, бежать должен. Но что-то его сдержало, и он просто поздоровался. Володя сначала ответил, а потом посмотрел на Фёдора. Не по-стариковски чистые голубые глаза были отрешены, холодны, и их взгляд проходил мимо. По спине протянул холодок, когда Фёдор представил, насколько неуместной оказалась бы шутка: «Невесёлые, видать, думы давили этого трудового человека, так ничего и не нажившего, кроме грыжи».

Встреча подействовала угнетающе. Фёдор какое-то время не мог освободиться от мёртвого взгляда голубых глаз. Было ощущение, что на тебя глянули с того света. Не может живой человек так смотреть. Наверное, мысли у Володи были там, и через глаза потянуло оттуда холодом.

Почта была закрыта изнутри, и пенсионеры, человек восемь, в основном женщины, стояли возле крыльца. Фёдор поздоровался, бойкие бабы ответили:

—Смотри, как рожа у него загорела: видать, прямо с гусей за пенсией прибежал. И вообще, зачем тебе пенсия, если ты ещё бегаешь, как сохатый?

Фёдор отмолчался и, заняв очередь, встал в стороне. Женщины его больше не задевали. Все знали друг друга смолоду, потому и шуточки бывали порой остры. Мужики задирали баб, а тем палец в рот не клади. Подошёл Володя, тихо поздоровался и, не спросив, кто крайний, встал недалеко от Фёдора, прислонившись спиной к забору.

Погода была как на заказ. Весеннее солнце щедро лило тепло, которое лёгкий ветерок разносил по всем закоулкам, располагая

людей к хорошему настроению и шуткам. Почта почему-то не открывалась, и никто больше не подходил. Шуточки затихли, перейдя в спокойный разговор.

Фёдор обратил внимание на собаку, бежавшую к почте. Чем-то она отличалась. Своим отрешённым видом, что ли. Из соседней ограды выскочили ещё две. Бежавшая не стала ни убегать ни обороняться, а просто остановилась. Собаки её обнюхали и разбежались, а пёс продолжил путь и, дойдя до людей, остановился. Это был крупный дряхлый кобель. Сквозь клочки линяющей шерсти было видно, насколько он худой. На морде шрамами было написано, что жизнь его была богата событиями. Сколько ему лет, определить было сложно. Но раз дожил на Севере до такого возраста, значит, кобель был стоящий и даром хлеб не ел. Подняв морду, он нюхал воздух, тянувшийся от людей. Фёдор смотрел, какие мутные у него глаза — признак начинающейся слепоты. Вот кобель поймал какую-то нужную струйку воздуха и медленно, стараясь не потерять, пошёл мимо Фёдора к стоящему Володе. Тот молча опустил ему руку на голову. Кобель не шевелился. Володя смотрел на Енисей, на котором прошла вся его жизнь. О чём думали эти два существа?

Фёдор не мог вспомнить, чей это кобель. На Севере редко собаки доживают до такого возраста. Надо иметь хорошие заслуги, чтобы хозяин «отправил тебя на пенсию» и кормил, ничего не требуя взамен.

Наконец-то почту открыли, и народ вошёл в помещение. Фёдор и Володя остались на улице — их очередь была далеко. Володя всё так же стоял, держа руку на голове собаки, потихоньку почёсывая её пальцами. Кобель, закрыв глаза и прижав голову к его ноге, замер. Фёдор смотрел на них, и комок подкатывал к горлу. Старость, проклятая старость, которая, отнимая силы, толкает к неизбежной черте.

Собака тяжело вздохнула, переступила с ноги на ногу и ещё сильнее прижала голову к человеку. Фёдор стал вспоминать, сколько собак у него дожили до такого возраста. Сбивался, опять начинал считать, сколько их перестрелял. Кого из жалости, кого по дурасти, а в основном — по непригодности. Память — это такое дело, только тронь. Потяни одно звёнышко — за ним пойдёт другое. И дошло до случая, который у Фёдора сидел в душе, как заноза, временами забываясь на несколько лет, пока что-нибудь не подтолкнёт успокоившуюся память, так что-то защежит, заночует в груди, заворочается сомнениями, правильно ли тогда поступил.

3.

Стояли семидесятые годы, промхозы крепко стояли на ногах, пушни-на принималась разнообразная и была в цене. Профессия охотника почиталась, промхоз дорожил промысловиками, давал оружие и всё нужное для промысла и забрасывал авиацией. Фёдор тогда жил на центральном участке в большом посёлке. Там была служба лесной

охраны с вертолётom. После очередного облёта знакомый лётчик-наблюдатель позвал Фёдора в контору. Фёдор зашёл, и тот попросил показать на карте границы участка. Фёдор обвёл границы, пожарник постоял, посмотрел и сочувственно сказал:

— Горит, Фёдор, твой участок, горит прямо в центре, и выгорело уже порядком.

И указал границы пожара. У Фёдора похолодело в груди: в центре круга, обведённого летнабом, находилась базовая избушка с баней и лабазами.

— Причины пожара известны? — спросил Фёдор.

— Точно нет. Вернее всего, неосторожное обращение с огнём. Гроз в это время не было. Нынче в начале лета туда закинули несколько экспедиций лесоустроителей прорубать квартальные просеки. Не зря их называют лесоустранители, насобирают всякое бичьё! — сказал летнаб и, сев за стол, уставился на пустой графин.

Фёдор снова подошёл к карте и, показав на слияние двух речек, спросил, видали там избушки или нет. Наблюдатель ответил, что там самый очаг и всё выгорело.

Начал желтеть лист. Народ зашевелился на огородах. Охотники тоже засуетились, замелькали в конторе у охотоведа. Наступало время заброски на промысел. С тяжёлым сердцем собирался Фёдор в тайгу. Участок горел около трёх недель, пока не пошли дожди и не забили этот сильнейший пожар. Заброска шла поочерёдно, работал Ми-4, который сразу забирал по несколько охотников с грузом. Посадки распределяли: Фёдор выбрасывался вторым. Пожилой охотник долго не мог сориентироваться с воздуха. Вертолёт делал круги над тайгой, ища площадку, которую указал охотник. Позвали Фёдора. Тот, посмотрев на карту, сказал, что они совсем на другой речке, и показал правильную точку. Пока искали, Фёдор любовался пёстрой осенней тайгой, а под сердцем сосало: что он увидит на своём участке? Ровно гудя и чуть подрагивая, вертолёт шёл дальше. Фёдора позвали в кабину уточнить место посадки. Зайдя к пилотам, он ужаснулся увиденному: не было видно привычных нежно-зелёных волн кедрача, не пестрели жёлто-багряно березняки и осинники, только обгорелые деревья торчали по хребтам, напоминая гигантские расчёски. Унылый серо-чёрный цвет лежал до горизонта. Пилоты сочувственно поглядывали на Фёдора.

Сгорели база, баня, лабаз, где были десяток сетей, два лодочных мотора и разные хохоряшки. Недалеко от базы проходил обгоревший новый тёс. Его Фёдор не протёсывал. За две недели Фёдор срубил зимовье, лабаз и наготовил дров. Времени катастрофически не хватало. Он попробовал пройти по старым путикам, но проследить тёс было невозможно, а капканы, которые он нашёл, никуда не годились.

Ниже сгоревшей базы впадал приток, и база стояла в треугольнике между речек. Фёдор решил пройти по берегу второй речки до конца пожара. Взяв продуктов на три дня, пошёл на обход. Местами

по берегу попадались островки зелёной тайги, дававшие надежду, но, пройдя какое-то время, он снова открывал безотрадную картину мёртвого леса. К вечеру, выйдя из-за поворота, Фёдор увидел зелёную сопку. С робкой надеждой он поспешил за другой поворот: там тянулось плёсо, и по правой речной стороне зеленела тайга. Места были знакомые, и Фёдор знал, что скоро справа будет впадать большой ручей. Он решил до него дойти и там заночевать. Подходя к месту, Фёдор издали увидел человека, стоявшего с удочкой в устье ручья. Залаяли Фёдоровы собаки, с другой стороны тоже ответили. По берегу бегала белая собака.

Раздевшись, Фёдор перешёл речку. Подойдя к рыбаку — это был средних лет крепкий мужик, — спросил, кто он и что тут делает. Оказалось, что это начальник партии лесоустроителей и что у них тут база. Народ уже вылетел, и они с рабочим ждут вертолёт — вывезти оставшийся груз. Виктор, так звали нового знакомого, собрал рыбу и пригласил Фёдора ночевать. Они прошли вверх по ручью метров двести, где среди лиственничного леса открылась поляна. На ней стоял большой, примерно шесть на четыре, барак с банькой у ручья. Фёдор познакомился с рабочим, готовившим ужин.

Местный кобелишка, беленькая лайка с пепельными пятнами, был настолько общителен и миролюбив, что даже Фёдоровы драчливые собаки уже вовсю с ним играли. Фёдор спросил Виктора, чей пёс. Тот ответил, что привёз его он: соседке по квартире, одинокой женщине, дали путёвку в санаторий, и она попросила Виктора забрать Мальчика, так звали собаку, с собой. Ей больше не к кому было обратиться. — Ну и как он? — спросил Фёдор, наблюдая за собаками. — Кормилец! Не знаю, что бы без него и делали. Тушёнки оказалось мало, а бригада — двенадцать мужиков.

Кобелишка как почувствовал, что о нём разговор, подбежал к Фёдору и дружелюбно помахал баранкой. Экстерьер у собачки был что надо, и глаза говорят, что не дурак. Фёдор позвал его, но он больше не подошёл, убежал к собакам. После ужина Фёдор с Виктором долго говорили про тайгу и про жизнь вообще. Оказалось, пожар на правом берегу потушили они, спасая базу. Виктор не стал отпираться, что пожар мог устроить кто-нибудь из его рабочих.

— К нам всякие люди приходят, — сказал он как-то обречённо.

Договорившись с Виктором, что оставит ему печь и немного посуды, утром Фёдор ушёл. Идя дальше вверх по реке, долго слышал тявканье обиженного Мальчика, которого привязали, чтобы не убежал с собаками. Километрах в полутора от базы с левой стороны впадал в речку большой ручей. Фёдор посмотрел по карте: если его вывершить, то от истока до новой срубленной избушки останется два-три километра. Решил: пройду, и если всё нормально будет, сделаю новый путик на эту неожиданно приобретённую базу. Снова перейдя речку, Фёдор шёл уже по горелой тайге. Разом залаяли собаки. Услышав треск

ломающихся сучьев, понял, что это лось. И подумал: ещё тепло, и мясо пропадёт. Это были matka с быком. Matka стояла, а рогач гонял собак. Подкравшись как можно ближе и выйдя на чистое место, чтобы его увидели звери, Фёдор закричал и застукал палкой по деревьям. Matka сразу сорвалась и с треском побежала в гору. Бык какое-то время рассматривал человека, потом побежал вслед за matкой, иногда останавливаясь и пугая собак. Фёдор продолжал свой путь по ручью.

Тайга в его пойме хоть и выгорела, но не было ветровалов, как по хребтам, где везде виднелись щиты вывернутых с корнями кедров. Часа через два догнал кобель, долго лакал, хакая, из ручья воду. Ручей выбегал из небольшого болотца, затянутого трясинной, которое пришлось обходить. Не считая лосей, тайга была пустая, за весь день Фёдор видел только копалуху. Сучка так и не пришла. Фёдор беспокоился, не спал, лежал в какой-то полудрёме, ждал, что заворчат друг на друга собаки. Но было тихо. Под утро всё-таки уснул, а когда проснулся, было уже совсем светло. Открыв дверь, увидел у порога лежавшую Норку. Когда она пришла, он не слышал.

Время летело. Посыпал снежок, понесло по реке шугу. Пришла пора настораживать ловушки. На береговых путиках капканы остались целы. Но Фёдор решил, что сезон нынче, можно сказать, пропал. Сгорела ещё одна избушка в центре участка, и надо было всё переделывать.

Он решил настораживать капканы сразу по обоим берегам и, пока позволит снег, охотиться с собаками, не тратя времени на хребтовые путики. Уже по шуге перейдя на правый берег, он его насторожил, решив, что проверять пойдёт, когда встанет речка. Соболь был, и следы встречались везде. Но он ходил широко и как-то метался по тайге. Собаки с утра быстро натывались на соболиный след, но тот уходил на хребты в ветровал и уводил собак так далеко, что и намёка на лай не доносилось. Соболя они всё-таки загоняли, приходили ночью грязные, с прокусанными носами. Осень была тёплая, валили снега, и Фёдор еле дождался, когда речки встанут, чтобы уйти на лесостроительную базу, где зелёная тайга и нет выматывающих силы ветровалов. С силой простукивая лёд посохом, Фёдор перешёл на правую сторону, где уже около двух недель стояли насторожённые капканы. Снял пару соболей, которые висели высоко на оцепах. Всё, что попало на жердучках и там, где не было очепов, было съедено — остались только лапки. Одного капкана не было, кто-то попал большой, и вертлюг не выдержал. Кто разбойничал — было непонятно, следы засыпал снег.

На следующее утро с запасом продуктов на несколько дней Фёдор отправился на базу, впервые в этом сезоне встав на лыжи. Речкой идти было легче, но, опасаясь провалиться, он шёл осторожно, обходя подозрительные места и проверяя лёд посохом.

Вечером, подходя к базе, собаки заинтересованно забегали по каким-то следам, но те были старые, засыпанные снегом, и Фёдор не мог определить чьи.

Поднявшись к зимовью, он увидел, что вокруг всё истоптано. Особо не рассматривая следы, он зашёл в зимовье. Виктор выполнил обещание. Печь была на месте, на столе стояли кастрюля, ведро, и чашка придавливала исписанный листок бумаги. Фёдор зажёл керосиновую лампу и прочитал:

«Фёдор! Твоя сука вернулась к нам. Под утро к избушке подошёл, наверное, лось. Сучка ушла за ним, а за ней и Мальчик. Утром пришёл вертолёт, а собаки так и не пришли. Улетаю без Мальчика, большая просьба: сохрани и вывези!!! Виктор». И адрес.

Затопив печку, Фёдор принёс воды; заполнив посуду, поставил на печь и пошёл по дрова. Найдя возле бани небольшую поленницу, он вернулся. К радости Фёдора, бывшие хозяева оставили кое-какие продукты: вермишель, крупу и начатую бутылку постного масла. Это снимало вопрос кормления собак: на себе-то много не принесёшь. Под нарами он нашёл металлический бачок с керосином. Жить можно. «Собачье» вынес на улицу остывать. Чтобы собаки не лезли к горячей кастрюле, запустил их в избушку, а сам сел ужинать. Печка была большая, сваренная из серёзного, миллиметра четыре, железа. Она быстро прогрела зимовье, хоть то было большое. Фёдор разделся до пояса, а собаки залезли под длинные, во всю стену, нары, где было прохладно.

Фёдор заканчивал ужинать, когда собаки забеспокоились. Кобель подбежал к двери, сучка же тихонько рычала из-под нар. Фёдор насторожился. Сучка зарычала сильнее. Тут что-то звякнуло, потом ещё. Кобель ударил лапами в дверь и выскочил на улицу. За ним бросилась и сучка. Послышался рык, потом визг, и всё затихло. Ружьё было на улице. Выскочив с фонарём, Фёдор сразу его схватил. Было тихо. Выглянув из-за угла, Фёдор увидел собак. Они что-то обнюхивали в снегу. Подойдя к ним, в свете фонаря увидел лежащую на спине чужую собаку. На передней лапе у неё был капкан. Отогнав своих, он позвал её в зимовье. Та охотно пошла, но, учуяв еду, потянулась к кастрюле. Еда была ещё горячая, и её пришлось убрать. С ночным гостем в барак заскочили и Фёдоровы собаки, которые рычали и обнюхивали его, но не кусали. Подойдя к собаке, Фёдор узнал Мальчика и позвал по имени; тот сразу наострил уши и завил хвостом. Потом поднял лапу с капканом: дескать, сними проклятую железяку. Фёдор взялся за лапу ниже капкана — она была холодная и твёрдая. Капкан снялся легко, и Мальчик начал с силой лизать лапу. «Да-а, вот так дела. Что же мне с тобой делать?»

Мальчик поглядывал на Фёдора, постукивал по полу хвостом. Пока «собачье» остывало, Фёдор отдал ему остатки ужина, накрошив туда сухарей. Еду собака хватала жадно, вся трясясь. Всё проглотив, кобель подошёл к Фёдору, вопросительно глядя на руку и нюхая воздух в сторону стола.

— Что, не наелся? Терпи, брат, нельзя тебе много сразу, — поглаживая Мальчика, говорил Фёдор.

Собака, положив ему голову на колени и закрыв глаза, притихла, иногда тяжело вздыхая и вроде как соглашаясь: мол, столько голодовала, а тут уж потерплю.

Фёдор задумчиво смотрел на огонь в лампе, поглаживая голову Мальчика: «Что ж ты, брат, так опрочапился? Что же делать?»

Где-то глубоко он знал ответ и всеми душевными силами гнал его, ища другой выход. Но как ни думал, получалось как с большим зубом. Или сразу собраться с силами и вырвать, или терпеть и мучиться.

Накормив своих, он дал ещё еды Мальчику. Его собаки, наевшись, сразу залезли под нары. Мальчик лёг посерединке зимовья, положив морду на лапы, и не сводил с Фёдора глаз. Если встречались взглядами, начинал приветливо постукивать по полу хвостом. Керосина было с избытком, поэтому Фёдор, убавив пламя, тушить лампу не стал. В длинном бараке было неуютно и мрачно, а свет создавал хоть какой-то уют. Мальчик перебрался ближе и лёг рядом с нарами. Когда Фёдор ночью ходил к печке, кобель неотрывно смотрел на него, чуть шевеля хвостом и всем видом показывая радость, что он снова в тепле и накормлен.

Этот кобель был Фёдору симпатичен. Он любил и ценил рабочих собак и долго не колебался, если собака попадалась непослушная и бестолковая. Здесь же, видя породистого умного кобеля и помня рассказы Виктора о его подвигах, он не знал, как поступить. Если б он не попал в капкан и не потерял лапу, всё разрешилось бы просто. Да и если б был не работягой, а хлебоедом — убрал бы, и всё.

Сон пропал. Фёдор обречённо ждал утра. Представлял, как Мальчик жил в городе, в тёплой квартире, сытый и обласканный. Как и в бригаде огрубевших мужиков был любимцем, где, кроме ласки и вкусных кусков, ничего не видел. И вдруг всё исчезло. Кругом знакомые запахи — и ни души. Фёдор представлял, как собака недоуменно бегала вокруг стана. Отчаянно нарезала круги, надеясь найти следы, ведущие к людям, без которых ни разу не оставалась, которых любила и которым была предана. Как лежала ночами, вслушиваясь в теперь уже враждебную тишину, надеясь услышать шаги или голоса. Постепенно запахи жилого исчезли, запахло сыростью и запустением. Постоянное чувство голода заставляло уходить на поиски съестного. Возвращаясь, издали принимался, не нанесёт ли дымом, слушал, не раздастся ли стук топора. И, наверное, не раз ночью раздавался его тоскливый вой, возвращаясь эхом, отражённым соседними сопками, а отвечал ему разве филин лешачьим голосом. Жутко, голодно, тоскливо. И вот появился человек, снял с лапы эту опостылевшую, принёсшую столько мук железяку, накормил, и он теперь сытый и в тепле. Теперь он ни за что не потеряет человека, будет искать для него глухарей, и всё будет хорошо.

Фёдор ворочался на нарах — своими фантазиями он только ухудшил дело. Да, хороший кобель, но калека. Впереди почти три месяца капканного промысла. Отощавший и ослабший, будет тащиться сзади

по лыжне, а там лежат и висят такие аппетитные куски привады! Не жить же Фёдору на одной избушке, пока тот не наберёт сил. Виктор — хороший человек и выручил, сдержав обещание. Как быть с его просьбой? Фёдор никогда не выкручивался в сложных обстоятельствах, был честен. Он знал, что с него никто и ничего спрашивать не будет, но на Севере отношения у людей другие, здесь привыкли опираться друг на друга и доверять. У Фёдора даже мысли не было, что можно сказать: «Не видел, не приходил». Фёдор чувствовал себя обязанным Виктору и хотел отплатить добром. А если Виктор ценил Мальчика только как хорошего работника? Нужна ли ему покалеченная собака? Да и с женщиной-хозяйкой та же заваyka.

Утро Фёдор встретил невыспавшимся и раздражённым. Позавтракав сам, накормил собак. Мальчику наложил отдельно, разделив с ним банку тушёнки. Кобелёк ел спокойнее, поглядывая на Фёдора и изредка шевеля хвостом. На улице ослепительно светило солнце. Деревья притихли под пухлым снегом, боясь растрясти наряд. Снег был искристый и скрипел под ногами. Отдохнувшие Фёдоровы собаки, радуясь хорошему дню, сразу убежали по лыжне. Мальчик стоял возле зимовья, не решаясь отойти. «Как чувствует!»

Фёдор позвал его:

— Мальчик, пошли. Пошли!

Кобель неуклюже запрыгал. Фёдор не хотел смотреть кобельку в глаза и, приговаривая: «Пошли, пошли», — пропустил его вперёд. Собаки вернулись и лёгкими прыжками весело неслись к Мальчику. Мальчик остановился и приветливо махал баранкой, соглашаясь на игру.

Тихо щёлкнул тозовочный выстрел. Фёдоров кобель с маху перепрыгнул через упавшего Мальчика и стал смотреть по деревьям, в кого стреляли. Фёдор бездумно смотрел на запрокинувшего голову Мальчика. Придавленная снегом тайга хранила молчание. Много видела она на своём веку трагедий, больших и маленьких, и сейчас серые листьяги замерли в равнодушном оцепенении: ни укора, ни осуждения. Трезвый ум подсказывал, что сделано правильно, но волна жалости захлёстывала все доводы. Подняв легковесного Мальчика, Фёдор уложил его в корни и засыпал снегом.

Снежный холмик да утоптаный вокруг снег напоминали о случившемся. Пройдут снегопады и всё сровняют. «Пройдёт время, и это забудется», — успокаивал себя Фёдор. Накатанным шагом он как можно быстрее уходил от этого места.

Вышедшая с почты женщина крикнула Фёдору, что его очередь подходит. Он кивнул ей: мол, слышу, — и остался стоять. События далёких лет с такой силой всколыхнули память, что казавшееся забытым выделось ясно и чётко. И бившийся в смертной агонии Мальчик, и ясное утро, когда он, скользя на лыжах, убегал от своей совести.

В тот памятный год, выйдя с промысла, Фёдор написал Виктору письмо. Ответа он не получил.

Галина Шляхова

Подарок

Откуда берутся дети?

Хорошо, когда друг живёт за стенкой: даже разойдясь по домам, можно продолжать играть, например, в «стукалки»! Стучишь отрывисто в стену: «тук-тук», а в ответ: «тук-тук-тук», — вроде азбуки Морзе. А можно ещё и переговариваться почти как по телефону, только для этого кружка нужна или стакан. Вот возьмёшь стакан — и к стенке, стукнул два раза и жди, когда в ответ стук раздастся — это сигнал: «Я на связи», — а потом говоришь у стены что-нибудь или спрашиваешь, а товарищ уже к стене стакан приставил и ухом к нему приник — слушает, а ты сказал — и тоже кружку к стене, и жди, что он скажет в ответ.

Стали неразлучны Пашка и Валерка — с утра до позднего вечера вместе, а всё дело в характерах: Пашка — степенный, рассудительный, а Валерка — заводной и находчивый, и так они друг друга дополняют; а ещё интересно им вместе: один про жизнь городскую и разные диковинные штуки рассказывает, а другой в деревенской жизни спец — все вопросы ему известны «что?», «где?» и «как?».

Вот раз, ожгнув по деревне круг и выяснив, что в ходá никто из пацанов не пойдёт, сидят наши друзья на завалинке и беседуют.

— Самые лучшие черви, — со знанием дела говорит Валерка, — сидят под досками, где-нить у бани или сараев, а ещё под пнями трухлявыми, мы перед рыбалкой их тама ищем.

— А я ещё ни разу сам червей не набирал, их отец где-то берёт, да я и на рыбалке два раза был... Зато вот такенную рыбу поймал, — и Пашка развёл ладони, показывая размеры улова.

— Это что! Это ещё ерунда! — с явным хвастовством заявил Валерка. — Я сто раз ходил, а рыбыны ловил ваще! — и он развёл руки в стороны, затем, шмыгнув носом от явного удовольствия, продолжил: — У нас кот видал какой?! В двери не пролазит! Всё от моей рыбы! А ещё я удочку себе сам сделал, самая лучшая удочка в мире!

В этот момент Пашка глубоко вздохнул, ведь ему стало немного обидно, что он совсем ничего этого не умеет, а Валерка, почувствовав грусть товарища, подмигнув, сказал:

— Ничё, Паха, ты ж недавно приехал, ещё станешь рыбаком, как я!

После этих слов Пашка повеселел.

— Давай в ножички резанём?! Видишь, какой складник нашёл? — Валерка вынул из кармана маленький складной ножик. — Представляешь,

весной в куче мусора у сараев оказался, ржавый маленько, но ничего, играть можно!

Тут же мальчишки расчертили круг, поделили землю и принялись играть. Длилась игра долго: они поминутно спорили, выдумывали всё новые выгодные для себя правила...

— У тебя заступ! — басил Пашка.

— Никакой не заступ, я только коснулся, — визжал Валерка. — Птичка водичку пьёт!

— Не пьёт! — упирался Пашка.

— Давай так: птичка водичку пьёт, и тогда можно опираться на два пальца, — схитрил Валерка, и Пашка с ним согласился.

Тем временем мимо ребят проходила Лариса, Пашкина тётя, приехавшая с мужем в отпуск к бабке. Лариса, увидев ребят, спросила их о результатах игры, угостила конфетами в блестящей обёртке, потрепала Пашку по голове и пошла дальше. Мальчишки тут же бросили игру, уселись край забора и принялись за конфеты.

— А чё это твоя тётка такая толстая? — спросил, прищурившись, Валерка.

— У них скоро кто-то родится; мама сказала, что у меня будет двоюродный брат или сестра.

— Лучше брат, а то от этих девчонок одни сопли! — твёрдо сказал Валерка, затем заговорщицки спросил: — А ты знаешь, откуда дети берутся?

— Мама сказала, из живота, но как — не говорила. Думаю, там пуп развязывается, и ребёнок вылезет...

— Ну, это-то понятно, тут вопросов нет! А как они туда, в живот, попадают?! — и Валерка хитро прищурился.

Пашка помолчал и неуверенно проговорил:

— Может, время приходит, и они заводятся...

Тут Валерка вскочил от явного негодования и иронически начал: — Ага! Заводятся! Ха-ха! Это глисты заводятся сами по себе! А дети... — и тут Валерка перешёл на шёпот, — а дети по-другому! Только я тебе не скажу, а то мамочке наболтаешь, и мне взбучку устроят.

— Ну расскажи, я никому! Честное слово! — начал упрашивать Пашка.

— Ладно! Уговорил! Только смотри: *никому!* — Валерка сморщился. — Заводятся! Насмешил!

Он хмыкнул, огляделся по сторонам и, прислонившись к Пашкиному уху, начал рассказывать, иногда отклоняясь от Пашки, показывая разные непонятные Пашке жесты и движения. У Пашки округлялись глаза, с каждой Валеркиной фразой они становились всё больше; казалось, вот-вот они выскочат из-под пушистых ресниц и, подпрыгивая, покатаются по дороге! Наконец Валерка закончил. Несколько мгновений Пашка молчал, а Валерка любовался произведённым эффектом.

— Да врешь ты всё! — безапелляционно объявил Пашка.

— Я вру?! — опешил Валерка.

— Врёшь! И про червей! Копает он их! Сам, поди, боишься в руки взять. И про удочку — сделал он: ври больше! И kota я твоего видел — худой как смерть, того гляди ветром унесёт... Врун ты! Врун! Вот ты кто! — гневно, раскрасневшись, проговорил Пашка и, махнув рукой, пошёл к своему дому.

— Ну и ладно! Ну и вали! Сам дурак! — кричал Валерка вслед.

Не дождавшись ответа, отчаянно плюнул вслед ушедшему другу.

Около часа Пашка пребывал в тяжёлом расположении духа, затем он занялся своим любимым делом — рисованием. Сначала он нарисовал дракона, потом лошадь, потом дракон начал гоняться за лошадью с рычанием: «Я тебя съем!», потом лошадь погналась за драконом с криками: «Нет, это я тебя съем!» — и Пашке стало так смешно оттого, что лошадь на его рисунке может съесть дракона.

Тем временем в дом вошли мама с Ларисой, они о чём-то весело болтали. Заметив Пашку, Лариса спросила:

— Что рисуешь, Пашенька?

— Ничего! — буркнул Пашка и прикрыл лист рукой.

В его голове опять вспыхнул гнев от Валеркиного рассказа. Его взгляд пробежал по лицу тётки, спустился на цветастое ситцевое платье и остановился на выступающем вперёд остром животике.

Тётя с мамой недоуменно переглянулись.

— Что с тобой случилось? — спросила мама. — Может, ты хочешь что-то спросить или сказать?

Тут Пашка вскочил со стула, завёл руки за спину и строго сказал:

— Хочу! Только пообещайте, что не накажете меня!

— Обещаю. Говори, — садясь на диван, сказала мама, и следом на диван присела тётка.

Теперь Пашка стоял над ними. Он глубоко вздохнул и начал:

— Это у тебя что? — Пашка почти ткнул Ларису в живот указательным пальцем.

— Живот... — растерянно шепнула Лариса.

— Я и сам вижу, что живот! — Пашка грозно продолжил: — А что в нём?

— Паша, я же тебе уже объясняла: у тётки Ларисы скоро будет малыш, — торопливо начала мама, но Пашка её прервал:

— Это я знаю! — и с вызовом продолжил: — Как он туда залез?!!

Возникло некоторое замешательство, и Пашка, сузив, как Валерка, глаза, со всем собранным в кулак ехидством произнёс:

— Дети без пап *не бывают!*

Лариса смущённо заулыбалась, лёгкий румянец вспыхнул на её смуглом лице. Мама была совершенно спокойна, она быстро смекнула, откуда «дует ветер», и оттого ответила вопросом на вопрос:

— Как это дети без пап не бывают?!

Теперь уже Пашка оторопел, а мама продолжила:

— Дети часто бывают без пап! Вот хотя бы твой друг Валерка: у него ведь нет папы? А ты говоришь: «не бывают». Очень даже бывают. Только очень плохо, когда у детей нет папы.

«Точно! — подумал Пашка. — У Валерки нет папы, а он есть!» Эта мысль его привела в восторг: как же он раньше это не вспомнил сам? Ну вот и всё ясно...

— Эх! Валер-рка! Вр-рун! — вынес вслух вердикт Пашка.

Он взял свой лист и карандаш и поспешил в комнату, ему было невероятно стыдно за свои подозрения.

Он тут же принялся рисовать чёрным карандашом фашистские танки, а затем поджигал их красным, поминутно думая о своём заврашемся друге: он злился на него, в каждом горящем танке он видел конопатое Валеркино лицо... Когда весь рисунок превратился в красно-чёрные пятна, Пашкины обида и гнев смолкли, а на смену им пришло новое чувство: он явственно осознал, что у Валерки нет отца, который бы сделал ему такую красивую удочку, как у Пашки, который возьмёт его на дизельную или прокатит на лодке...

— Эх, Валерка... — прошептал Пашка, затем прошмыгнул на кухню, схватил с полки железную кружку, подошёл к стене и с невероятным волнением постучал: «тук-тук», — и тут же услышал в ответ: «тук-тук-тук»...

ПОДАРОК

Каждый день друзья после школы собираются вместе, придумывают разные забавы, осваивают новые территории и, конечно же, открывают друг друга. Валерка с Пашкой много узнали об Ирке. Бывают в её жизни трудные дни: её родители часто пьют, и тогда Ирка бывает очень печальной и вспыльчивой, а иногда и совсем не выходит гулять. Это был один из таких трудных дней, Ирка была чернее тучи, и как ребята ни пытались её растормошить, им это никак не удавалось...

— А знаете, ребята, — как-то отстранённо и вдруг сказала Ирка. — А у меня завтра день рождения... Мне будет целых семь лет!

— Ничего себе! — воскликнул Пашка. — А чего молчала то?!

— А чё говорить?.. Подумаешь, невидаль какая... — она шмыгнула носом и часто заморгала глазами.

Чтобы скрыть наплывшие слёзы, Ирка принялась тереть глаза рукавицами.

— А у меня в мае день рождения! — весело сказал Валерка. — И мне уже будет восемь лет! Но я вас, салаги, всё равно в гости позову! — и он хлопнул Пашку по плечу.

— А я вас тоже позову в гости на день рождения, только в июне, мне тоже семь лет будет! — улыбаясь, присоединился Пашка.

— Ничё се! Так ты из нас самый малыш получаешься?! — захихикал Валерка.

— Никакой я не малыш! Я — взрослый! — возмутился Пашка.

— Ути-пуси-пуси! — не унимался Валерка и, сняв рукавицу, крутил «козу рогатую» перед Пашкиным лицом.

— Ну, держись! — и Пашка плюхнулся на Валерку.

Мальчишки начали барахтаться в снегу, их игрушечную борьбу остановила Ирка:

— Ну хватит вам уже! Как дурачки тут валяетесь!

Когда ребята прекратили, она продолжила:

— Мне домой пора идти.

— Ну чё ты? Давай ещё поиграем, — жалобно простонал Пашка.

— Нет. Домой пора. И замёрзла я уже, — сказала Ирка безоговорочно.

Ребята смотрели вслед уходящей Ирке молча. Первым молчание нарушил Валерка:

— Нет! Так не пойдёт!

— Что не пойдёт? — спросил Пашка.

— Не пойдёт, что у Ирки дня рождения не будет!

— Надо ей его обязательно устроить! — воскликнул Пашка.

— Так, хорошо! Что самое главное в дне рождения?! В день рождения главное — подарок! — провозгласил Валерка.

— Точно! Надо что-нибудь придумать...

— А мне и придумывать не нужно, у меня дома есть шоколадка, я её у мамы выпрошу обязательно, — решительно сказал Валерка.

Пашка задумался и твёрдо заявил:

— Я тоже найду что-нибудь подходящее!

Придя домой, Пашка приступил к выбору подарка. Он безжалостно высыпал из коробки на пол все свои игрушки и принялся их разглядывать. Вдруг щемящее чувство ревности охватило всё его существо, и он принялся складывать игрушки обратно, бессознательно выискивая причины, по которым их дарить невозможно: «Это старая машина. Это мне самому ещё очень нужно... Это вообще не для девчонок...» Повторив эту процедуру пару раз, Пашка пришёл к ужасающему выводу, что из всех его игрушек в подарок Ирке годится его плюшевый друг Мишка... Он усадил медведя на кровать и, прохаживаясь из стороны в сторону, то и дело поглядывал на медведя. «Нет, друзей не дарят!» — утвердился Пашка и положил медведя в коробку. Но тут же перед ним с необъяснимой ясностью всплыло Иркино грустное лицо... «Как же так? Ирка в день рождения останется без моего подарка?!» И он опять посадил медведя на краю кровати. Мысли, как пчёлы, роились в его голове: «Как быть? Что делать? Так! Валерка дарит шоколадку... О! Точно! Может, и у нас в доме найдётся какая-нибудь шоколадка?» И он с надеждой бросился на кухню. Обшарив все полки и шкафчики и даже зачем-то заглянув в печку и в кадушку с водой, полностью разочарованный, Пашка вернулся обратно. Он встал напротив ничего не подозревающего медведя, долго и пристально посмотрел в его блестящие глаза, тяжело вздохнул и твёрдо сказал:

— Ну, Мишка, завтра пойдёшь жить в другой дом. Отдаю тебя в хорошие руки и буду в гости приходить иногда...

Потом он взял медведя на руки и продолжил:

— Ты, главное, не переживай, Ира девочка хорошая, она тебе и ухо зашьёт, и, может, даже жилет и шарф свяжет!

В эту ночь Пашка отчего-то спал тревожно и то и дело крепко обнимал плюшевого друга.

На следующий день Валерка и Пашка отправились дарить подарки имениннице. Иркин дом находился на самом краю деревни, он стоял, покосившись на один бок, утопая в снежных наносах так, что не было видно окон; узкая козья тропинка вела к заметённому крыльцу. Дощатая обветшалая сенная дверь была закрыта изнутри, и мальчишки робко постучали. Из дома доносились голоса, напоминавшие то ли пение, то ли вой — было не разобрать... Ребята принялись стучать ещё громче, а потом отчаянно тарабанить... Наконец в сенях что-то загрохотало, послышался глухой мужской голос: «Какого хрена долбите?», щёлкнул крючок, дверь приоткрылась, и в возникшем проёме показался босой взлохмаченный мужик с редкой пучковатой бородой, в грязно-серой майке и растянутых кальсонах.

— Каво надо?! — с удивлением спросил мужик и, почесав бороду, извлёк из неё маленькое белое пёрышко.

Ребята очень растерялись.

— Мы Ирке подарок принесли на день рождения, — взволнованно выпалил Пашка.

Мужик недоуменно вращал глазами:

— Подарок?! — он весело крикнул и добавил: — Подарок — эт хорошо! Заходи! — и распахнул дверь настежь.

Пока мальчишки нерешительно мялись на пороге, мужик уже расхлебянил дверь в дом и громогласно прововпил:

— Ирка! Ирка, иди, к тебе кавалеры с подарками пришли!

Он захихикал, к его смеху присоединились находящиеся в доме.

Делать нечего, и мальчишки направились следом. В доме не было прихожей, и они сразу оказались на кухне; в центре этого помещения стоял большой стол, на котором были нагромождены бутылки, кружки, ковши, банки с консервами и окурками... а вокруг на табуретках и лавке сидели хозяева и гости. Всё вокруг было наполнено сизым тяжёлым маревом — смесью табачного и спиртового зловония. Хотелось скорее выбежать на воздух и нестись подальше, не оглядываясь.

Ирка смотрела на ребят удивлённо-виноватым взглядом, она торопливо накидывала на себя верхнюю одежду, что-то бормотала; прыгнув в валенки, кивком дала знак ребятам на выход, и все вывалились из дома в сени. Только в сенях Ирка начала тараторить:

— Вы чего пришли-то? Я бы сама скоро пришла к вам... Видите, чего у меня тут! — она жестом указала на дверь в дом и продолжила: — Уже три дня пьют, сволочи!

— Ерунда! — нашёлся Валерка. — Вот, держи! — и он протянул Ирке большую шоколадную плитку в яркой бумажной обложке.

Ирка оторопела.

— Точно, ерунда! — хорохорясь и даже пытаюсь быть весёлым, заговорил Пашка. — А это тоже тебе! — и он вынул из-за пазухи медведя.

У Ирки от удивления на мгновенье пропал дар речи...

— Какой он плюшевый! — едва слышно прошептала Ирка.

— Самый-самый плюшевый! — воодушевлённо подметил Пашка.

— А шоколадка самая-самая шоколадная! — торжественно подытожил Валерка.

Иркины глаза светились ярко-зелёными огоньками — то ли от нахлынувшего нечаянного счастья, то ли от яркого полуденного света и от этого ребятам стало светло и весело.

Спустя полчаса четыре друга уже сидели на крыше Валеркиных сеней, ели холодный шоколад и замыслили новые приключения.

Сергей Смирнов

Последний бой

ПЁСЬЯ ДЕНЬГА

Однажды император российский, объезжая свои северные территории, остановился на свежесрубленном мосту через быструю речку, наклонился через перила, заглядевшись на бегущую воду, а из кармана у него выпал кошелёк с деньгами — и на дно. И генералы, и служки, и простые люди, сопровождавшие его, бросились спасать государевы деньги. Но император, недовольно поморщившись, лишь махнул рукой в белой перчатке:

— Пёс с ней, с деньгой!

Мишка Фирсов работал в аэропорту на автопогрузчике. Аэропорт был маленький, как и сам арктический посёлок, но работы хватало: в сутки два московских рейса, десяток местных, да спецрейсы ещё, да залётные. Мишке работа нравилась, авиация нравилась тоже, носил серебряную птичку на ушанке. Жил он с женой в аэропортовой гостинице, в маленькой комнатушке. Наталья тоже работала в аэропорту, в метеобюро. На Север она приехала сразу после техникума, молоденькая и глупенькая — потому, может, и приехала, что не понимала, куда едет. Правда, поначалу жилось ей весело и беззаботно: лётчики — народ без предрассудков. Но где беззаботность, там и ветреность, и, угадав это, она удержалась от опрометчивых шагов, а в мелькании золотых дубовых листьев и нашивок углядела как-то маленькую Мишкину птичку, углядела и прочную земную профессию, и спокойный характер, а может, и ещё что, чего другим вовек не разглядеть. Несколько лет жили они хорошо, чинно, душа в душу, потом как-то незаметно души их разъединились, и осталась одна чинность.

Так и пошло: Наталья в метеобюро, на верхотуре, а Мишка внизу, «зилек» свой знай по территории гоняет. Летом с грузом, зимой полосу расчищает. Работа, конечно, не то что у Натальи, но тоже нужная. К тому же времени свободного — навалом. Плохо только, что девать его некуда, нечем в посёлке заняться, особенно зимой в полярную ночь — тут хоть волком вой. И то пробовал, и это — неинтересно, не тянет, и всё. Ну и, понятно, прикладывался частенько с приятелями. Как без этого? Только бывало от этого ещё хуже: тут жена насмерть запиливала.

По пьянке кто-то надоумил его охотой заняться, понарассказал всяких баек да случаев — и с людьми и с животными. Мишка тут же

купил ружьё и даже сходил пару раз на зимних куропаток, но охота оказалась делом хлопотным, не таким лёгким и весёлым, как в рассказе: ходьбы да беготни много, иногда и на пузе поползаешь, а толку чуть — по полторы штуки на ствол, и жалость какая-то появилась по первости, потом ещё Наталья незаметное словцо кинула, — в общем, ружьё Мишка забросил и о нём почти не вспоминал.

И вот как-то раз, перед навигацией, когда самая безденежная гнетуха, приходит к Мишке знакомый его, Иван, водитель с «газика», и прямо с порога, захлёбываясь, выкладывает, что спустили директиву провести мероприятия по ликвидации бродячих собак и что Степан Филиппыч из исполкома попросил его, Ивана, разузнать, поспрашивать среди охотников: мол, может, кто и согласится пострелять от нечего делать. Дело-то добровольное, не каждый на собаку ружьё поднимет.

— Правильная директива, — кричал Иван, — хотя и жалко, конечно. — Ну, жалко, — Мишка никак не мог понять, куда приятель клонит.

А тот, возбуждённо размахивая руками, сыпал дальше, что за эту, значит, работу председатель райисполкома даст записочку в пушной магазин, а та-ам чего только нет!

Мишка и сам знал, что в пушном магазине охотники по справкам из «Заготпушины» могли получить какой угодно дефицит и даже импортную дублёнку.

— Ну-ну? — уже с интересом спросил Мишка.

— Тут я и говорю: есть у меня корефан! С ружьём! Обмывали-то, помнишь? И парень ты, говорю, что надо, свой в доску. В общем, бумажку он для тебя даст — разрешение. Сам понимаешь, мало ли дураков на свете, привяжутся ещё. Ну что, Михаил Петрович?

Светло-коричневая дублёнка как живая встала перед Мишкиными глазами. «У Наташки дублёнка есть, с „материка“. Расшитая вся — загляденье. А я в казённом рядом с ней — вахлак вахлаком...» — Согласен!

— Ну тогда с тебя пузырь, а я поехал.

Ударили по рукам, Иван вышел.

— Ваня, Ванька! — кричал Мишка в форточку. — Ты мне только сегодня разрешение-то привези! Понял? Сегодня! Я тогда в ночь и выйду!

На работу ему нужно было ещё через сутки. В обычный-то день с тоски сдохнешь — нечего делать, а тут у Мишки получился праздник нежданно-негаданно: и пострелять — время убить, и полезное дело сделать, да ещё приобрести ценную красивую вещь. На «материке» вон за дублёнку горла рвут, а тут — справку получил, деньги-товар, и дело в шляпе, дублёнка твоя. «Если сейчас дублёнок нет, подожду, пока завезут, торопиться некуда», — думал Мишка. Так что пока всё складывалось удачно. Он обошёл соседей, разжился порохом, капсюлями — гильзы, пыжи, свинец у него были, остались неизрасходованными, — и сел заряжать патроны. Пороху досыпал чуть больше

и хорошо трамбовал, как на крупного зверя. Из свинцовой пластины нарубил картечи и тут подумал, что одному-то ему, пожалуй, не справиться, что хорошо бы напарника найти. Хотел уже идти опять к соседям-охотникам, но вовремя спохватился: «А вдруг председатель одну записку на двоих даст?» Мишка представил себя в дублёнке, как на картинке, запах новой кожи и меха. «Да-а, тут свой человек нужен... Или незаинтересованный... Санька! Во! Как же я сразу не додумался?! Бутылку ему поставлю. Или две. Ещё и рад будет».

Санька работал в одну смену с Фирсовым рабочим на погрузке. Любил он выпить, был недалёкого ума и вполне подходил для задуманного Мишкой дела.

И точно, выслушав Мишкино предложение, особенно вторую часть его, Санька сразу засобирался, пришлось его даже слегка осадить, сказать, что пойдут сегодня, но в ночь, когда светло, как днём, а народу на улицах нет. Договорились на двенадцать, то есть на ноль часов. Напоследок предупредив напарника, чтоб не напился и не опаздывал, Мишка дошёл до магазина, купил три бутылки водки, вернулся домой и стал ждать Ивана.

Часов в десять вечера под окном раздался скрип тормозов Иванова «газика». В бумаге было сказано, что такой-то направляется на отстрел бродячих собак, кошек и пр. в связи с ухудшившейся санитарно-гигиенической обстановкой и постановлением райисполкома за номером таким-то от такого-то числа. Ниже стояла исполкомовская печать и размашистая подпись.

— Ну вот, теперь всё путём, по закону, а то действительно — мало ли что...

Пришла с дежурства жена. Мишка обстоятельно рассказал ей всё, на что она обозвала их всех троих пьяницами и живодёрами.

— А у Саньки,— сказала она,— у самого собачка есть, чёрненькая такая!

— Так она же на привязи,— не понял Мишка.— Домашняя! А ты вот знаешь, к примеру,— продолжал он,— как северные охотники ездовую породу берегут? Чужаков и слабаков сразу под нож, даже пулю не тратят, пулю жалеют! Зато на свою упряжку всегда положиться могут! Как тебе? Всё по Дарвину!

Жена промолчала, ушла на кухню мыть посуду.

Так что Мишка на обвинения в живодёрстве совсем не обиделся, а даже посмеялся, потому что думал не о том, что придётся стрелять, и не в лесу, а прямо в посёлке, как-то складывать, перетаскивать и, быть может, даже пачкаться в крови, а о дублёнке...

Без четверти двенадцать явился Санька. Он уже, видно, принял слегка на свою впалую грудь и смотрел орлом. Мишка перелил водку в плоскую коньячную бутылку, сунул её напарнику в карман, остатки они допили, закусив Натальиными котлетами, и вышли в солнечную арктическую ночь.

Ни Мишке, ни Саньке не приходилось никогда заниматься таким делом, и они долго решали, откуда им заходить и учитывать ли ветер. Чуть не поругавшись, плюнули в конце концов на охотничьи уловки и двинулись между домами.

И тут Мишка, шагая с ружьём наперевес и забыв уже про опыт северных охотников, прозрел внезапно и испытал странное чувство боязни, перешедшей в панический страх: что, если увидит его сейчас кто-нибудь из знакомых, соседей, вышедшего на такое, что ни говори, пакостное дело, как будто собирается он преступить какую-то черту, за которую человеку — нельзя? И эта неизвестно откуда взявшаяся, колом вставшая мысль заставила его ступать мягче, бесшумно, как вору, и оглядываться, как настоящему преступнику.

Санька тоже, глядя на командира, согнул свою хилую спину, свесил длинные руки и шёл, настрожённо озираясь.

«Я иду-у по У-уругва-аю! Ночь, хоть выколи-и глаза!» — из раскрытого окна орал магнитофон.

«Страшно, но поздно,— думал Мишка.— Поздно, но страшно... возвращаться». И тогда он постарался загнать свой страх в самую глубину, на самое дно окаменевшей души. «Собака... — подумал он.— Собака — не человек». После этого решения, оказавшегося таким простым, шаг его сразу обрёл утерянную было решимость.

Мучительно долго пришлось им разыскивать прицельные объекты, пробираться по притихшему посёлку от помойки до помойки, перелезая через «короба» и угольные кучи.

Как назло, ничего живого не попадалось. «Вот твари, почували, что ли?» — думал Мишка, сжимая ружьё, словно древко знамени на первомайской демонстрации, — не опустить и не передать.

Наконец оба увидели большую рыжую собаку с сосульками грязи на брюхе, трусившую от них с прижатыми ушами и поджатым хвостом. Собака оглядывалась, косила глазом и поэтому бежала как-то боком.

— Бей! — одновременно с Санькиным воплем Мишка навскидку ударил дуплетом.

Ему показалось, что он увидел белые трассы, повисшие в воздухе, и почти физически, с новым приливом страха, ощутил, как обрубки свинца сначала образовали вмятины на рыжей шерсти, а потом медленно ушли куда-то вглубь и, проворачиваясь там, стали необратимо пробивать себе дорогу всё дальше и дальше, пока снова не вырвались на свободу и косыми траекториями уткнулись в землю.

— О-ох! — выдавил Мишка.

Да, тяжело ему было, давил ему на спину чей-то тяжёлый пронизывающий взгляд.

Псина завалилась набок, как плоская мишень в тире. Лапы её вдруг бешено заработали, захлопали по земле, как будто могли ещё спасти, унести от смерти.

Мелькнула шальная мысль: а если вскочит?! Мишка в панике оглянулся. Всё на свете отдал бы он сейчас, чтобы не слышать этого отвратительного топота. «Пропади она пропадом, дублёрка эта...» — Сволочи... — неизвестно кому и про кого прошептал он.

— Чё? Да-а... — еле слышно выдохнул Санька.

Злость на всё и вся вдруг охватила Мишку.

— Чего раздакался? — грубо сказал он. — Тащи её, суку, вон туда, к дороге.

Но сначала всё же постояли, покурили из дрожащих пальцев, ополовинили коньячную фляжку.

Вроде ничего. Отпустило.

Дальше пошло быстрее и легче: бац да бац. Удача, чёрт её дери, пошла! Уложили заодно и пару кошек. Или котов, бес их разберёт.

— На детские шубки — пойду-ут, — бормотал про себя Мишка. — Китайцы вон шьют, а мы что?..

Санька стаскивал убитых к бетонке и выкладывал их в ряд на обочине, сначала попробовал по масти, но это оказалось некрасиво, не по-хозяйски. Тогда он выложил собак по размеру, по возрастающей, как в музее. Санька даже не ожидал от себя такой аккуратности. А Мишка, уже распаренный, с ошалелыми глазами, бил и бил, стегая выстрелами спящий посёлок. В белых бил, чёрных, пятнистых, больших, маленьких, лохматых и гладких... Что ему теперь было их разглядывать? Всё встало на свои места. При таком разнообразии у них было одно общее качество: они были вне закона, и в обмен на их жизнь — считай что задарма — можно было получить шикарную дефицитную вещь, о которой, правда, до сегодняшнего дня Мишка Фирсов как-то не думал, не мечтал...

Уже под конец получилась накладка: Мишка шлёпнул пулей выбежавшую через пустырь прямо на них чернявую шавку, и Санька, подойдя, чтобы тащить её на бетонку, вдруг плаксивым голосом сказал:

— Миш, а ведь это Мушка... отвязалась, видать, собачка моя... я ей... котлетку вот...

Мишка, охваченный азартом, не врубился и ляпнул:

— Ну и что?

— Мушка это! Понял?! Она у меня... ласковая такая... служить умеет, слова человеческие понимает... ждала ведь меня...

Он опустился на колени, склонился над ней, ощупывая безжизненное тельце дрожащими руками в запёкшейся крови. Вынул газетный кулёк, развернул, начал тыкать раздавленной котлетой в окровавленный собачий нос:

— Ну, ну... — и тихо завыл: — Единственная понима-ала...

— Мушка, Мушка! Вон их сколько замочили, мушек твоих.

— Ах ты, гад... — прошептал Санька. — Да я тебя сейчас... самого...

— Да бро-о-ось ты! Самого-о-о! — передразнил Мишка.

Но, заметив кривой нервный оскал на лице напарника и блестящие бусинки слёз, застрявшие на небритых щеках, понял, что дело принимает нешуточный оборот, и неожиданно для себя повёл стволами: — А ну...

Санька остолбенел.

— Ты зачем... это?..

Мишка поднял ружьё повыше. Санька медленно поднялся, и когда в живот ему упёрлись чёрные, прошивающие навывлет зрачки, попятился, вяло помахивая рукой:

— Э... э...

Мишка с каким-то животным интересом смотрел, как сереет потное Санькино лицо, как корчится он, словно жучок, на невидимых продолжениях стволов.

— А ну пош-щёл отсюда, алкаш,— сквозь зубы проскрипел Мишка и упёр приклад в плечо.— А ну, сопля зелёная...

У Саньки подломились коленки, он снова попятился, повернулся и, нелепо подпрыгивая, побежал в сторону бетонки. На ходу он оглядывался, и Мишкин опытный уже глаз уловил в его фигуре что-то знакомое. Да, узнал Фирсов ту самую, первую, рыжую собаку. Как бежала она от них и как потом завалилась...

Словно кто-то скомандовал ему: «Бей!»— и он дёрнул спусковой крючок. Боёк только щёлкнул — выстрела не было. Мишка опустил ружьё, мутным, налитым кровью взглядом оглядел освещённый уже утренним солнцем пустырь, серую бетонку, по которой всё ещё бежала от него, раскачиваясь, длинная чёрная Санькина тень.

Потом вытер взмокший лоб скомканной в кулаке ушанкой, хлопнул ею себе под ноги и, ухватив ружьё за тёплые ещё стволы, стал, рыча, бить им о гудящую от каждого удара землю...

Последний бой

В пятницу в кафе «Бабьи слёзы», что у вокзала, у Анатолия Ивановича Глухова вытащили получку. Обнаружилось это только на следующий день: от пятидесяти рублей остался один-разъединственный рубль, на который Анатолий Иванович взял две бутылки пива и пачку «Беломора». Как это всё произошло, он не помнил, потому что после кафе угощал Ваську Поршнякова вермутом — и на этом воспоминания кончались. «Лишку, явно лишку хватанули»,— морщился Анатолий Иванович, очень уж ему было жалко украденных денег; получалось, что за пол-литра бормотухи он заплатил без малого пять-десять (!) рублей, почти половину зарплаты. И вот теперь, сидя на кухне, где, кроме плиты, стола и двух расшатанных табуреток, ничего не было, Анатолий Иванович задумчиво курил, вздыхал и морщился, прихлёбывая из бутылки пиво, по холостяцкой привычке разговаривал сам с собой, прикидывал и так, и эдак, но денег взять было негде. Соседи и мужики с дормехбазы, где работал Глухов, иногда давали

ему в долг то трояк, то пятёрку, но сейчас это был совсем, совсем не выход. В довершение всему в груди возникла знакомая тупая боль, от которой сразу закружилась голова и пересохло во рту.

Анатолий Иванович пошарил ещё раз по карманам, порылся в ящике стола среди бумажек, вдруг увидел повестку в суд и сразу, конечно, вспомнил, что сегодня у них с Раиской «раздел имущества», и что она просила не опаздывать и не пить с утра, и не-не-не, и вообще наговорила так много, что и не упомнишь всего. За всю совместную жизнь если собрать — и то, наверное, меньше получится.

Пожились они вскоре после войны, когда жизнь, казалось, только и начнётся, да такая, что и помирать не надо, сплошной праздник. Но праздника не вышло, потому что со временем выяснилось, что всё основное, главное Глухов уже прожил, уже совершил за те четыре года, которые для иного — вот для Раисы хотя бы — были из актива вычеркнуты. Проще говоря, заскучал Глухов по солдатской, заданной свыше жизни. И хоть был он там, на войне, человеком подневольным, не тяготился этим, дело своё не очень приятное знал, и если нельзя сказать «любил», то уж выполнял с готовностью, умом и круглосоточно — это наверняка будет точно. Научился убивать, научился.

А ведь гражданская эта расхлябанность, такая незаметная и безобидная, не одного человека сломала. А разве кому что сломанное нужно? И осталось у него единственное — рядовое звание обычного русского солдата, каких много и было, и будет, наверное, но именно потому Глухов и дорожил им, этим званием, что было оно едино для всех и не различало должностей и регалий, и прошлые свои заслуги, военные, считал главными. Может быть, и зря, но уж так получилось.

Потом вырос единственный сын, женился и уехал на Север, «мир посмотреть», а они с Раиской так и дудели каждый в свою дуду, пока полгода назад она вдруг не объявила, что уходит от него, что хватит, мол, намучилась, что нельзя прошлым жить.

— Война, Толя, тридцать лет как кончилась, а ты всё по ночам в атаки ходишь, и всё время одно и то же — война, война, как будто, кроме войны, ничего больше на свете не было! Как мальчик играешься! И сколько можно душу свою фронтovou дырявую водкой заливать?

Так она сказала и ушла, как раз накануне Дня Победы, будто специально подгадала. Потом она заходила несколько раз, всё как-то по делу: то одно заберёт, то другое, — так почти всё и перетаскала, а однажды приехала с машиной, погрузила трюмо, зеркальный шкаф, стол обеденный и ещё кое-что по мелочи.

— Ты же один, Анатолий, — сказала она. — Зачем тебе большой шкаф? И двух стульев тебе вполне хватит. А на кухне ещё и табуретки есть.

Умела Раиса убедительно, обоснованно говорить.

— Конечно, бери, — отвечал он, всё это не жалко ему было, — а то у меня тут как в мебельном магазине — пройти негде.

— А Федя тебе привет передаёт, — смеялась она, дразнила своим таинственным Федей.

А вскоре и повестка эта пришла. В суд которая.

Анатолий Иванович оделся — пора было, вызывали к одиннадцати: сапоги, старенькие, но начищенные и ещё совсем целые, чистый выходной бушлат военного образца и старомодный цигейковый «пирожок». Награды он решил не надевать. Не к месту.

На суде ничего неожиданного и интересного не произошло, развели их быстро, без хлопот, тем более что Раискин ухаждёр служил в милиции каким-то большим начальником, да и делить уже было нечего. Пока шёл суд, Анатолий Иванович всё размышлял, как бы к ней, к Райке, подъехать насчёт денег; больше всего он опасался, что придётся одалживаться в присутствии этого представительного Феде, у которого над левым карманом двубортного пиджака шли в два ряда орденские планки. Это было бы уже совсем смерти подобно. А он, Федя, так от Раисы и не отходил, поддерживал её всё время под локоть, а в гардеробе подал пальто и, стоя рядом, рассказывал, видно, что-то весёлое, потому что оба улыбались и ничего вокруг не замечали.

Глухов подошёл к ним, скрипя сапогами, в своем зелёном бушлатике, и Раиса познакомила их:

— Фёдор Петрович, это Анатолий.

Именно так, а не наоборот, но Анатолий Иванович не обиделся. Фёдор Петрович слегка поклонился, но руки не подал. Глухов тоже не выказал особого желания ручкаться. Раиса была в настроении и, глянув на хмурое лицо Глухова, весело сказала:

— Ну что, добился своего?

Хотя Анатолий Иванович ничего такого не добивался. Всё равно ему было, с кем и что она крутит и в какую трубу теперь дудит. А этот Федя и правда был совсем даже ничего, видно, что начальник и фронтовик. Глухов не испытывал к нему неприязни, так уж жизнь повернулась! Просто вся ситуация казалась ему несколько странной и, главное, очень неудобной, чтобы попросить у Раисы денег, а она дала бы, в таком-то хорошем настроении обязательно дала. Наконец все трое вышли на улицу, и Анатолий Иванович понял: чтобы не упустить момент, нужно просить именно сейчас. Проглотив комок в горле, он постарался сказать как можно непринуждённой:

— Рай, вы мне рублей тридцать не одолжите... пока?

Он и не заметил, что перешёл на «вы», и просьба получилась обращённой и к Фёдору Петровичу тоже, который о чём-то недолго поразмышлял, глядя на Глухова, и сказал:

— Вообще-то у нас сейчас плохо с деньгами — машину покупаем. Ну да ладно, пойдём, там поговорим. Раиса Васильевна хотела кое-что из вещей взять. Так, Рая?

— Пойдёмте, пойдёмте, — сказала Рая, — я уже вижу, как вам выпить не терпится.

И они, не торопясь, по-семейному как-то, пошли все трое на квартиру за оставшимися вещами, хотя что там ещё могло оставаться после Раискиных набегов, Глухов не представлял, но шёл, потому что нужны были деньги и действительно хотелось выпить. Только странное это шествие всё меньше и, меньше нравилось Анатолию Ивановичу.

«Под конвоем ведут,— подумал он.— Что же им ещё от меня нужно? А может, и правда он по-простому решил, по-окопному?»

По дороге Фёдор Петрович купил бутылку коньяка и полкило конфет «Мишка на Севере». Уже у самого дома Глухов всё же не выдержал и строго спросил:

— А вы что же, воевали?

— Было дело.

— И где же?

— Сталинград, Белоруссия, Прибалтика,— чётко ответил Фёдор Петрович.— Полной мерой хлебнули.

— Вот этого не надо,— перебил его Глухов.— А по какой части?

— По пехотной, по какой же ещё,— сказал Фёдор Петрович.— Тогда выбора не было... А ты что же, допрос с меня снимаешь? Или как?

— Может, и допрос. А вы что разволновались-то?— чёрт уже какой-то в Глухове зашевелился и толкал его коленкой под ложечку.— Для вас это, должно быть, дело привычное — следствия там всякие, ну и допрашивать нашего брата тоже научились, наверное. А я так, интересуюсь просто...

А про себя подумал: «Были же случаи, ёк-макарёк, всю войну — и не единой царапины. Это в пехоте-то! Были, были... Один, по-моему, конюхом служил, другой в интендантской роте... А у меня-то! Одно ранение всего, ну контузия... А может, он не с начала воевал-то, а? Помоложе просто. А я его уже сразу и в интенданты записал... Вот ё...»

С коньяком устроились на кухне. Пока Раиса искала чемодан и снимала тюлевые шторы, они глухо говорили за прикрытой дверью и курили так, что дым лез в комнату из всех щелей. Выпивка стояла на столе, и Анатолий Иванович про деньги уже не помнил.

—...Да,— говорил Фёдор Петрович,— награды нынче ценность потеряли — побрякушки, не более того. Зато к ветеранам, вот к таким, как мы, отношение в корне переменялось. Опомнились наконец-то. Считаю — правильно, по-государственному.

— Не ветераны,— язык у Глухова уже заплетался,— а эти... участники ВОВ...

— А что ж, и участники. Что же стесняться-то? Заслужили с тобой, обязательно.

— Как это вы... сказали?— Анатолий Иванович налил в стаканы нетвёрдой рукой и в упор уставился на Фёдора Петровича.— Как вы сказали — стесняться? Заслужили? У-дстве-рение, что ли?

Глухов задумался.

— А-а, без очереди же... ну да... А не стыдно?

Он положил руку на плечо Фёдору Петровичу и посмотрел на него с непонятной ласковостью.

— Не стыдно, а?

Фёдор Петрович, покосившись на эту огромную багровую руку, медленно выпил коньяк и даже закусил конфеткой, но вкуса не почувствовал.

— Я вот выправил себе, пользуюсь регулярно... Да что ты прицепился-то ко мне?! Лезет и лезет! Руки ещё тянет. Раиса!

— А то! — вдруг заорал Глухов. — А то!..

Слова отчетливо застряли у него в горле, и он смотрел на Фёдора Петровича дикими выкаченными глазами, лицо его приобрело густой синюшный оттенок, и в кулаке слабо хрупнул гранёный стакан с коньяком.

— Раиса! — закричал Фёдор Петрович. — Иди сюда, Анатолию плохо! — Мне?! — зарычал Глухов. — Задавлю, падлы! За колбасу продались?! Сталина забыли?! Так я вам напомню! В штрафную захотели?! А-а-а, б...

Он замахнулся огрызком стакана, как гранатой. По пальцам и дальше к локтю текло что-то маслянистое, оранжево-жёлтое — то ли коньяк, то ли кровь. Фёдор Петрович отшатнулся и попытался вскочить, прикрывая голову руками. В этот момент в кухню ворвалась Раиса, обхватила Глухова поперёк костлявой спины, приподняла и крепко встряхнула.

— Ишь ты, чёрт контуженный, разбушевался! Я на тебя управу быстро найду. Какой, смотри-ка! К тебе, дураку, раз в жизни приличный человек в гости пришёл, а ты тут спектакли разыгрываешь!

Раиса бросила Глухова на стул, и он обмяк сразу, опустил голову и плечи и, размазывая по щекам кровь и слёзы, глухо забубнил что-то совершенно неразборчивое и непонятное: про лес, про болото, про какого-то рыжего фрица. Огромные руки его двигались, как клешни у обваренного рака, как будто он давил кого-то, мял и рвал на части. — Лесные сказки начались, — сказала Раиса. — Он ведь ухитрился ещё и с лесными братьями повоевать, аж до пятьдесят второго года. Теперь, пока всех не передушит, не успокоится.

Постепенно Глухов затих, перестал дёргаться и скрипеть зубами, а только приговаривал плачущим голосом:

— Ничего... ничего не понимаю...

— Готов, воин, — вздохнула Раиса и победно посмотрела на Фёдора Петровича.

Вдвоём они взяли обвисшего Глухова под руки и поволокли в комнату на кровать.

— Дурак пьяный, — говорил Фёдор Петрович, оттирая с костюма пятна сукровицы. — Просто законченный алкаш. А мы всё церемонимся! Как ты жила с ним, Рая?

— Так и жила. Он по лесам бандитов ловил, а я сидела и ждала. Все уже вернулись, а...

— Так уж и ждала, Рая?

— Ждала! Ждала! На вот, посмотри лучше,— она вынула из ящика стола затрёпанную женскую сумочку.

— Ага,— сказал Фёдор Петрович,— самое главное.

Он достал из сумочки медаль «За отвагу», стёртую, с засаленной ленточкой и вмятиной от пули.

— Ого! Ему крупно повезло! Смотри-ка!

— Да видела сто раз. Добра такого. Лучше б его там убило, окаянного.

Фёдор Петрович снова покопался в сумочке, потом подержал на вытянутой ладони «Красное Знамя», горевшее чистой алой эмалью, и вытряхнул остальное на стол.

— А вот она и «Слава»... Ай-яй-яй,— вдруг запричитал он,— почти новенький, а булабочки нету! Ка-ак неаккуратно!

— Ну-ну, разложился,— сказала Раиса.— Бери сейчас что надо, трезвый ни за что не отдаст. Но если узнает...

— Ты что, с ума сошла?— разглядывая орден, ответил Фёдор Петрович.— Зачем нам... такое некрасивое дело? Нужно по-хорошему подойти, по-человечески, поговорить...

— Да не трогай ты его! Видишь, он...

— Нет, нет...

Фёдор Петрович подставил к кровати стул и уселся на него верхом, держа «Славу» в кулаке.

— Анатолий Иваныч,— толкнул он Глухова,— проснись, дело есть.

Глухов лежал тихий и неподвижный, потом забормотал, закашлял. Оторвал голову от подушки и снова уронил.

Раиса тем временем вынесла в прихожку чемодан с занавесками и вернулась обратно.

— Ну что там ещё, Федя?

— Да спит, мерзавец, как убитый. Он что, от стакана водки падает?

— А я почём знаю? Немеренную пил, но раньше с бутылки ходил как огурчик. Осколок в нём, правда. Ну, с войны. Да и хватит, наверно, отпил своё.

Фёдор Петрович, теряя терпение, долго тряс и толкал Глухова, пока тот не повернул к нему бледное морщинистое лицо с ввалившимися глазами и ртом.

— А...— сказал он.

— Ты насчёт денег спрашивал,— начал Фёдор Петрович.— Так, может, договоримся? Орденок тут у тебя валяется. А?

Анатолий Иванович бессмысленно посмотрел на него, пошевелил порезанными пальцами и прикрыл глаза. Дышалось Глухову тяжело, на подушку текла розовая слюна.

Тогда Фёдор Петрович помахал «Славой» в воздухе, под самым носом у Глухова, и сказал:

— Ну так что, давай? Я не обижу.

— А... — снова выдавил Анатолий Иванович.

— Ну вот, — весело крикнул Фёдор Петрович и так же победно посмотрел на Раису. — А ты говорила! Пятьдесят даю, — он повернулся к Глухову. — Понял? Пять-де-сят!

А Глухов всё хрипел и хрипел, лёжа животом вниз на узкой кровати, протянув вдоль высохшего плоского тела длинные некрасивые руки, которые, казалось, достались ему от кого-то другого, большого и сильного.

— Ха... — выдыхал он. — Ха...

Раиса, стоя перед зеркалом, обновляла ярко-красную помаду на губах, разглядывала запудренные морщины у глаз и особенно некрасивые и резкие у рта, портившие добродушную припухлость губ и придававшие лицу чужое и даже жестокое выражение. Фёдор Петрович положил на стол две двадцатипятирублёвые бумажки, а орден сунул в карман.

— Теперь ты у меня полный кавалер, — сказала Раиса, глядя в туманное зеркальное стекло. — Так это у вас, кажется, называется?

Когда они ушли, Глухов всё же приподнялся и даже повернулся на бок, но на большее сил не хватило. Тогда он стиснул зубы и кулаки, выгнулся всем телом, словно кто-то стеснял его свободу, душил, не давал вдохнуть полной грудью, и, булькая горлом, прошептал своё последнее:

— Ры... жий... фр...

Глухова хватились на работе через три дня. Бригадир Данилыч с Васькой Поршняковым, всегдашним глуховским собутыльником, взломали дверь. Патологоанатом районной больницы в графе «Причина смерти» записал всего две строчки: «Лёгочное кровотечение в результате проникающего ранения грудной полости, полученного на фронтах ВОВ», — а участковый, пролистав замусоленный военный билет с пожелтевшей фотографией молодого Глухова в военной гимнастёрке, высыпал из старой женской сумочки глуховские награды и сказал, строго глянув на понятия:

— Арти-ист! Боевой орден пропил. Совсем стыд и совесть потеряли.

Сергей Аносов

«Гомер»

Дух Байкала

Региональная выставка масляной живописи собрала множество народу. Здесь представили свои работы мастера сильные, именитые, гремящие далеко за пределами области. Яркие рисунки, выполненные в манере Матисса, натюрморты, пышные красотки и прочие «деликатесы» изящного искусства пребывали тут в изобилии. Полотна обрамляли роскошные багеты, украшенные инкрустацией с насечкою из меди, набивкою, массивною лепниной. Однако особо привлекла внимание посетителей картина с изображением озера Байкал. На высоком его берегу в предрассветном тумане безмятежно бродили кони. Пейзаж наполнен был чистотой и свежестью раннего июльского утра. Подобно старой иконе, он оказался прописанным с той тщательностью, с каковой уже не работают нынешние живописцы; кроме того, имел весьма внушительные размеры. Кажущаяся безграничность полотна позволяла зрителю «окунуться» в пейзаж, ощутить в нём собственное присутствие.

Автор картины — невысокий старик в очках с надтреснувшей оправой — трудился над её созданием несколько лет. Он вложил в пейзаж весь свой талант, передав впечатления далёкой юности с опытностью и изяществом зрелого мастера. Убелённые сединами старожилы единодушно признавали, что данное полотно на редкость правдиво передаёт состояние байкальской природы на тот момент, когда вода озера не была ещё отравлена отбросами деревоперерабатывающих предприятий, а берега покрывал девственный лес. По всеобщему мнению, эта картина возглавляла экспозицию, являлась её украшением и даже названа была кем-то «Духом Байкала».

Среди почётных гостей выставки, специально приглашённых её организаторами, находился некий датчанин — миллионер и крупный бизнесмен, прибывший в этот край с целью закупки дешёвого леса. Он сообщил, что желает сделать для дочери подарок и поэтому непременно приобретёт что-нибудь из работ здешних художников. Члены организационной комиссии наперебой заискивали перед иностранцем, стараясь всячески угодить богатому клиенту местного лесхоза. В ходе просмотра бизнесмен, наконец, был подведён к вышеупомянутому полотну, где искусствоведы дали необходимые пояснения по поводу высокой художественной ценности работы.

Тогда датчанин сказал:

— Хорошо, I agree with you. Моей дочери приятно будет видеть этот картина у себя в гостиной. Я покупаю канвас «Байкал» и даю для того одна тысяча и пятьсот долларс.

При слове «доллары» у многих слышащих этот разговор просто перехватило дыхание. Надо же! Миллионер соблаговолил самолично посетить выставку и даже готов выложить доллары за какую-то пыльную холстину... Безотлагательно позван был сам мастер, создатель картины. Председательствующий комиссии поздравил его, говоря: — Что ж, ваш «Байкал» возымел на выставке успех. Иностранец желает приобрести это полотно для своей дочери. Платит наличными полторы тысячи в американской валюте. Да вам просто повезло! Пойдёмте-ка оформим кой-какие бумажки.

Они зашли в кабинет. Там в удобных кожаных креслах чинно восседали новоявленные меценаты — промышленники, банкиры. В их компании пребывал и важный гость из Дании. Он подошёл к мастеру, пожал ему руку и сообщил о своём выборе. Старик замялся в нерешительности. Тогда председатель комиссии решил его ободрить: — Ну вы что? Удача, можно сказать, подвернулась вам, а вы ещё сомневаетесь! Подписывайте вон тот документ и получайте свои деньги. Вопрос решённый.

Но художник отвечает:

— Продать не могу. Я ведь говорил вам уже, что пообещал подарить это полотно в начальную школу. Нехорошо получится.

— Это в какую ещё «в начальную»? — негодуяще спросил один из присутствующих. — Которая возле горбани? Её там и повесить-то негде: темно, плесень везде. Да и нужна она салабонам?.. Придумал тоже, старый! А тут твой «Байкал» поедет в Данию. Представляешь: в Европу! Деньги тебе заплатят. Зря, что ли, шесть лет малевал?

— Вы же сами говорили: дух байкальской природы в картине запечатлён. Так пускай здешние ребятишки красотой родины восторгаются, восчувствуют этот дух. Пусть знают, каков он был, наш Байкал, сорок лет назад. Это ведь история их земли, это *им нужно*...

— Что-то ты про непонятное, дед, здесь толкуешь. Тебя уважили, пригласили в выставку поучаствовать, и ты же нас в неловкое положение перед иностранным гостем ставишь. Тебя что, цена не устраивает? Что не нравится?

— Вот он мне и не нравится, покупатель ваш заморский. И вы мне не нравитесь, господа коммерсанты. Нету в вас ни стыда, ни к отечеству униженному сострадания!

Дед покинул кабинет. Инцидент вскоре заглажен был шампанским и пирожками с визигой. Выставка продолжилась своим порядком.

А на следующий день к председателю комиссии приехала пожилая супруга художника. Поздоровавшись, она сказала:

— Неудобно давеча получилось... В общем, согласны мы продать тот «Байкал». Чего его хранить-то годами? Где расписаться в документе?

Далее всё свершилось без особых хлопот. Картина принесена была из зала. Обрадованный чиновник сам взял в руки клещи, и они вдвоём с каким-то рабочим принялись сдирать холст с массивного подрамника. Гвозди с трудом извлекались из кондовой байкальской сосны, издавая неприятный скрежет.

— Вот так, — приговаривал председатель. — Сейчас свернём вашу живопись в рулон, и она в наилучшем виде доедет до Дании. Я в этих операциях, знаете, спец. Что сам дед не появился? Обиделся, что ли? — Не обиделся. В больнице он, скорая увезла вчера. Недужится.

— Жаль... — притворно произнёс председатель, орудуя клещами. — Жаль, что ещё цепляются люди за устаревшие лозунги. Но жизнь-то ведь идёт вперёд! Все их «былинные ценности», «особо присущие народу черты» — признаться, отдают музейной пылью. Странные они, эти старые художники. Уважаемых людей ни за что осрамил: совести, говорит, у вас нет! Не понимаю таких.

«ГОМЕР»

Сапожник Тихон Чёботов, в тщетном ожидании жизненного счастья, пристрастился к выпивке. Нет, вовсе не был он алкоголиком или там падшей личностью, однако, в силу традиций своего ремесла, постоянно пребывал в состоянии между нетрезвостью и совершенным беспамятством. Тихон страдал от этой вредной привычки, поскольку она отрицательно влияла на его повседневный труд. Он решительно неспособен был вспомнить как самих клиентов, так и их заказы. То есть обнаруживалась у него эдакая жуткая рассеянность, отчего запросто мог он к шлёпанцам пришпандорить голенища.

Вот идёт однажды Чёботов по улице, наблюдает симпатичных трезвых людей и сокрушается насчёт собственного никчёмного бытия. А стены домов прямо пестрят всевозможными рекламами да объявлениями. И натывается сапожных дел мастер на следующую надпись:

«Клуб анонимных алкоголиков „Гомер“. Гарантированное избавление от алкогольной зависимости. Адрес такой-то».

«Ты смотри, — подумал Тихон, — как раз что мне требуется!» Входит он в указанный переулок, ныряет там под разные арки, но отыскать нужный офис никак не может. Наконец открывает очередную дверь, смотрит: комната, полумрак, люди сидят и тихо так разговаривают о чём-то. Лица у всех бледненькие, измождённые. А между ними разгуливает солидная дама в берете времён Питера Брейгеля. «Братья по несчастью, — подумал сапожник с сочувствием. — Сразу видать: конченные алкаши! А это, верно, хозяйка богадельни». Вошёл Тихон туда, осторожно поздоровался и тоже присел на стул. Послушать. В это время дама деликатно обращается к какой-то девушке:

— Теперь ты, Лариса, расскажи нам: а как у тебя всё это начиналось?

Девушка преодолела смущение, решительно набрала в лёгкие воздух и отвечает:

— Раньше-то я была как все: учёба, экзамены. Ну там, сходишь с подружками коктейлей попить. В субботу — на дискотеку. А когда устроилась работать в палатку — заскучала шибко. Покупатели тоже, бывает, сильно нервируют. Никакой жизни. В отпуск уехала на дачу, осталась одна. Вот тут я и почувствовала в себе это пристрастие. После настолько крепко оно меня зацепило, что уже не отпускало ни дома, ни на работе, ни на улице. А что? Сидишь себе в парке на лавочке, никому ведь не мешаешь...

— Ладно, — сказала дама, — спасибо. Сейчас ваша очередь, Игорь. Вы у нас совсем недавно. Откройте же свою историю: как вы, выражаясь фигурально, состоялись в этом качестве? Как нашли наш клуб?

Тут встаёт с места долговязый парень в прыщах. Он непрестанно вытягивает шею, озирается и начинает быстро-быстро говорить:

— Мне когда шестнадцать лет исполнилось, то цыганка сразу сказала: «Век твой, дружок, полон будет всяческих кувырков и потрясений». Меня, кстати, после того сразу велосипедист сбил. Потом паспорт украли в пельменной. Ещё меня зашибло по голове претолстенной книгой. Сейчас не могу сказать её названия. Автора тоже не вспомню с ходу. Она вылетела из окна высотного дома и угодила точнёхонько в меня. Можно, я лучше вам стихи почитаю? Я тут как раз недавно балладу написал. Послушайте вот...

И он начал с надрывом:

Ты ушла, оставив пачку сигарет,
Не докуривши до конца.
Бутылку первую вина мы пили вместе,
Вторую недопили ты и я.
Почему же ты ушла?
Без тебя мне не жить!
Как тебя мне вернуть?
Как со страстию быть?
Но вот раздался стук в дверь...
Я открыл дверь и увидел *тебя!!!*
Ты сказала: «Здорóво, чувак!» —
И мы обнялись...

Парень закончил свои куплеты. Он порядком вспотел, пальцы его нервно дрожали.

— Что ж, — заключила дама в берете, — в этом чувствуется ваша боль, и ваша радость, и надежда на благополучный исход. Кстати, а кто это? — она увидела мирно сидящего Тихона. — Э-э, да я вижу, у нас прибыл новый член клуба! Назовите себя, не стесняйтесь.

— Вообще-то я хотел остаться анонимом, — сказал сапожник, — но раз тут все свои, так что Чёботов моя фамилия. Зовут Тихоном.

— Замечательно звучит: Тихон Чёботов! И что, как вы попали в наши ряды?

— Тут всё очень просто, — начал Тихон. — Клиенты всегда приходят ко мне кто с наливкою, кто с самогом. Как сговорились будто! И всем надо сделать работу поскорей. Приходится входить в положение. С другой стороны — быт протекает монотонно, прозаично, прямо хоть в петлю лезь! Отсюда апатия, слабость, боли в пояснице. Возникает потребность в смене ощущений. Оно и понятно: организм, со своей стороны, призывает окунуться в иную обстановку — ну, для снятия стрессов. В театры ходить мы не приучены, а бутылка — она всегда под рукой.

— Вот как бывает! — удивилась хозяйка клуба. — Тут проглядывается прямо философский подход к винопитию. Ну а каким случаем вы к поэзии обратились? Что *ещё* вдохновляет вас на творчество? Откуда черпаете темы для стихов?

— Да я к ней, к поэзии этой, никогда и не обращался. Пить — пью, не отпираюсь, а стихи, говоря по-честному, терпеть не переносу.

— Так зачем же вы к нам тогда пришли?

— Как зачем? Разве не здесь предоставляют анонимные услуги по излечению пьянства? Разве тут у вас не «Гомер», в смысле — клуб анонимных алкоголиков?

— Вы ошиблись, — оскорблённым тоном пояснила дама. — Здесь встречаются молодые дарования, проходят вечера авторской поэзии. Надо быть внимательнее: у нас клуб называется «Пегас», а ваш «Гомер» — располагается этажом ниже...

Альбина Мамаева

Разведка подвела

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ТРОЙНОГО ОДЕКОЛОНА

Болтуринска больница. Врачебнай кабинет.

—Здорова, Андреевич! Проходи поближе, садись.

Андреевич устроился на самом уголочке, ноги в грязных кирзачах спрятал под стул.

—И тебе не хворать...

—А говорил, скрость проспиртовался, никака зараза тебя не возьмёт.

Андреевич сконфузился:

—Да, паря, ково-то шибко прижало...

—Ну, давай направленне, поглядим, хто чево с тобой... Ково глазами-то хлопашь? В вашем медпункте-то был?

—Был. Фершалице всё обказал: мол, в правом боку шибко болит, какесь под рёбра подпират. Она пошшупала, признала печень. А потом возьми да спреси, пил ли нет я дикалон...

Игоревич похвалил нову медичку:

—Молодчина, даром што молода, а сразу смикитила, чё к чему!

—...Дак вот! Я к ней вить пошёл, штоб к тебе отправила провэритца.

А как она спросила про дикалон, я думаю: почево мне направленне, ковды тройнова дикалону и дома хочь залейся?! Пить даки я ево сроду не пил — пахнет шибко, брезговал как-то. А старуха-то им и коленки к ноче натират, и грудь шоркат, и к голове прикладыват... Вся уж пропиталась! С ней рядом стоять-то не можно — дикалоном захватыват! Я через это с ней спать перестал, в куть ухожу на лавку. Дак она чё, стало быть, не здря натиратца? Дура-дура, а лекарство-то правильно нашла! Бегу домой, думаю, счас я тебе прочишшу норки-то, будь ты трижды проклята! Кака сквалыга! На себя за эстоль годов-ту, пожалуй, уж боле ведра выпатрала, а мне пузырьрёк пожалела!..

Игоревич было со стулу упал, кое-как удержался, штоб не рассмеятца, едва выговорил:

—Не убил старуху-то?

Старик облегчённо вздохнул и по-сурьёзному ответил:

—Бох отвёл. Она в избу-то зашла, дак я к тому времю уж флакон опростал и на лавке ляжал, корчился... Сроду эдак ниhto не болело... Тебе признаюсь: с белым светом попрошшлся... Дак она, родна моя, по всёй деревне выбегала, подводу искала да на Болтурин сама привезла... А к тебе я, думашь, почево зашёл? Счас-то навроде отошло, но ты мне всё же подрбно пропиши, на гумажке, до еды нады

пить дикалон-то или опосле? И, главно, по сколь зараз можно? А то я заторопился, у фершалицы-то не выспросил... Счас не знаю, то ли мало выпил, то ли лишку хватил... Отчево-то вить скрутило же меня...

Пилюли хорошо, а самогоночка надёжней

Кума Галина минут десять стéкалась в дверь к Арине.

— Она кака змея, хто с бабой-ту заспелась? Аришка, ты ково не отворяшь?

Потопталась на крыльце, обошла кругом избы.

— Жёлта в рот, нады идти звать мужика... пушай дверь ломат ли, ково ли...

Галина побежала к воротам, да услышала, бытто брякнул засов на дверях. Оглянулась — Арина выползла из сеней на крыльцо. Она было отворила рот (видать, хотела ково-то сказать), да задохнулась. Кое-как прокашлялась и давай причитать:

— Оно хто чево деетца? Она какá на меня навалилась неоколедíма? Другú неделю в худых душах лежу. Сроду едак подолгу-ту не вылёживалася, день-два — да опеть на ногах, Христос со мной.

Галина врыссю подскочила, подхватила старуху под локоть:

— Свят Дух Восподней! Ты где едак-ту сжабалась? Морозов-ту ишшо не было. Не у лешака ли простыла?

— Видать, половики аукнулись. Лето-то со мнучатами высидела, не стиралась. Как што не добра хозяйка стала... Хватилась эвот к осени... Грязны вить в зиму не оставишь...

Арина стащшила с головы косынку, утёрла пот со лба. Повела гостью в избу. Галина не могла унятца:

— Ты, кума, не одичала ли? Неуж на реке шоркалась?

— Дак где боле-то? Кружкí-то в бане перестирала, а половик вить в бане не выстирашь... Все три вышоркала да выполоскала... Шутка в деле?!

— Ва-ай, дефка, правду, што к старосте-то всё кругове да кругове стаём. Тёплой лопатины-то у тебя уж, стало быть, нету? Обнишшала наготово...

— Дак оболотлась-ту бытто во всё тёпло. А сабоги новы куды-то упеточила... И в анбаре, и в завозне всё перебутырила — нигде не трафилась! Наткнулась на другí, оне не шибко же давношны. Так-ту тоже целы были, а в воду забрела — оне, прокляты, побежали. Пушше-то ознобила леву ногу, дефка, пальцы-то какэс скрючило. Кое-как выдюжила. Дак всю ночь согретца не могла.

Галина слушала куму, надивитца не могла: у ней ково с головой-ту заспелось? Сроду круговой-то не была...

— Ты с чево эка беспута-то? Нады было баню истопить да прогретца...

— Дак вот, про баню-ту не ума! Наутро все губы обметало, закахыкала не на белай свет. Кишки уж с етим кашлем надцадила, всё нутро болит. Здохнуть не даёт...

— Дак умом-ту подумала бы: на реке-то уж забереги, по каку змею в воду ползти?! В наши года берегчись нады. Како уж нонче здоровье?! Так-ту адва ползашь...

Арина махнула рукой:

— Можно было бы, дак неуж я бы потащила с нима? Да зимой в избёнке-то какесь околеванне, все углы промерзают. Половик-от не натянешь, дак ноги без катанок на пол не спустить. А грязны стелить — стыдовишша...

Арина опустила на койку.

— Гляди-ка, сколь поразговаривала, а из сил вышла. Вот до чево обуродовалась. Задохнулась вся... Хуже работы...

— Лежи-лежи, не ставай. Я тут подберусь маленькя, то уж в грязе заросла, — Галина подоткнула ей подушку, штоб половче лежать было, окинула ноги шалью.

— Дак как, родима, не зарастёшь? Ноги не сколь не дёржат... Обессилела наготово. Вечёр голову обнесло, сяла мимо стулу да сколь время стать не могла...

Арина опять зашла в кашле. Отдышалась кое-как:

— Вот возмёт кашель — свету белово не вижу!... Какесь стала никуды не годна... Вся худа до бокаря...

— Обессилела она... Неделю не видались, а от тебя половина осталася, кожа да кости. На глазах таешь... Ешь пушше! Это уж последнее дело — себе в рот жалеть!

— Я вить не нарочі морю себя. Некак ись не могу, ни на ково аппетиту нету. Брюхо-то какесь в узелок завязалось: один пряник — и тот не воходит...

Тут уж Галина заперевивала. Это видано ли, штобы Аришка от еды отказывалась?! С малолетства солошша была... Однако худо дело-то... Вправду хворат, стало быть, не приставлятца...

— Нады ково-то делать, кашель-от у тебя шибко худой... Давай-ка я тебе печь русску истоплю. А как натопитца добром, оболокайся в полошубок да залезай на печь. По добру-ту нады бы стаканчик пропустить, штоб всё нутро пушше прогрелось. Два-три дни едак пропотешь и на ноги станешь. Ей-бох, не сколь не вру! Сама напрохот лечусь.

— Вай, Галя, я как на тебя ране-то не трафилась, счас бы уж оздоровела... На днях фершалицу стукнула в окошко (годами её не вижу, а тут откуль-то лешай привёл!). Знаю вить, что лень отылая, никово в болестях не понимает, нет — слушаю её!!! Как морок на меня навалился. Она вывалила все пилюли, сколь в ридикюле было. Вить некаяя от неё отвилать не могла! Думай-ка: всю пензию на порошки издержала! Ишшо и не хватило... дак она выручила — в долг записала... Дай ей Бох здоровья!..

Галина сперва замахала на неё руками, потом перекрестилась:

— Ради Христа, ты не окружала ли? Ты ково эту фершалицу-то слушаешь?! Ты рот разинула, а она рада-радёшинькя — ей вить толькя бы с тебя денег поболее содрать.

— Дак она меня ково-то шшупала же, какэсь всюё — с головы до ног... градусник за пазуху запехала. Потом к простуде ишшо и давлення како-то у меня нашла... — Арина призадумалась. — А ты, родима, не знашь про давленне-то, хто это чево? Сроду без нево жили. Откуль чаво взялось?

Галина пожала плечами:

— Дак лешак знат, хто это... Счас за ково ни схватись, все сплошь с давленнем с этим. Дак и молоды-то с ним маются, не то што чево...

— Да, родима, выручила ты меня опеть... Я-то кругова, хотела по фершаличку ково-небудь посылать...

— Ариша, ты с чево ека простодыра-то? Она вить как придёт, дак от неё скоро-то не отвяжесся, опеть ково-небудь навéлит... До седых волос дожила, а всё, как челядёнок, всем веришь...

— Кабы знатьё, дак я с чево бы тратилась-ту?.. Христы тебе в рот, буду своими средствами лечитца.

Арина полежала. Видать, всё же решилась:

— Ты, родима, печь-ту растопишь, дак сползай в пополле — там в картошках четверть с самогонкой стоит. Отлей в литрову стеклянку. Думаю, што один полошубок мне мало пособит, шибко чижало хвораю. Не дай Бох, како осложненне привяжетца... Придётся, паря, опружить чекушечку-другу...

Галина за разговорами прибралась в избе, распехала по углам черепки. Выскочила в сени по голик. По путе из баку зачерпнула ковшиком воды — хотела брызнуть на пол... Да, видать, полно отхлебнула — вода-то не в то горло пошла... какэсь было захлебалась!

— Вай, кума, дак я, однако, тоже ково-то запокашливала... У тебя болесь-то уж не заразна ли? Фершалица-то никово не сказывала?

— Она ково знат, тунгуссе отродде? Ково-то насобирала про мои болести... Счас-то уж понимаю, што нарочí меня пужала, штоб поболее лякарствов набрала... А сё равно боюся одна дома оставатца... Лешай знат, не дай Бох, вправду кака немочь привязалась?

— Не кружай, я вить тебя не брошу — стало быть, лешай с ней, с управой... Никуды не уйду, докуль не уснёшь. А то после чекушки-то как бы тебя опеть не обшатурило... Или, не дай Бох, за половик запнёсся... долго ли, раз ноги не дёржат? Ишшо захвоснёсся в своей избе.

— Ох ты, моя родна, я оздоровею, дак рашшитаюсь с тобой... Всё же веселе, как жива душа рядом...

— Я с чаво с тебя плату-то возьму?! Мы ведь не чужи с тобой! Разе только самогоночкой угостишь, дак я не откажуся... Уж до чево самогоночка-то у тебя крепка!.. Сама знашь, я, кроме черёмушново пива-то, в рот никово не беру, но тебе пособлю...

Кума Галина врысью побежала по дрова...

Прошло часа три. Печь истопилась. Баушка Арина прогрелась. Самогоночки в стеклянке осталось рюмки на две, от силы — на три...

Старухи раскраселись. Опружили ишшо по стопочке и затынули песняка.

Ну до чево дошла ета кума Галина! Всё-то она знат! Гляди-ка, раз прогрелась и на ноги стала!

РАЗВЕДКА ПОДВЕЛА

Зина в огороде полола гряды... Откуль проклята травишша берётца? Какэсь задавила! Ишшо неделю помешкать — дак морковь-ту не натти будет. Нет бы девок нарожать, всё бы по хозяйству помогали. А этих разе удёржишь — скочили к отцу в лодку, имя хоть трава не расти... Мужики — оне и есь мужики... Лишь бы куды-нить убежать...

— Мужики-то у тебя дома, нет?

Зина было упала в борозду... Схватила за поясницу (болит, проклятушша), кое-как разогнулась. От воротцев подходил кум.

— Тьфу ты, будь ты проклятой! Тебе сколь раз говорить, штоб не подкрадывался?! И ково бытто ходишь выглядывашь? Ково вынхивашь?

Николай Иванович кашлянул в кулак:

— Ты чё, оглохла? У тебя воротá-то скрипят — однако, на Болтурине слышать...

— Дак ты один не старисся... Как рябок бегашь... Не изработался, бывать...

Однако промашка вышла... Здря брякнул про уши-то. Счас осердитца, никово не поразговаривам... Нады задабривать, а то у Зинки не заржавеет — живо выпрет из ограды.

— Н-но, Зинаида, я вить шутейно. Дак где мужики-то?

— Дак ловушки глядеть поехали. Давно уж...

Зина утёрла фартуком руки.

— Пошли на крыльцо, посидим маленькя... Поясница какэсь отламыватца, пушай отойдёт.

Кум достал процыгар. Постукал по нему паперёсой, закурил.

— Они где ставят-то? Далёко? Как думашь, ковды воротятца?

— А я почём знаю?! Всё ставили в Кашиной. Вода-то нонче больша, худо попадало. А счас где-то у лешака. Как уедут — так часа на четыре...

— Уж сроду не поверю, што тебе не сказывают. Крадчи ездят ли, ково ли?

— Нет. Никово не сказывают. А оне тебе почево, мужики-то мои?

— Да хотел Ивана позвать мотор поглядеть. Фыркать фыркает, а никак не заводитца...

— У тебя бытто новой мотор-от? Неуж худой? Одно лето не проездил, а он уж напарухался! Мой-от ижир выжил, тоже хочет двадцатисильнай брать... К тому лету, дас Бох, накопим... Нады ему сказать, раз никуды не годны, дак непочево и брать...

— Чё здря говорить, мотор хорошей. Да на новом в каждую дыру ездить — ево надолго ли хватит? Не на «Вихре» же ехать морды глядеть.

На вёслах опеть руке чижало. «Ветерок»-от самой раз. А он возьми да выйди из строю...

— Гляди-ка на нево, паря, какой барин! Ишшо выбирает, на каком моторе куды ехать! Давно ли, окроме бечевы да вёсел, никово не знали?

— Да-а-а-а... ково и говорить! Счас внучат-ту в лавку без мотоциклу ни за каки деньги не отправишь. Меньшим и тем лисапед давай! Исповадили на нет...

Маленько помолчали. Николай Иванович поднялся:

— Не слыхала? Бытто моторка пристала... Пойду-ка на угор, взгляну — не твои ли подъехали...

Постоял на угоре, повертел головой туды-суды... Опеть подсел к ней:

— А ты не видала, оне в каку сторону уехали? Там из-за Большово кака-то моторка выскочила. Глаза-то худы стают, не вижу. Может, твои едут?

— Не-е-ет, не мои... Оне вверх побежали. Я за имя выскочила на угор, докуль Болтурин не прошли, всё глядела стояла...

Хто чево с Зинаидой заспелось? Хоть клешшами из неё вытаскивай... Нады, стало быть, с другой стороны подъежжать...

— Дивья Ваньке, зять-от ему из городу всяких ловушек привозит. Тут хвастался — какой-от спиннинг притащил. Не ево поехали опроведывать?

— Не-е-е...

Николай стал выходить из себя!.. Неуж придётца напрямую спрашивать?

— Да-к оне товды с чем поехали? Я было подумал, раз вверх, да-к в Кособьцку шиверу удить...

— Клешаку ети спининги да удилишши... одно баловство... Никово не спрашивай! Ваня мне не велел никому сказывать, чем рыбачат... Сам знашь, што добры-то ловушки запрешшают ставить.

— Што ты, што ты! Я тебя почево выпытывать-то буду? Из меня уж какой рыбак? Так спросил...

— Вот-вот... Ты уж не сердись, кум. Я было хотела порасспрашивать, да-к он слова сказать не даёт! Дескать, мне лучше не знать, а то, мол, с твоим языком через час вся деревня знать будет. А назавтре наши самолывы кругом облепят... Сам знашь, какой нонче народ-от зарнай... А Ване охота было сколь-нибудь осетринки на илимки продать. Новай-от мотор на каки деньги брать?!

— Ну уж это он здря-я-я!.. Ты ведь не беспута — про свои-то ловушки всем болтать. Но, паря, Ваньча да-к Ваньча! Он с чево это про тебя эдак-ту говорит?

— Не бай! Наготово окружал к старосте со своёй рыбалкой. Ты вить меня не первой год знаш, уж сроду никому никово не разболтала...

Николай ишшо посидел, подумал:

— Сиди не сиди — иди нады... Старуха-то потерят...

— Ну иди... Мне тоже нековды рassiживатца... Пойду ужну направ-
лять...

Дошёл до ворот, оглянулся:

— Да, говоришь, часа по три-четыре их нету?

— Едак, едак, то и боле... Ты не сторожи... Подъедут, дак я самово-то
отправлю. Починит твой «Ветерок».

— Ково он по ночам-ту набегат? Пушай отдыхат. Сам направлю...

— Стой-ка, Иванович! Агаша сказывала, у вас огурцы-то худо растут,
ишшо и не разговелись. Счас я по кошель сбегаю, нарву тебе. Пушай
со сметанкой накрошит...

Николай Иванович чуть не врысью бежал к своему Серёге... Как
знал — завернул к Ваньке-то! И подфартило, што ево дома не было...

«Не врут, што завалились красной рыбой-то... А я всю голову из-
ломал: где на неё трафились? Во-о-он чаво, сколь близко ли лешай
водит... Отчаянны — не боятца!..

Да!!! У Ивана вить свояк-то в рыбнадзоре работат!.. Ему ково
боятца? Сваяк все ходы-выходы знат! Как с катером суды соберутца,
уж Ивана-то в первую голову известят...

Докуль не стемняло, пойду к парню, пушай собиратца... Поедем
самоловы ставить.

Беднай Ваньча... Де толька и нашёл свою Зинку? Одново бы дол-
гово языка за глаза хватило, дак она ишшо и простодыра... Эвон,
полкошеля огурцов набуровила! Нет бы посолить, зимой бы не одну
вить омманули... А ей лишь бы кому-нить навёлить. Вся худа!!! Я бы
свою за тако дело пропесочил, штоб другой раз оглядывалась... Один
треплетца, копейку зарабатыват на мотор, а друга всё распрасорить
готова!

А я-то! Не здря войну в разведке прошёл! Эвон как вытянул из
неё... Ума-то нету. Шалабёлка!»

«Слава Бох, ушёл. Думала, не спровадить будет сёдни...» Зина вы-
глянула в улицу: вправду ушёл или ишшо ково выглядыват? Нет, бежит.
Торопитца самоловы ставить. «Ну-ну, беги хлешше. Рыба-то в реке вся
стоит, тебя дожидатца! Ты думай-ка, ишшо он какой! Завыпытывал
да заподговаривался... Уж бытто я наготово ума решилась — счас
побегу об своих ловушках всей деревне рассказывать! Не-е-ет, кум,
сам поезди да поищи!»

СБОРЫ НА ОХОТУ

Василий не стал дожидатца ужну. И не то штобы шибко торопил-
ся — боялся, што Лидка захватит ево в избе и заставит ково-нибудь
по хозяйству делать. Кое-как похватал со сковородки и побежал в
избушку. Жалезна печка в углу протопелась, он подбросил шшепья.
На улице ишшо не холодно, можно бы и без печки... А Васька любил,
штоб она топелась. Лучче дверь открыть, как жарко станет...

Сбежал в завозню. (Он сроду не ходил, всё боле врыссю бегал!) Достал с вешалов сетушку. Обругал себя за лень: сразу нады было выбрать да вытрясти! Счас занятца — это сколь времишша уйдёт?! На скору руку тут же ошмоктал траву... Стряхнул... Докуль аппетит есь, нады хочь одну починить — не увидишь, как весна подскочит.

Натянул сеть черезь всю избушку из угла в угол. Оглядел. Обобрал остатки сухой травы. Бросил на пол стару теплушку. Сял на неё, подобрал под себя леву ногу... Ох и любил он один посидеть с ловушками!.. В печке тлеют уголья. Тепло. Тихо. Главно, Лидка с тёшшей не досажают с разговорами. Руки сами ошшупывают стень... находят дыры... деревянной иглой с намотанной ниткой тут же надвязывают ячеи... Он кажну дыру наперечёт знат... Откуль взялась, хто порвал... От тут ершишка всё в кучу собрал, пришлось ножиком вырезать... А тут шшука... Какэсь скрозь пролетела, да в режь запуталась!... Ох и кобыла была! Докуль вытаскивали, лодку было опружила! А Лидка из неё опосле целай таз фаршу навертела. Всю родню снабдила шшучьими котлетами.

Нонешно лето рыбы везде хватало... Плавежом хорошо добыли. Грех жаловатца...

...Но, паря, ишшо не башше! Тут што за прореха, откуль взялась?

...А-а-а, тут задёва была, никово сделать не могли... Да-а-а, нады померековать, как ловче зашить...

Думал бы и думал об рыбалке... Душа отдохат...

Тут дверь отворилась. Оглянулся — сват Михаил.

— О! Думал, свежи, а тут всё те же! Садись, раз пришёл.

Сват снял шапку, об колено стряхнул с неё снег. У порогу присел на низеньку скамеечку.

— Дак, паря, тебя разе дождётся? Сам-от сроду не придёшь.

— От моих баб куды выскочишь? Здохнуть не дадут, всё у них кака-то работа!

— Ври, да не завирайся! Шибко-то захотел, дак вырвался бы на час-другой. Гляжу, паря, ты самай раз за сетушки-то взялся...

— Да, думаю, нады починять помаленьку, докуль времечко есь.

— Оно у тебя откуль, время-то? Дён черезь семь-восемь нады в ухожье быть. Про осеновку-то не забыл?

— Мне долго ли собратца — толька подпоясатца! Вечер-два — и готово!

— Эка, паря! Сколь не скорай ли ты! Всё-то у тебя наскоком. Как на охоту идти, так собак кормить! Завтре штоб как штык у меня был!

— Да я завтре было собирался ехать макчёнов сачить. Садок уж направил...

— Не хошь со мной охотничать — езжай, сачь. Ты, сват, гляди: я без свяшшика не останусь, толька свистну — счас же прибегут...

— Дак я умом-ту думал, ишшо рано... Ланись на неделю позже уехали...

Сват хлопнул себя по голяшкам:

— Эти ево дивизию мать!!! Тебе сколь говорено, што нонешнай год в лес поголу попадать нады?! Давай шшитать, раз мне не веришь.

Михаил взялся загибать пальцы:

— В ручье заездок загородить нады? Раз! Слопцы да кулёмки наладить — два. Капканья насторожить — три! У зимовья угол стал промерзать, мохом утыкать нады... Дров напилить... Я ково тебе рассказываю?! Сам не знашь?!

— Ты, сват, на меня шибко голос-то не подымай! Я тоже не челядёнок. Подсобирываюсь. Эвон в завозне весь угол завалил. Тёшша уж бурчит ходит, черепки негде складывать.

— Дак как не заревёшь?! С весны тростил, што этот год поране уедем. А нонче видишь, ково погода-то делат? Снегу навалило, местами уж какэсь по оборину. Это хорошо, што зимовьё на рёлке, — может, не шибко занесёт. Ты ишшо тут со своими макчёнами... Тебя вить не сразу поймёшь, шпанишь ли вправду говоришь...

Мало-помалу сват остыл. Достал из процыгару паперёсу. Закурил. — Вчерась кособыцких стретил. Были на тракторе у нашево зимовья. Ходят там два сохатых. Не уйдут, дак с мясом нонче будем. Я уж из-за чево пушше-то и тороплюсь.

Василий спиной прислонился ко стене, прижмурился:

— Не поверишь, а я сплю и вижу беличьи курёнки... от никако мясо за них не нады...

— А мне оне даром — што есь, што нет. Я уж надеюсь на свежатинку. Мне дак лишь бы сохатина была... Слашше мерзлятинки никово нету! Наипаче печёнка... — Михаил закатил глаза, поцокал языком. — Никаково шшикаладу не нады...

— Этот год корму в лесу хватат. Птица будет. Может, пальника стрелим.

— Всё ничево, вот на сохатово-то у нас собаки добрай нету. Мой Буран без сучки на зверя ни за што не пойдёт.

— Да, Яковлевич, я вить сёдни свою сучонку в лес водил, опроведывал!

— Ну и как она?

— Да ничаво... Повизгиват.

— То и есь, што повизгиват... Одно слово — первосёнок. Учить нады.

Посидели, покумекали. Без доброй собаки кака охота?

— А ты не слыхал, Трофимович нонче в лес не собиратца?

— Какой ему лес?! Вечор стреч идёт — кожа да кости... Не знаю, чем дюжит. Тово гляди — кондрашка хватит. Он тебе почево?

— Да у нево сучка-то лесова, вышколил её куды с добром. Как думаешь, дас, нет? Счас попуте зайду к нему. Мяса за собаку посулю — не откажет.

Михаил достал из карману измятый листик гумаги.

— Я тут список приташил, ково тебе направить нады. Всё забудешь. Первым делом провьант погляди. Стиунец-то как, годнай ишшо?

— Дак как? И двустволка... Обои почистил и смазал. Я уж их настюю...

— В прошлом годе у твоих лыж юксы худы были. Не заменил?
— Всё наладил. И камасья проверил. Я нонче с лета взялся собиратца. Тёшша и та не отвертелась — заставил новы кокольды связать да накух-тарник пришить. У поняги ремни стары заменил. Бокари новым подшил и головки смазал. Постегонку и ту в запас взял. Ково ишшо нады?

Михаил прикурил нову паперёсу. Маленько подымил.

— Мужики болтают, счас каки-то китайски фонари пошли, шибко хороши. Ни у ково не видал?

— От тебя, паря, никово не утаишь... Никак не хотел тебе заране казать... Лидкин племянник мне екай фонарь на подарок летось привёз из Красноярску. Я было просмеял ево: почево он в лесу-то, толька парнишке на чечки... А после разобрался, чё к чему! Никакой ланпы не нады ни в избе, ни на улице — красотишша! Карасин припасать не нады. А до чево далёко с ним видать!.. Не поверишь: какэсь што днём идёшь... Думал, как в лесу достану из яшшика — вот ты глаза вытарашшишь!!!

— Да, паря, тут ты меня опередил! Поглянетца, дак закажешь напрок своим, пушай ишшо один посылают,— сват поднялся, надел шапку.— Вот завтре заходи, подобьём бабки. А я с утра дойду до приседателя. Нады в колхозе коня просить. На чём в лес-от попадать будем?

Михаил уж отворил дверь, да не утерпел, наказал строго-настрого: — А ты собратца-то соберись, а в яшшики не складывайся. Я сам сперва погляжу ладом: может, ково не хватат, да где ково исправить нады. Во вторник пойдём в лавку, харчей наберём. Вскладчину! Деньги взять не забудь. А в середу уж крайно нады выежжать.

Васька не успел устройтца на своём месте — опять скрыпнула дверь. Сват! Забыл ково-то сказать, чё боле-то?

— Ну, товариш, я уж наравне с тобой закружался. Почево бытто заходил? Давай кажи, каких лекарств в лес набрал!

Василий заюлил:

— В завозню идти неохота. Завтре захвачу с собой, всё равно к тебе ийти...

— Ты мне не виляй! Знаю я твою моду — всё напослед оставлять.

— Да говорю тебе — к завтрему всё складу!

— Тебе вить толька Лидке сказать, она сама всё складёт...

— Она бытто почём знат, каки нам нады! А мне над ней стоять нековды...

У Михаила речь отнялась... Оно хто чево? Это што за мужик?!

— Ну, паря, ты и сказанул! Она у тебя кем работат, не забыл?

— Я чё забуду-то? Дак она вить не в больнице фершал-от, а в вилитинарке.

— Человечьему-то фершалу чё нас не лечить? Сам же ему всё обскажешь, где хто у тебя болит. Он тебе таблетку сунул — иди лечись... Вся работа! А вилитинар?! У коровы, а наипаче у жеребца много ли наспрашивашь? Думай головой-то! Вилитинары, оне поболее наших

врачей знают. Да нам вить никово шибко хитрово и не нады. Само главно, штоб от головы было да от брюха...

— Ну всё!!! Накажу я ей, накажу! Утре приташшит.

Михаил сдвинул шапку, поцарапал затылок:

— Подумай-ка, Алексеевич, давно ли стали с тобой охотничать-то? Это сколь годов ты со мной уж ходишь? Пять-шесть? А вить никака лихоманка нас не брала...

— Не бай... Ото всево самогонка помогала...

— Вот-вот. А нонче? Моя-то ково придумала?! Положила две пачки сухой горчицы. Дескать, она от простуды хорошо. В носки, говорит, насыплешь, так и ходи. И Василя заставляй. Ишшо дикалон навеливала: мол, им на ночь нады растиратца. Как што не одичала?! Этим дикалоном путик опрыскать — дак года три ни сохатово, ни соболей не увидим... От нево душина — не дай Бох!

— Да-а-а... Ишшо маленька — и будем старух с собой брать. Пушай нам горчишники ставят да поясницу натирают.

— Аха. С нима порепетировать, дак оне и ружьё за нами таскать начатца! Шутки шутками, а ты проверь, штоб Лидка ко всем пачкам инструкции приложила, хто от чево... Не забыл, как в прошлом годе меня от простуды лечил? Чуть в землю не угнал!

Васька покатился с хохоту!

Михаилу показалось обидно:

— Тебе смешно... А я вить дня три боялся штаны застегнуть. Так пронесло, напоследке-то уж ветром качало!

Васька кулаком утёр слёзы:

— Да понимаешь, у нас дома этих лекарствов — каких толька нету! Во всех углах! Главно, вить сроду ништо не хворат. А чё им валятца-то?! Ну я и насобирал, думал, обоим на всю осень хватит. Ишшо и останутца... Это уж потом мне Лидка растолмачила, откуль у тебя понос взялся...

Михаил напрёгся. А Васька выставил вперёд обе руки:

— Я всё обскажу, только ты не реви сразу-то. Сперва подумай, потом на честность скажешь: до тебя доведись, ты бы сам допетрил или нет?.. Ну вот, слушай... как на духу говорю: я сроду не знал, што тёшша запорами маецца. Вот Лидка ей и натаскала. А тебе бы пало на ум, што пилюли, сколь дома ешь, — все пурген?! И порошки — пурген?! Залез на полку по охотничий билет — там настойка кака-то в капошном пузырьке. Ну, думаю, негодно лекарство на божницу не спрячут! Не поверишь: настойка — и та слабительна!.. Главно дело, картинки-то с буквами на всех пачках разны! И всё не по-русски! Ну?! И ково бы я там разобрал? Я вить тебе не фершал...

— Вот едрёна вошь! А я всё думаю: с чево это меня пронесло? Сроду этово не бывало! Сколь себя помню, брюхо у меня как часы работают! А тут на тебе: главно, таблетки пью, а кашель не униматца! А понос и тово тошней! Я уж не знал, ково и думать... Тут ты верно смикитил, што сразу не сознался...

—А я чё говорю? Счас уж я с Лидки с живой не слезу, пока аптечку не складёт...

Всю дорогу до своей избы Михаил думал: «Што за мужик этот Василий? А вот привязался к нему, и всё... Сам не знаю, хто чево? Без него тоскливо... Не могу дождатца осеновки. Другово напарника никак не нады — хочь не кружай он!»

СЪЕЗДИЛА В ГОСТИ

Да, паря, дефки, притащила мне письмо почтальёнка, парень из городу отправил. Я с ума сошла: ради Христа, всё ли ладны? Он вить как всё-то хорошо, дак не шибко пишет... Читаю:

«Доброй день, мать!

Получили от тебя письмо, где ты жалуешься, што редко тебе пишу. Не сердися, мать, нековды часто письмами займоватца. Пристаём без ума, день и ночь обои с Раисой на работе. Домой придёшь, а там челядь нады привести из детсково саду, да ишшо домашна управа. Да за продуктами в магазин сбегать. Тут тебе не в деревне, што всё под руками. Веришь, нет, которай раз нековды вечером бутылочку пива выпить! Из мочи вышли. Счас вот ждём отпуск. Думаам съездить куды-нить на море. Все ездят, а мы неуж хуже?

Стало быть, летом меня не жди. С сеном и с картошками без меня исправляйся. Да не здумай сама рыть! Пензия у тебя хороша, наймёшь ково-нибудь. Тунеядцев полно, за бутылку всё сделают.

Ну вот, всё прописал тебе.

С тем остаюсь

твой сын Роман Г.».

Ково делать? Какой лешак эти города нагородил, што весь народишко тамака бьётца без сну, без отдыху?! И хто их, бедных, пожалет, как не родима мамка?

Всю-ту ноченьку глаз не смежила... Расклевил меня Ромаха письмом. Всю жись за ночь передумала. Мы с ним друг дружку не приголубим, дак боле нас пожалеть некому...

Нады ехать! А как поедешь с простыми руками? Вот дак здорово живёшь, скажут, явилась... Я у них нечасто бываю... По правде сказать — первой раз собралась... Да и оне не бывали тут. Ромаха их только на карточке казал.

Думать нековды, стала складыватца. Сальца положила килограммчика четыре, пятилитровой туесок рыжиков солёных, в двух стеклянках сметаны да маслица, да тово-другово помаленьку (умом-ту думаю: базарно имя надоело, пушай своёво поедят в охотку). Ково в понягу склала, а хто не вошло — пришлось мешок доставать. Дорожку нову на подарок положила — ишшо свекровка ткала, царство небёсно.

Подумала-подумала — в другой куль картошек нагрела. Лишны не будут!

Да и поехала к имя... Пособлю, стало быть, сколь могу, докуль жива. Пушай мать добром поминают...

Два дни ехала. Всё же мне подфартило: у поезду стречали наших же, деревенских, на своей машине, и меня подвезли до самово дому.

Всю себя изругала: пошто радиорамму не отбила? Пожалела пятитку, беспута... Думала, багажу не так вноги, дак сама доташшусь, почево их треложить?..

Вот уж кругова́ дак кругова́... Простояла день под дверью! Однако, в семом часу Раиска с челядью домой-ту явились.

Ну не шибко же сноха-то мне радовалася... С ходу давай трясти с меня документы, а то, мол, шляютца тутака всяки. Кажиннай листик прочитала, потом уж поздоровалася, да и то скрость зубы... Домой запустила, указала, куды манатки складывать.

А сама на месте несколь не стоит. До чево вертуца — не можно разглядеть! В колидоре-то огонь не зажигат, вижу толька, што бабёнка-то нам незаживна попалась... Ни спереду, ни сзадуникова нету... Уж не хворат ли чем, оборонишна мать? Ой, ради Христа, у Ромахи глаз-то наготово нету, стало быть... Уж ково он на неё кинулся? Неуж ему во всём городе побашше-то бабёнки не нашлося? Видать, добрых к тому времени всех подчисту расхватали, эта уж сама распоследня была...

Да вся-то расфуфырена! Дикалоном пахнет, коло неё здохнётся нельзя, какэсь рот захватыват! Это на каку-таку работу едак наряжаютца да дикалонятца?!!

Гляжу, пошла она в куть... хочь бы чайку горяченьково налила, у меня уж язык к нёбу присох. Да я бы и поись не отказалась — за весь день крошки в рот не брала... Самой попросить боязно... Как скажешь, што я ись отошшала? Сама бы подумала: от багажу-ту куды убежишь? Живо подберут добры люди!

Но, слава Бох, на улице не выгнала. И чаю дала с печенюшками. Я приободрилась: час уж повеселе заживу!

Попила я чайку. Огляделась. В куте-то всё же Раиса огонь добыла, нады успевать глядеть... А она, дефка, зад-перёд снуёт то в куть, то на избу. У меня какэсь от мельтешення тёмно в глазах заспелось. Никак не даёт на себя поглядеть.

— Ты, родима, присяла бы на жопу-то да обсказала, как поживае. Меня ково боятца-то? Бывать, не кусаюсь. Свекровка тебя в глаза не видывала, а ты скачешь, как вошь на гребешке...

Ва-а-ай, да её хто разглядит? Вся изукрашена, живово места нету... И напудрена, и нарумянена... Брови подведёны, губы красны, подглазья впрозелень...

Ну, я не утерпела:

— Ты почево, родима, себя эдак уродуешь? Не по лешака ли выпатралась? Иди-ка умойся — однако, на каждой шшеке по килограмму

краски-то... До меня доведись, я бы спросонья-то испужалась. А челя-дёнку вного ли нады? Думаешь ли, нет ли головой-ту? Это вить своих ребят на всю жись заиками можешь сделать...

Ох, она и сбрындила!!! Из-за стола выскочила и ребят утащила с собой. Слышу, ругатца скрозь слёзы. Ково бытто я сказала?

Вот и живу я в этом городе. Неделю живу. Дак із дива вышла!

Мы вить привышны рано спать ложитца, ну и стаём с петухами... А тут с разговорами да с переживаннем долго уснуть не могла, вся извертелась. Не знаю уж, ковды и уснула...

Бытто и ставать-то не собиралася, а в три часа как шилом в бок ткнули! Живо соскочила, завтрик направила. Ромаха-то без ума любит картошки жарены, да ишшо с рыжичками солёными. Куды слашше-то?! Сижу в куте. Думаю, дай-ка ишшо сальца нарежу. Всё сытне, на весь день вить убегают... Час прошёл... Другой доходит... Некто не стаёт.

Ладны, сижу дале...

А у самой кошки на душе скребутца, время-то уж дивно, сама ставальна пора. У нас к четырёх-ту часам уж сама ленива бабёнка во дворе управитца, мягки выстряпат и на работу в колхоз убежит. А тут скоро пять...

Дак с нима уж всё ли ладны?

Пошла я тихоньку к имя в горницу... Мамы родимы: все лоском спят! Толька храпоток стоит. Хто чево?

Стою, не знаю, ково делать. Умом-ту думаю: доспят допоследу — на работу обробеют. И будить боюся: невеска-то не шибко гладка, не дай Бох, нелюбо покажетца. Хоть матушку репку пой!

Постояла ишшо да и придумала: а дай-ка я чем-нибудь в куте побрякаю! Пошла сковородки перебирать...

Но, де-е-ефки, она не до-о-олго соскакивала!!! Толька три слова рывкнула — я сразу вспомнила, ковды им ставать нады. Но уж и сердитуща! Сколь дён прошло, а она на меня косым не глядит. Кажиннай вечер скрозь заборку слышу, как она Ромаху моёво едом ест, какэсь к концу пригонят: отправляй да отправляй эту дуру деревенску обратно. Видать, незлюбила меня с первово дня. А ково я ей сделала, кроме хорошево-то? Эвон сколь добра навезла!..

Уш шибко он смирной, Ромаха-то мой... Живёт у этой кобылы на потычках.

И в самом деле, поглядела, как живут, — ково ишшо нады? Не хуже людей живут.

Я и сама уж тут из мочи вышла: в людях-то спать непривышна, всё мне постеля неловка кажетца.

Ни ись, ни пить не могу. За столом не знаю, куды руки девать...

Никово доброво в этом городе нету, кроме тёплой уборной. У нас вить с хозяйством-ту до дому не дотыкасса. Заскочишь поись, дак, докуль чай гретца, успешь штаны починить или носок надвязть... Здря-то рассиживатца нековды...

А у невески-то я не хозяйка, за што ни схвачусь — всё не по её делаю!
Вот и думаю: кака из меня гостья? Сроду нигде не гостила, нечево и начинать. Оне со мной тоже пристаи...

Поеду обратно... Дома работиши полным-полно.

Сена нады припасти. Нонче коров молоды-то не хочут держать, а без молосново — куды? Молочко-то нарасхват.

Картошки сама вырою. Нанимать никово не буду — всё лишна копейка задёржитца в кармане. Деньжонок подкоплю. Молоды в отпуску издёржатца, а я как раз и пошлю полторы-две десятки переводом...

Пускай Роман-от увидит, кака у нево мамка — всё-то она ко время успеват, помогат... Настояшший ключ-пригодник!

Приглашения в гости-то, конечно, не дождуся, а вот как Ромаха деньжонки получит, может, ишшо раз письмишко напишет...

СЛОВАРЬ:

Выпатрала	измазала, потратила
Где сжабалась?	где тебя угораздило?
Дошлый	умный, сообразительный
Желта в рот	ругань-присказка
Забórка	тонкая перегородка из досок
Йз дива вышла	не перестаю удивляться
Ижёр выжил	замучил уговорами
Издёржатца	потратятся
Как ране не трафилась?	здесь: как раньше с тобой не встретились?
Косым не глядит	сердится, не смотрит в мою сторону
К концу пригонят	настаивает, заставляет
Мóрда	ловушка на мелкую рыбу, плетённая из прутьев
Какá навалилась неоколедима?	что за напасть?
Навэлит	всучит, уговорит взять
Напрохóт	частенько
Нарочí	специально, нарочно
Не давнóшны	не старые
Не нарочí морю́ себя	не специально голодаю
Не приставля́тца	не прикидывается
Не одну бы выть омману́ли	хватило бы несколько раз поестъ
Нóрки прочи́шшу	здесь: сейчас ты у меня получишь
Оболока́тца	одеваться
Обнесло́	голова закружилась
Обробе́ть	опоздать
Обшату́рило	покачнулась, занесло
Оты́лая лень	высшая степень лени
Побежали	протекли (сапоги)
Под рёбра подпират	боль в подреберье
Разговеться	попробовать (например, огурец, редис) из свежего урожая
Распрáсорить	раздавать налево и направо
Расклеви́л	довёл до слёз
Рот захватыват	очень резкий запах, перехватывает дыхание
Сбры́ндила	психанула, разозлилась
Соло́шша	жадная до еды, прожорливая

От внучки Ермишачьей Сусаньи

Но как человеку без имени —
без Родины мне не прожить...

Я — человек дорог. Люблю обновлённые встречи, русские избы с русскими печами, люблю обтираться полотенцем, вышитым петухами, ходить босиком по домотканым половикам, люблю ангарские песни из уст коренных ангарцев, люблю...

Моё образование — уметь слышать, уметь видеть... при нерасторопной способности виденному-перевиденному удивляться, в зависимости от перемены погоды, настроения. Что и рождает повествования, стихийные стихи, которые являются личной собственностью и членами моей семьи, как малые дети.

Не умею писать по заказам, в рамках ограничения, обязанностей, окультуренным слогом. Очень уважительно отношусь к конкурсам, соревнованиям, соперничеству, но не для себя.

Мои увлечения не кончаются: художественная галерея портретов родословной, ангарский словарь, ангарский диалект в генетической памяти моего пера и... и...

Я уезжаю, чтобы проститься с Родиной предков (хлебобобы, охотники, рыбаки), и приезжаю, чтобы поздороваться с нею. В моём «Здравствуйте» — здравия вам, христовые, на долгие лета, самые красивые люди кежемской страны, свет белые ангарцы, с ангарским прозвищем из поколения в поколение: Ермишата, Евденковы, Точенята, Арналовских, Алексанины, Валиных, Кыриных, Арляпята, Метрофановских, Каздаята, Максимята, Филенковы, Щёголевы, Зимбулатовских, Селягины, Нестаревы, Звоновские, Лукеичевы, Каратаевские, Лёвкины, Иконята, Ширшовята, Петрушата, Довыдята, Трифоновских, Палевейкины... и не перечеть.

Дарю вам неоконченный стих как подарок к семидесятилетию Кежемского района. В моём восклицательном и вопросительном стихе — длиною, равной жизни, — я есть, буду и остаюсь внучкой Ермишачьей Сусаньи Абросимовны, корни которой поросли не только в заимскую землю. Внучка Ермишачьей Сусаньи — это мои имя, отчество и фамилия. А мой стих без точки имеет одно общее название: «Но как человеку без имени — без Родины мне не прожить».

Кто научит меня научиться,
Как без Родины жить каждый день?

Р
У
С
Ь
И
З
Н
А
Ч
А
Л
Ь
Н
А
Я

1.

Жила-была в сибирских мáрях под балалайку петухов самобытная, вольная, остроглазая, говорливая, гостеприимная, и притом гордая и красивая, как женщина, река Ангара. Не занимать было ангарской стати ни Василисе с Василием, ни Гордею с Глашей.

И знавала спина ангарской земли: от черков со стельками до туфлей-«лодочек», от бродней до сапожек-«казачок», от зипуна до «москвички», от катетки до шляпы, от керосиновой лампы до электричества, от весла до моторки, от лошади до трактора, и, в добрый час будь сказано, от Саламеи до Светланы, от Евлампия до Евгения, и — под созвездием серпа и молота — от единоличника до колхозника...

И стала плечистая Ангара в стране лозунгов и плакатов не десятичной дробью общего знаменателя, а красной цифрой.

По упрямым косогорам, что горох, рассыпались частушечные деревни в кашемировых платочках, светлоokie, русокоые, румяноликые, с ямочками на щеках. В каждой избе своё собственное солнышко светит. Потому сладко елось-пилось, крепко спалось, легко любилось-рожалось-смеялось. И работалось весело, пружинисто, напористо, ломовито.

2.

Ещё подрагивают неуверенно подсинённые ресницы утра, ещё простынь тумана не обнажила упругие груди Ангары, а бирюза волн уже знобит парное дыхание песни дюряков. Качалась песня меж бортами берегов. И вдруг лопнул мотив тонкой капроновой ниточкой, и рассыпалось слово мелким-мелким цветным бисером, и... О! Пльиви-пльиви, перевозя утлой лодочкой под монотонную скрипку уключин. Ждёт тебя пождёт остров Пахотный. Где травы ветер гнёт, где травами дожди утираются:

Посередке лодки
Сидит милай мой.
На ём чёрна шляпа,
Костюм голубой.
Костюм стоит двести,
Шляпа шестьдесят...

3.

Густо дымились трубы. Скрипели нескрипучие двери. Гнулись негнучие половицы. Не уставала солощя русская печь потчевать. Будь то сметана ли топлёная, заваруха ли, варенец ли, губники ли, брюквенные ли паренки, бурдук ли, икряник ли, пироги ли рыбные, шаньги ли, калачи ли... Да мало ли чего!

Но картошка рассыпчатая в мундирах всегда была при чём. А еслив Аграфена ельчиков с душком не забудет, да притом мороженные на досточке... Пробовали? Вот то-то же. И томит русская печь, не торопясь, заваривает ласково, парит мягко, стряпает пышно, жарит духмяно. Не обидит ни старого, ни малого, ни проезжего, ни прохожего.

Дышала изба жаром берёзовых дров. Домашняя маслобойка до пота сбивала коровье масло. Самодельный станок припеваючи ткал холсты да разноцветие секретов половика.

Утром ли под петушиный крик, вечером ли под собачий лай — поскрипывают полозья саней, словно пианину городскую настраивают. А когда закружится голова ночи — тут уж без рассуждений... и звёздочки заперешёптываются, и черёмуха перед окном наобещает обещаниев до самой веснушчатой весны. Аж запричитает бабушка Лукерья: «Ана какá такá?... Ана хто чаво... декуется? Осламони миня, Господь!..»

4.

Бабам радостей хватало в любое время года. Особливо — когда мужики с охоты вертаются воеводами пушнины. Ина баба — что те сегодняшний стог сена супротив Марей. И Марейя ничего. Глянешь — аж под лопаткой засвербит. Поздравствуется еённый мужик — мужицкова охотничьеву полу — эдак уважительно, степенно. Поспрашивает вопросы резонные про то, да про сё, да про ента, да про маменьку с тятенькой, да про няню с сестричкой и браткой. О дяюшке, сердешный, вздохнёт, о тётке потужит. О стариках добрым словом вспомнит. Челядишек сонных в темечко поцелует. Стырить не с кем. Перечить некому. Потакать некому, да и не заведено. В согласии живут с Николаем Угодником. На божничке Николай Угодник пихтой дышит, лукотёрник свисает вышитыми снегирями. На сундуке исподняя рубаха, валиком прокатанная. На рукомойнике полотенец, ожидаючи хозяина, вытянулся мудрёно.

Пыхтит горечий завтрик на столе, а стол — на половиках самоканных. Вокруг стола лавки скоблены. Стены что яичко — гладко выбелены. Светлее светлого дня Божьего на душе улыбается Марейин красный рот. Играют круглые плечи с косой. А Марейя ничего про это и не знает. Подаёт её лащёна рука — наперёд шаньги — ковш браги... для сугрева, с устатку.

5.

Цвела рябина жизни. Росли хлеба. Подрастали дети. Сколачивали из лиственничных досок стол с лавкой пошире да подлиннее. Кажинный на своём месте. Вот ноге босой все родинки и морщинки земли своей Родины какэсь наизусь знали. Без всякава там сумления, на полном сурьёзе — земляца чистая, святая, целебная. Хучь на ламоть ковриги аржаной заместа масла коровьева мажь.

6.

Мотрите-ка, Ангара-та сёдни — как королева в длинном платье да при короне. Вся от радости светица. Ныряли в самое сердцебиение Ангары и Миньтя, и Гриньтя, и... А когда выходили на берег, то энное место хто одной ладонью прикрывал, хто двумя. А берег-ту усеян ситцевыми коричневыми-зелёными розами юбок да кофт. Парни-та, оборони Христос, ни словом, ни делом не забирали девок ни амманом, ни ахальшиной.

7.

Всё. Устала. И в каво я такая ляд-круговая уродилась, гумажная душа? Скачу с десятого на пятое. И пожалиться некому, что в Христово Воскресенье солнце не так играло, как ране. Потому как живём не в ладу с Богом совести. И пусть меня простит изголь и запраточка черемошника, и раскулаченные, и нераскулаченные, влюблённые и невлюблённые, вечёрка с хромкой и родные фронтовики. Мне-ка чо?! Еслив будете читать, я ишшо напишу. Только, аннака, рождёные мои, пора гасить керасиновую лампу воспоминаний. Уже и часы замерли. И чернила иссякли. И какú я пёструю расписалась?! Можна подумать, без меня не обайдутца к семидесятилетию района. В писанине-та я, будь неладная, вся поперешная. Может, и не пропечатают. Гумагу пожалеют портить. Имя-та, дева, дивья. Ане грамоты кончали, грамотные.

8.

А вабче-та чему радоваца? Глядишь, паря, с высоты самолётных крыльев на Ангару, как на раненую птицу, кем-ту подстреляннуу. Выходит, зазря дед Нестерь бабы Любавы поскотину изнахратил. Вындернул самую что ни на есть долговязую и установил посередь ограды. А вместо флага — бордовые исподники, в честь Победы над Дитлером.

9.

И хочется, чтобы кто-то выродил Абросима. Сколько в этом имени отшлифованности и твёрдости! И хочется, чтобы кто-то выродил пусть не Сусанью по-деревенски, а Сюзанну. И тоже — сколько в этом имени простоты, музыки и света! И хочется услышать прекрасный мат

не мужчины, а настоящего бородатого мужика, с плечами длиннее коромысла: «О, трясоманка тебя побери! Ну е Богом!»

Глядишь, машина мужика сама покатилаь. А ишшо хочется в любви признаца кому-то, и не абы как, а именно: «Миколаюшка, свет белый в окошке, король ты мой и государь, всех ты у мене башше на ентом свете!»

Печально, не услышать больше ответ ангарской партизанки со светлым именем веры и надежды, возраст которой выше ярких звёзд: «Ленин? Нет, я такой мелкий народ не знаю. А вот Бурлов — это да!»

Прощай, моя родимая, испаханная Родина предков. Прощай, моя раненая большекрылая белая птица, до следующего свидания! Простишь ли ты нам, что мы — твои потомки — позволили лишить себя Родины предков?

* * *

В последний раз я в новом платье
Дорогой старою пройдусь.
Поля — в берёзовых заплатках,
А за рекой — родная Русь.
А за рекой бурьян-травую
Моя Заимка проросла.
В ней сказка с рыжей бородою
Чаи брусничные пила.
С лесным дороги сторожила,
Белила зимы помелом
И по ночам меня будила
Еловой песней за окном.
В последний раз в гостях у сказки
Утрусь холщовым рушником
И навсегда с чужим подпаском
Уйду из детства босиком.

* * *

*С тёплым рукопожатием —
Валиных Надёже и Клаше*

Хочу уехать в ту Заимку,
Где Фёклы с Фомами живут,
Где Ермишачую травинку —
О, тоже Родиной зовут.
Где лошадиным по́том пахнет
Бревенчатая Русь моя,
Где под литовкой травы ахнут
И лягут гордо во стога.
Где модны фартуки с оборкой
И высший мат: «Христос с тобой!»
Где избы белятся извёсткой,
Живёт под печкой домовой.
В стерляжьих водах — водяные,
В лесах лесистых — лешаки,
Где бабы — шаньги наливные,
Где не мужчины — мужики.
Жена одна до самой смерти,
Где муж один — от Бога дан,
Где «бриллиантов она перстень»,
А он — «свет белый! Енерал!».
В стеклянных рамках — родословна
Глядит со стен: что на столе?
Кто на полатях, в зыбке? Словно
Живут из прошлого в семье.
Где все почти однофамильцы,
У всех единый говорок,
Где дети малые — «кормильцы»
И дверь, не знавшая замок.
Где хлебобобные зачёты
Поля осенние сдают,
Где режут хлеб ломтём широким,
На стол некрашенный кладут.
Где я спрошу: «Ты кто, сердешный?»
«Я доживаю, — скажет, — век.
Да я ничо, я, паря, здешний,
От человека человек».

*С любовью и памятью о невозвратном —
Евденковых Варюше*

Тихо-тихо свеча догорает.
Не забыт в тихом домушке Бог.
Печь старухина тихо вздыхает:
«Слава Богу: удался пирог».
Самовар — медь, и красная скатерть,
И старик — что амбарный замок,
И над лавкой по-царски — полати,
И от жара кряхтит потолок.
Кочерги куть в морщины одета,
Ковшик дома, ведро на реке —
Двести семьдесят лет они в предках
Говорят на одном языке.
Как в фату, подсинённые шторы
Прячут девственность утренних зорь.
Половик домотканых узоров
Излечает душевную корь.
И вдруг мне в до свидании скором
Захотелось одной тосковать,
Разбудились мои непокои
И без спроса легли на кровать.
О, как будто последние письма
Возвращает мне осень назад,
И венками продрогшие листья
Застилают дорогу в мой сад.
Сад — что юноша в пламень-рубашке,
Хочет в губы меня целовать.
На румянец смущённой ромашки
Дождь не смеет дождейкой упасть.
Эта ночь сумасшедшей бунтаркой
Разожгла стихотворный костёр.
В длинной юбке свободы цыганкой
Позвала под просторы простор.
Но не надо другие мне дали,
Я тоскую по русской избе.
Закачались кривые печали,
Засыпая на низкой трубе.

* * *

*Деревне Заимке Христовой,
когда она была молодой
и красивой*

Были песни из окошка,
Вёдра, полные воды,
Берестяное лукошко
Бабьих сплетен.
Из скирды
Были вздохи! Были ахи!
В травах ветер ворошил,
А в сиреновой рубахе
Август юный брагу пил!
На колени опустилась,
Низко голову склоня,
Долго-долго в ночь крестилась
И заснула у плетня.
Снился ветер ей курчавый
Под мычание коров.
А в поленнице дырявой
Ещё много разных снов.

Нарыйа Аммосова

Родина

Москва отпраздновала Новый год позже, чем Якутия. Домой! Скорей! Вон отсюда, с затхлых трасс, толчейных площадей, продираясь сквозь дым табака и заводов, — в мороз, в пургу, в сугроб. Домой! Через Урал, через Сибирь — чувствую твоё свежее дыхание, твою любовь ко мне. С каждым вздохом я всё ближе — моя родина, родина предков, родина любимого человека!

Метро. Чёрный туннель, чёрные глаза — первое и рядом не стоит со вторым, но убаюкивает душу воспоминаниями. Я не видела тебя полгода, любимый, мой и ничей, солнце грозной тундры! Нет ничего сильнее, чем Якутия в твоём взгляде, движениях и любви. Дальше и дольше от тебя — крепче тоска, чем ближе — быстрее кровь.

Я знаю: воскликнешь соколом, упадёшь в ноги, умчишь метелью и жадно и ревниво будешь слушать меня.

Что же тебе рассказать?

— Девушка, вы выходите? Девушка, вы мне мешаете!

— Извините... я... сейчас. Да, выхожу. Выхожу.

Я расскажу, что учусь слагать песни — в прозу, звёзды — в галактики, мироздание — в душу. Ласково покачаешь головой, скажешь: зачем тебе этот большой город, его беспокойные люди? В ответ молча обниму тебя, прижмусь покрепче. Улыбнёшься, закутаешь меня потеплее в доху из ровдуги и унесёшь на руках в тайгу.

— Вот приду к твоим родичам и паду на колени перед ними. Разве они не будут рады такому жениху, как я?

Я представила, как по улицам родного села промчится оленья упряжка, остановится перед моим домом. Как он распахнёт дверь настежь, пахнущий снегом и далью. Как чинно усядется на пол, разложит нехитрые подарки — пушнину, свежую дичь, украшенные тонкой резьбой бивни мамонта — и начнёт говорить...

Нет, рады они точно не будут.

— Хочешь, я украду тебя по обычаю отцов и дедов? Заверну в меха, а свитой юной невесте станут красоты родимого края.

Снова промолчу, глядя в твои большие, тёмные и нежные, как у оленя, глаза. Вздохнёшь и поправишь на мне доху, чтобы я не простыла.

Вот уже пять столетий ты дремлешь на дне великой реки Кэллэмэ — Өрөгөчөй, вождь Мёрзлого племени. Судьба определила нам жить в разные эпохи. Тебе выпал век раздора и кровной мести, а мя

нынешнему — не осмелюсь сказать «моему» — дадут потомки. Что время? — безудержный жеребец, скинувший седока в начале пути. Разве за ним угонишься? Нуук, Өрөгөчөй, побежим по следу ветра!

Перекликаясь и маня за собой в высоту, наши души оседлают всполохи северного сияния, мы сами — верных оленей. Умчимся в тундру, согреем её любовью, да пробьётся сквозь панцирь льда робкий пушистый подснежник!

На экране терминала высветилось: «Павелецкий вокзал — Домодедово. Количество билетов: один».

Двери аэроэкспресса с лязгом схватили тяжёлую дорожную сумку — не успела проскочить. Кое-как высвободившись, выбрала место у окна. Еле смогла затолкнуть багаж на полку сверху, затем ещё долго смотрела на дрожащие руки. В ярком солнечном свете они словно таяли. Прошло всего лишь полгода — ослабела, размякла, как отсыревший хлебной мякиш. Почему?

— Чужая это земля — Великое Стойбище Душ, — Өрөгөчөй, по своему обыкновению, сидел посередине юрты на медвежьей шкуре, я же — напротив, потупив голову — как человек, пришедший с нехорошей вестью.

— Если вправду считаешь, что выстоишь — я тебя не держу. Только пожелаю чистого неба, — подумав, сказал он. — Таково моё условие. Если ты уверена в себе — иди. Иначе нельзя. Иначе пропадёшь.

Өрөгөчөй неторопливо начал вырезать что-то из кости, ловко орудя острым якутским ножом. Значит, ушёл в себя, и тревожить его нельзя. В такие минуты его глаза напоминают полыньи, которые кто-то высек во льду ночного озера. Они отражают луну и звёзды, но не склонившегося над ними.

Я внимательно следила за каждым его движением.

Өрөгөчөй знал, что человеческая плоть не твёрже сливочного масла и так же легко поддаётся лезвию. Знал он и то, что металл можно сделать соучастником чуда — выковать инструменты, домашнюю утварь, украшения. Переплавить оружие. Мозоли от такой работы болят, но душу не ранят.

Вражья стрела с раздвоенным наконечником оставила глубокий росчерк на его левой скуле. Доха из ровдуги была распахнута, обнажая широкую не дышащую грудь. Там, где должно биться сердце, — чёрная рана, кровь из которой не течёт, а медленно испаряется. Ему навсегда семнадцать лет.

В то далёкое время человек быстро расцветал и, чуть продержавшись на одном — лучшем! — дыхании, тут же начинал иссыхать, покуда не становился травой. То ли ветер выдувал жизненные силы, то ли высасывала их земля, иной участи всё же не искали — лишь бы прожить, крепко стоя на двух ногах. Лишь бы дышать.

Өрөгөчөй возник за моей спиной так же внезапно, как и сама жизнь. Тогда мы — учительница и семеро первоклассников — отравились в поход. Ребята о чём-то весело щебетали, я медленно плелась последней, то и дело останавливаясь и оглядываясь вокруг. Анна Семёновна — женщина лет пятидесяти — шла посреди нас и, видимо, вспоминала своё детство.

Я любила играть за домом, сидя на одном месте, поэтому родители могли не беспокоиться за меня. Не помню, когда начала ходить в соседний лес. Свои забавы ни с кем не делила, не посвящала в них и домочадцев. Почему-то они всегда были спокойны насчёт меня, и я уходила всё дальше и дальше. Дойдя до какого-нибудь озера, садилась у кромки воды и смотрела в тишину.

Оказавшись в лесу не наедине, я немного смутилась. Привыкнув, начала вести себя как обычно — изучать извилистые корни деревьев, шишки, цветы. Улучив момент, взяла в пригоршню влажную землю из-под густого мха и понюхала — разве есть что-либо прекрасней её запаха?

Один из мальчишек заметил это и покрутил пальцем у виска. Поднялся смех. Анна Семёновна начала всех увещевать. Я замерла. Учительница и дети отдалялись от меня, и с каждым их шагом лес становился шире. Наконец зелёные ветки сомкнулись за ними.

Кажется, именно тогда я разучилась чувствовать время. Секунды, минуты, часы — всё смешалось. Утро наступит после вечера, а ночь отодвинется назад. Если захочется посмотреть на звёзды — нужно стянуть, как скатерть, день. Можно окрасить угольно-чёрное небо в кровоподтёки заката, рассыпать холодные искры на умирающее солнце и любоваться на путаницу времён.

Внезапно сзади раздался хруст веток. Я обернулась — за мной стоял рослый юноша, весь вымазанный в речном иле и облепленный водорослями. На его грязном скуластом лице, как тёмные рубины, мерцали широко распахнутые безумные глаза. Над тонкими запёкшимися губами пробивались густые жёсткие усики. Волосы спутались и походили на бурьян.

Мне стало спокойно и тихо на душе от его присутствия, и я ничуть от этого не удивилась. Он просто стоял, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, в такт приливам и отливам моих мыслей. Сколько времени утекло — не знаю, только вскоре незнакомец обессиленно рухнул навзничь.

Я вынула из своего рюкзачка пластиковую бутылку с водой и отмыла его лицо от грязи. Внимательно всмотрелась: юноша не походил ни на кого из местных. Насколько могла, приподняла его тяжёлую голову и влила остаток воды в раскрытый от жары рот. Взгляд пришельца посветлел.

Он начал что-то говорить на незнакомом мне языке, однако несколько слов я смогла различить. То были названия племён. Туматы. Джирикинеи. Хоринцы. Майаты. Саха Урангхаи.

Я замешкалась. Все эти племена давно исчезли с лица земли. Только одно из них стяжало право называться народом и с трудом, но продолжить веточку поколений.

— Саха Урангхай.

— Тонг Биис, — понял, что его сородичей поблизости нет, снизил голос.

Перевернулся на живот, прижался к земле и изучил деревья вокруг. Затем внимательно оглядел меня с ног до головы — не прячу ли я оружие.

Мёрзлое племя. Говорили, что Тонг Биисы душой прямые, как срез дерева, и верны в дружбе. Так повторялось из легенды — в легенду, из сказки — в сказку, слава о них долго трубила, сотрясая землю, и внезапно превратилась в дорожную пыль, гонимую ветром. Мне было известно лишь то, что сопротивлявшихся Тонг Биисов вырезали, а смирившиеся исчезли среди многочисленных Саха Урангхаев.

— Нарыйа, — и указала на себя. — Нарыйа.

— Өрөгөчөй.

— Нарыйа-а-а! — отозвался лес. Значит, учительница недосчиталась меня.

Я вынула из рюкзака кастрюлю с жареными карасями, сунула её юноше в руки и, не дав ему опомниться, убежала.

— Иду!

Поезд плавно тронулся с места и полетел по рельсам. За окном мелькали многоэтажки. Солнечные лучи, пробиваясь между ними, слепили ещё сильнее. Тень — свет — тень — свет. Казалось, сама планета услужливо переносит экспресс на другое место, стремительно вертясь вокруг своей оси.

Отложив нож, Өрөгөчөй придирчиво осмотрел, что у него получилось. Затем посадил фигурку на ладонь и показал мне. Как живой, танцевал маленький олень — вот рожки, копытца, умная мордочка. — Возьми его с собой. Станет грустно — посмотри, вспомни обо мне.

В ответ я молча распустила свою косу. Өрөгөчөй, густо покраснев, отрезал мне волосы чуть ниже плеч и заплёл в три пряди как можно более аккуратно. Бережно обвязав кожаным шнурком, положил себе за пазуху.

— Расскажешь мне, как устроила свою жизнь на той стороне? Я буду очень рад послушать о твоих новых друзьях. Ты ведь больше не будешь дичиться людей? Великое Стойбище Душ одиноких сводит на нет.

Я не знала — знала! — что ответить и промолчала. Өрөгөчөй вздохнул и подкинул в очаг побольше хвороста. Весенний воздух обманчив — Якутия не сразу оправляется от девяти месяцев зимы. Меховой полог юрты чуть заметно дрожал из-за сквозняка.

— Великое Стойбище Душ — место, где в узел сплетаются четыре стороны света. Мне поведали это перелётные птицы. Ты же — дитя Севера.

Он схватил меня за плечи.

— Я беспокоюсь, потому что рядом быть не смогу, потому что люблю. Люблю, и ты знаешь это. Так почему же оставляешь меня одного, открытого всем ветрам и дорогам, но неспособного оторваться от родной земли? Подарившая мне счастье, которое я не успел вкусить, будучи живым! Почему?

Өрөгөчөй припал мягкими прохладными губами к моим, словно в поцелуе ища ответ, затем отпрянул и схватился за голову.

— Ты... Ты несёшь в себе огонь, неподвластный мне!

— Огонь! — наконец крикнула в воздух, не зная, дойдёт или нет. — Огонь! Не в этом дело, не в этом дело... Боже мой, нет — не в этом! Я попытаюсь объяснить, только ты слушай, слушай меня.

Так мы и стояли друг напротив друга, полубезумные от любви, близости и расстояния между жизнью и смертью.

— Өрөгөчөй... Читая книги, музыку, картины, — да, читая! — я поняла, что творчество — нота, сам творец — мелодия. Душа сочетается с душой, страна — со страной, и так — весь мир. Да, мир! — великая опера, которую кто-нибудь слушает — за гранью, на ней или ближе! Если его нет — песня человечества всё равно будет дышать, покуда дышит последний человек на Земле. Я хочу поведать миру о тебе и мне, о нашей родине, обо всём, что вокруг. Без меня одной мелодии не станет. Знаю! — только там меня научат развернуть душу в песню. Пойми меня, пойми меня, пожалуйста, прошу!

— Ничего не понимаю! Правду говорят, время — безудержный жеребец, скинувший седока в самом начале пути! Разве я смогу тебя догнать, если ты на пять столетий впереди? Ничего... не... понимаю.

Өрөгөчөй упал на колени и тихо зарыдал. Я подошла к нему и начала медленно гладить его по спине, приговаривая:

— Всё хорошо, всё будет хорошо.

Вскоре он успокоился и начал о чём-то шептать, целовал сквозь ещё не остывшие слёзы и никак не мог найти мои губы.

Я вышла из аэроэкспресса и закричала на родном языке в холодное московское небо:

— Ты прав, Өрөгөчөй, но разве твоя правота сведёт мою любовь на нет? Я возвращаюсь, потому что люблю. Мне стоило сказать об этом намного раньше. Два года назад, слышишь? Ты слышишь меня? Өрөгөчө-ө-өй!

Мой голос раздался эхом, так же, как и два года назад на Ленских столбах. «Өрөгөчө-ө-өй», — вздыхали каменные угёсы. «Өрөгөчө-ө-өй», — говорила земля. Все и всё — о нём.

Деревянная лестница, потемневшая от времени, бежала вверх, теряясь среди лиственниц. У самой вершины высокого холма, где деревья

переплетались с небом, беспощадно пылало солнце. Несмотря на жару, взбираться было легко.

На это путешествие я копила года полтора. Приобрела всё, что нужно для одинокого странника, и начала ждать. Прошёл год, прежде чем сказала себе: пора. Быстро умывшись и не позавтракав, ранним утром первого июня накинула на плечи походный рюкзак и вышла.

Время шло независимо от меня, я — независимо от него. *Куда и зачем* — не имело значения. Достигнув реки Лены, словно некто толкнул меня в спину, пошла вдоль берега на запад. Вечерами — если это действительно были вечера — я читала книги у костра, тихо, чтобы не потревожить лесных жителей, слушала музыку. Порой наблюдала, как несколько теплоходов вереницей чаек плыли к Ленским столбам и терялись в закате.

Когда туда добралась и я, последний уже отчаливал назад, в Якутск. Проводив его взглядом, молча пошла по лестнице, по пути собирая оставленный туристами мусор, чтобы где-нибудь сжечь.

— Нарыйа?

Он ходил бесшумно, как подобает лучшему воину — вождю! — племени.

— Өрөгөчөй, верно?

Он смотрел на меня ясными глазами, в которых ровно горели тёплые огоньки. Широкая доска, штаны и торбаса, сшитые из тонко выделанных оленьих шкур, были опрятны, крепкий ремень перетягивал узкую талию. В левой руке — узорчатый колчан, в правой — лук. Волосы ниспадали до лопаток, и от их густой черноты его лицо казалось белее мела. В облике Өрөгөчөя всё было ненастоящим, но при этом удивительно живым.

— Нынче, я вижу, мы ровесники, — заговорил он на чистом якутском языке. Достав из-за пазухи чистую кастрюлю, протянул мне. — Это твоё.

— Ты хранил её десять лет?

— Да, — просто ответил он и улыбнулся. — Давай поднимемся наверх, к столбам. Там и поговорим. Ты ведь хочешь остаться со мной?

— Поэтому я и пришла.

Зал ожидания был переполнен людьми и тоской. Странно: я умею по звёздам и солнцу держать путь в якутской тайге, но в аэропорту с указателями на каждом шагу плутала часа два. Останься я с Өрөгөчөем — кочевала бы с ним по бескрайним белым просторам, вольная, как само небо. Нет! — я уехала, но не ушла от него. Я — всегда с ним, потому что... потому что...

— Чего стоишь, заходи. Ну, не оскверняй священное место! Небось, проголодалась, беглянка?

— Нет, мам, я не голодна. Там обо мне за... Мама, всё хорошо. Всё будет хорошо. Я ведь всегда говорила это тебе.

Почему я не могла довериться родным, если они безоговорочно верили в меня? Почему я не рассказывала им об Өрөгөчөө? Почему?

Всю нежность и заботу моя мать скрывала за иронически-издевательским тоном, при посторонних — молчала. Её лицо всегда было сосредоточенно-бесстрастным, и только сухонькие, но сильные и беспокойные руки всё время перебирали, чинили, перелистывали...

Ей пришлось пройти через моё — как сплетничали земляки — безумие. «Убежать от собственной матери! Неблагодарная!» — раздавалось на одном конце деревни. «Не уберечь ребёнка! Ужасная мать!» — шумели на другом. Слова обрастали новыми, нагромождались друг на друга, лезли вон, и вскоре весь наслег заразился ими. — Наслушалась я тебя досыта, а как уйдёшь, так и не хватает. Ну-ну, глупая, не плачь! Не смей! Кизсик и Бааска так долго тебя искали, всю округу своими-то ногами исходили! Вишь, и не злятся. Смирились они с тобой, чудачка. Дядя Бааска только головой покачает, а брат поворчит-поворчит, да и успокоится. Ну хорошие они у тебя, чего ещё хочешь-то?

Скандалы часто гремели в нашем доме, но внешний мир не знал об этом ровно ничего. Стоило кому или чему-либо чужому вторгнуться, все быстро вставали на защиту родного очага. Да, упорно и непоколебимо тянули по раскалённому песку обстоятельств лямку жизни. Никакая ссора не могла преодолеть родную кровь.

— Я вижу, ты живёшь совсем другой жизнью... — голос матери внезапно задрожал. — Сдаётся мне, я слишком простовата, чтобы говорить со своей дочерью наравне. Дожила! Да... Ты думаешь о чём-то далёком и непонятном для нас. Матушка — твоя бабушка — говорила, что время стало короче и дети слишком быстро взрослеют. Да... Меня радует, что ты чего-то хочешь от жизни и не отказываешься от будущего. Уехать учиться можешь куда сердце потянет — но не уходи. Ты ведь понимаешь меня? Уехать — можешь, но не уйти.

Обнывшись, мы медленно качались из стороны в сторону и пели протяжную песню без слов. Так волки, отбившиеся от стаи, зывают ко мглистой, незнакомой, пугающей дали.

— Предъявите ваш паспорт.

— Что?

Усталыми глазами, как увидела себя со стороны, для регистраторши же — бессмысленными и глупыми, я уставилась на неё.

— Предъявите. Ваш. Паспорт.

— Девушка, вы задерживаете нас! Пошевеливайтесь! — аж пожелтела от злости растрёпанная женщина, стоявшая в очереди.

Молча сделав что приказывали, вышла в коридор, соединяющий аэропорт и самолёт. Кажется, у входа меня поприветствовали стюардессы, но я толком не расслышала. Их голоса перекрыл другой.

— Привезти тебе алмазы, дочурочка? А, бриллианты! Так это же огранённые алмазы, доченька! Не волнуйся, мамочка всё тебе привезёт,

всё-всё! — разговаривала по телефону русская женщина в шубе из соболя.

Когда связь прекратилась, она сказала соседке:

— Ничего хорошего, кроме алмазов и меха, там нет. Одна холодюга, фи!

Сидящий с другой стороны дородный якут, чей живот чуть не рвал пуговицы дорогого делового костюма, недобро покосился на неё, но промолчал.

Для тебя там действительно ничего нет, кроме алмазов и меха. А для меня — вся жизнь, мои истоки и любовь. Если ты хоть раз увидела бы Өрөгөчөя... но видит ли его кто-нибудь, кроме меня?

Наверное, Таня смогла бы.

— Тут такое дело... Я не буду тебя провожать, потому что... потому что — это навсегда. В аэропорт поедешь одна.

Мои вещи давно были собраны в большую дорожную сумку и рюкзак. На письменном столе до сих пор в беспорядке валялись тетради и книги — я сделала это нарочно. Пусть она думает, что её «маленький якут» остался здесь, в общежитии Литературного института. — Вот... — Таня чуть помялась на одном месте.

Она не умела прощаться. Только зачем это нужно? Ведь прощаться — тоже навсегда, а я надеялась встретиться снова.

— Всё хорошо. Я понимаю.

— Честно, я буду скучать по твоим вездесущим «всё хорошо».

— Я тоже буду скучать по тебе.

Всмотрелась, чтобы унести глубоко в память: кто знает, как повернётся судьба? Волосы цвета то ли меди, то ли бронзы — совсем как закаты, которыми я любовалась на берегу реки. Голубые глаза с золотыми крапинками вокруг зрачка — ясный полдень, тонкая светлая кожа — зыбкий утренний туман. Ей не доставало ночи, но именно без неё она была прекрасна.

В моих узких раскосых глазах и густой крови, тёкшей медленно и глубоко под плотной смуглой кожей, — ночь, одна тёмная беспробудная ночь.

— Уже два часа дня. Мне пора, — очнулась я от раздумий.

— Удачи тебе, Нарыйя!

— Тебе тоже, Таничка-античка, — и быстро прикрыла за собой дверь.

— Ах ты! — весело рассмеялась она здесь.

Я уже вышла туда.

Я посмотрела в окошко самолёта. Внизу раскинулась огненной сетью Москва. И вправду — Великое Стойбище Душ! Сюда стекаются люди с горячей быстрой кровью, но холодной головой и медленным сердцем. Она тянет их к себе, как глубоководная рыба манит чарующей искоркой на крепком щупальце. Схватит — не выберешься: либо

погибнешь, либо прирастёшь. Скорее! — иначе превращусь в бумажник на широкой площади не моей жизни.

Маленькой хрустальной иголкой сияла Останкинская башня. Где-то рядом с ней — Таня. Интересно, что она делает сейчас?

Настала ночь — нежная зима суток. Вогнутая линза неба отразила землю и собрала в пучки созвездий бессонные города. Самолёт летел сквозь тяжёлое дыхание облаков, скользил между двумя мирами, игравшими наперегонки.

— Догоняй! — крикнула я Өрөгөчөү и рванулась с места. Замелькал молодыми сосенками весёлый бор и внезапно расступился, открывая широкое поле. Как радостно чувствовать ровную землю под ногами — упругая, покрытая мягкой сочной травой, она сама подталкивает вперёд, поддерживая могучим лоном, не давая упасть.

Убежать ли девушке от выносливого, закалённого охотой и долгим кочевьем хосуна-удальца? Өрөгөчөй проворно догнал меня, подхватил на руки, закружил в воздухе. Мы дивились и радовались друг другу, как и сама природа дивилась и радовалась нам.

Когда стемнело, развели костёр. Мир утратил прежний облик, сузившись до двоих — взволнованных, озарённых отблесками огня и собственным внутренним светом. Обнявшись как можно крепче, чтобы тьма не проникла между, мы шёпотом разговаривали.

— Кто ты — сон, мираж, самообман сердца или разума? Существует ли ты на самом деле? Всё никак не могу поверить...

Өрөгөчөй грустно и ласково улыбнулся.

— Слышала о ёрах — душах, не обретших покоя ни в занебесном, ни в подлунном мире?

— Да.

— Покуда не похоронят с почестями кости ёра, он остаётся на земле, которую чтит своей родиной. Я, тогда ещё дышавший и надеявшийся прожить долгую мирную жизнь, давно превратился в речную воду, впитался в землю, возрос буйной зеленью и горделивым лесом.

— Значит, навеки — ёр?

— Уже нет, Нарыйа. Я — твоя родина.

Игорь Корниенко

Иркутская область, г. Ангарск

Птичка-невеличка

Победитель межрегионального литературного конкурса имени Игнатия Рождественского в номинации «Малая проза»

В ночь перед поездкой в паспортный стол Василий Богатырь увидел страшный сон.

— Будто трактор мой, сороковка, с которого не слезаю, как в шесть лет батя усадил, — рассказывал тревожным дождливым утром он фотокарточке, — с ума сошёл.

На старом, пожелтевшем снимке матушка его, Нина Ильинична, смотрит на сына сквозь мутное стекло в деревянной резной рамке. Ласково смотрит, понимающе из-под цветастой косынки.

Вася сидит за столом на кухне с кружкой горячего чая и продолжает взволнованно:

— Капот открывается пастью с клыками. Вместо трубы выхлопной — щупальце, им он пытается схватить меня да внутрь себя затащить. А ревёт, гудит, что оглохнуть можно. И цветом не голубым, привычным, а всё — чёрный да красный...

Отхлебнул чай, протёр портрет матери рукавом домашней рубашки. — Бежал через поле от него, ну чтобы в лесу укрыться, где трактору не проехать, а поле бесконечным сделалось. Я в этой пустоте и сгинул. Ни трактора, ни леса, ни меня... Пропал. С этим словом и проснулся в четвёртом часу. Сел на кровати, а внутри всё трясётся, как с похмелья. И страшно стало от неизвестности какой-то. И тоска навалилась.

Богатырь ростом и силой в фамилию был. Сейчас, в сорок семь, поседел рыжий волос, оплешивела кудрявая голова, а по молодости — Буслаевым дразнили. А как бороду отпустит, так вылитый богатырь русский, былинный. «Только вот ума как у Ивана дурака», — шушукались сельчане.

В бывшем совхозе, теперь ЗАО «Матвеевское», Василия считали ценным кадром. «Главным по пашне» называли. Работал, если надо, сверхурочно и без обеда, в праздник и в выходной... Безотказным был Богатырь, за спасибо огород вспахивал.

И как так получилось, что Люда, кассирша, заглянула в паспорт Василия и ахнула, и взмахнула руками:

— Василий Григорьич, у вас же фотографии нет.

Богатырь согнулся в три погибели у окошка кассы, где по пятницам, в конце месяца, премии отличившемуся сотрудникам выдают.

— Какой фотографии? — пробасил и захлопал глазищами мужчина.
— Дак вам уже сорок семь, а фотографию третью в паспорт надо в сорок пять клеивать. Оштрафуют теперь, — заохала девушка. — Вам в город, в паспортный, бегом надо. Сфотографируйтесь — и срочно туда. Вот и денежка пригодится, — отсчитывала мятые бумажки она, — ровнёхонько четыре тысячи восемьсот два рублика.

Василий промычал:

— Спасибо.

Тем же вечером пожаловавшись покойнице-матери, пообещал с утра съездить до города сфотографироваться да в паспортный стол.

Ох, не любил он поездки в цивилизацию. Из села Матвеевка до города два раза в день, утром в полвосьмого и в семь вечера, ходил рейсовый автобус. Ещё на электричках можно добираться, на попутках. Милей всего Богатырю было в родном селе. Да делать нечего: как жить без фотографии?.. Противозаконно так, получается, размышлял Василий. Люда-кассирша просветила, объяснила, как и что:

— Паспортный теперь ФМСом называют. На Ленина, два, в центре самом, вместе с отделением милиции, найдёте быстро, если что — язык до Киева... Но перво-наперво — фотки. Моментальное фото теперь делают, там и фотосалон рядом. Не заплутаете. Денег побольше возьмите на всякий... В паспортном ФМСе вам всё скажут, штраф заплатить надо будет. Пожурят чуток...

— Мамка обычно все дела с документами решала, — бурчал Василий. — Вот её пять лет как не стало, так я и проштрафился.

— Это не беда, — успокаивала девица, жалела, — поправимо всё, а матушке вашей царствие небесное, такая отзывчивая, такая добродушная...

Кивал головой в ответ Богатырь, соглашался:

— А мне и не нужен никто больше был, хоть и сватала матушка, а не тянуло к семейной жизни.

Люда прищипывала:

— Нет, Василий Григорьич, женщина вам нужна. Обстирывала бы, по хозяйству помогала. И она ну никак бы не допустила, чтобы с паспортом беда такая случилась. Просрочить на столько лет.

Нет ответа у Богатыря. Свесил голову на грудь, сказал тихо:

— Спасибо и до свидания.

Громко зашагал по деревянному полу вон из конторы.

— Удачи, — крикнула вслед кассирша и выдохнула про себя: — Такой мужик пропадает, — и закрыла окошко кассы.

На утренний автобус из Матвеевки Василий едва не опоздал. Проверял, всё ли в порядке с трактором.

— Может, вещий сон, и ты действительно обезумел и убить меня хочешь, — заглянул в кабину Богатырь, — ожил и давай всё крушить, — обошёл в четвёртый раз вокруг трактора. — И ведь за мной

погнался, будто я плохое что тебе сделал,— потрогал глушитель,— а ты ж как родной,— погладил фару,— как член семьи. Мы же одни друг у друга только остались в целом свете.

Трактор молчаливо слушал под навесом между домом и стайками с гаражом. Дождь стучал по деревянному настилу навеса всё сильнее и вскоре перешёл в ливень. Тут Вася и спохватился, и побежал, перепрыгивая через лужи, к остановке автобуса.

— Еле успел,— пыхтел, забегая в помятый жёлтый «Икарус»,— заговорился, совсем времени счёт потерял, а мне до города срочно надо, в паспортный, в ФМС.

Водитель чихнул:

— В такую дождину за простудой только ездить.

Загудел двигатель, захлопнулись со страшным скрипом двери.

Богатырь вздрогнул, попятился. Словно трактор из ночного кошмара нагнал его и уже ревет за спиной.

— Вот же жуть, как двери по-человечьи прям кричат. Смазать надо бы, так и от приступа помереть можно.

Водитель снова чихнул:

— По мне, так, дедуль, пусть орут и пусть помирают. Меньше народу — больше кислороду. У вас в деревнях старики одни, чего коптить небо зря? — и чихнул снова.

Автобус ходил ходуном и скрипел и стонал каждой деталью ржавого организма.

— Село Матвеевка у нас, не деревня,— сказал единственный пассажир.

— Хрена ли разница? Прошлый век. Такие слова давно уже пора забыть и не употреблять. Атавизм, ёпть.

— Так земля же всех кормит. Куда от земли-то уйдёшь? Только в неё саму...

— Ой, дед. Не начинай мозг засорять. Ты хоть слово «Интернет» знаешь? Земля тебя кормит.

Василий хмыкнул:

— Знаю. Детали к моему трактору Сёмка, сосед, через компьютер заказывал. А ты знаешь, что чем больше солнечных дней по осени, тем слаще свёкла сахарная?

В ответ водитель чихнул.

Оставшийся час до города в автобусе раздавались лишь вопли железа вперемешку с чиханьем молодого водителя.

— Бедный автобус. Никто и не пожалеет машину, а ведь у техники тоже душа есть,— вздыхал тихо на заднем сиденье у горячей печки Василий.— Я своего раз в неделю мою тёплой водой и хвалю за хорошую работу, поглаживаю. А что сон такой приснился, то ничего страшного, не догнал ведь меня тракторный монстр.

На площади Ленина Василий вышел молча под дождь.

Водитель чихнул на прощание. Автобус застонал, отъезжая.

Большая неоновая вывеска на супермаркете подсказала: «Моментальное фото. Портреты на заказ. Картины. Рамки всех размеров. Только у нас. Скидки частым покупателям. Кредит».

— Тридцать пять на сорок пять, — повторял про себя Богатырь, шагая к стеклянным дверям фотоателье, — чёрно-белое, а лучше цветное, анфас, без головного убора.

Сотрудница городского отдела миграционной службы привлекла Василия Григорьевича фамилией. «Борозда, — выбито синими буквами на белом бэйдже, — Лариса Романовна».

Полная женщина с башней обесцвеченных волос, ярко-алой помадой на тонких губах чихнула в платок, пока Василий раскладывал перед ней на столе документы, сказала:

— И чего вам в такую погоду дома не сидится?! Эпидемия же ходит. Или телевизор не смотрите, газет не читаете?..

Богатырь мотнул плечами:

— Да привыкшие мы к непогоде. Дождь землю с небом роднит — урожай готовит.

Лариса Борозда осмотрела посетителя, не стесняясь, заглянула под стол, оценила грязные сапоги Василия.

— Всё понятно. Колхоз «Красная заря» снова в строю, — высморкалась в платок, убрала его в рукав пиджака.

— Из Матвеевки.

— Так и я про то ж... Что там у вас? Давайте.

— Да вот паспорт...

— Форму заполнили? Госпошлину заплатили? Вы фотографию вклеивать, вижу...

Женщина осеклась, посмотрела на мужчину, снова на фотографии, чихнула в ладонь.

— Вы что, шутите? Что за клоунаду здесь устроили?! Это не ваш сельский коровник! — швырнула на стол бумаги Василия. — Мало того, что с такой большой просрочкой пришли, так ещё и это! — постучала она указательным пальцем по фотоснимкам. — Штраф три тысячи и новые фотографии!

Богатырь не находил слов, тупо смотрел на кричащую сотрудницу и хлопал ресницами.

— А что? Что не так?

— Всё не так! Это кто на фотографии?! Вы что, меня за дуру держите?!

Мужчина взял снимки. С цветного глянца на него смотрел он — его глаза, нос его, губы варениками, как матушка в детстве называла. Это, без сомнения, был он. Тот, кого он видел в зеркале перед тем, как сесть на стул в комнатке фотографа...

— Это, если хотите знать, нарушение закона. Вы собирались вклеить в свой паспорт чужое лицо! Не своё, а какого-то преступника, может, которого полиция ищет! Маньяка-террориста, я не знаю!..

— Но ведь, ведь это я, — заикался Василий, глазами обыскивая комнату в поисках зеркала, — я полчаса назад сфотался.

— Значит, я идиотка?! Так получается?! — взвизгнула и вскочила из-за стола сотрудница. — Вы головой не ударились, случайно, по дороге к нам?

Богатырь не нашёл что ответить, лишь пожал плечами.

— Или у вас справка с психушки есть? Но тогда всё понятно, — продолжала на визгливых тонах Борозда. — Я спрашиваю, у вас есть справка?!

Василий снова пожал плечами.

— Да вы вообще в своём уме?! Дурака из себя корчите или по жизни так?!

Иванушкой-дурачком обзывали маленького Васю с детсада. Мальчик рос, тело наполнялось здоровыми соками земли, крепло, уже в десять лет у него был кулак размером с кувалду, и сельчане побаивались откровенно называть Василия дураком. Только Богатырь всё равно знал, что из Иванушки-дурачка он вырос в Ивана-дурака, так его и дразнили бы, если бы не сила, которой наградил Бог. С детства же терпеть не мог даже шуток о его умственных способностях. Поэтому многие в школе получали тумачи и затрещины. Успокоить тогда Богатыря могла лишь родная матушка. Ей одной он позволял называть его губы «варениками», а самого его «моим дурашкой».

В голове Богатыря щёлкало, как в тракторе, когда он включал зажигание, и разум Василия окутывал туман.

— Я не дурак, — сказал он громко, отодвигаясь вместе со стулом от стола, — не дурак! — встал во весь двухметровый рост.

Маленькая сотрудница, колобок в пиджаке и юбке, запищала:

— Не знаю, как это у вас называется, но все вы, деревенские, того...

— Из Матеевевки я, село это, не деревня.

— Ой, да какая разница? — женщина шагнула от посетителя. — Меня не так интересует причина такой просрочки, сколько ваши, точнее, не ваши фотографии.

— Как матушка померла, так бумагами никто и не занимался. Я на тракторе в поле с утра до ночи, это Люда-кассирша заметила, вот и наказала ехать сфотографироваться да к вам в паспортный... Это моё лицо на фото, клянусь вам.

Борозда успела вытащить платок, чихнула в него, убрала.

— Нет, это дурдом какой-то. У вас, может, с глазами проблемы?! На фотках — не вы. Не вы-ы! И почему вы встали?! Сила есть — ума не надо? Смотрите, мы вас быстро приструним. Вскочили тут... Сядьте, — вернулся голос к сотруднице.

Богатырь подчинился. Во сне он исчез в тумане, сейчас удалось выбраться.

Сел, посмотрел на цветные снимки.

Его точная копия смотрела на него.

«Может, премию дадут? Или повьесят?!» — выстрелила мысль в голове Борозды и застряла, и ни о чём она больше не могла думать.

«Задержала мошенника, пресекла нарушение закона. Чем не заслуга, не квалифицированная работа, достойная награды?»

Мужчина бормотал про то, как ему жилось с матерью после ухода отца, как он с ранних лет на тракторе, как трудится в бывшем совхозе, и как его там ценят, и как не любит он ездить в город:

— Да вот беда с этим паспортом, а тут ещё вы говорите, что лицо не моё. Дайте зеркало — самому взглянуть на себя! — закончил Богатырь.

Женщина ответила:

— Да, да, сейчас, погодите, — и быстрым шагом вышла за дверь.

Василий, оставшись в одиночестве, попытался разглядеть себя в стекле шкафа, набитого бумагами, — не получилось: размытое серое пятно лампочки вместо лица.

— Вот недоразумение-то, — вздохнул он. — Как со сна началась погоня, так и...

Вернулась Борозда с тощей женщиной в форме.

— Заместитель начальника городского отдела ФМС подполковник Кажаева Зулия Гасанова. Покажите ваши документы, — отчеканила гостья.

Богатырь не успел подняться, чтобы поприветствовать начальницу, опустился на стул, протянул всё, что привёз с собой, завернутое в целлофановом пакете от дождя, как научила мама.

— Фото посмотри, Зуль, — прошептала полная на ухо тощей.

Подполковник вырвала ленту снимков из огромных ладоней, впилась в них толстыми линзами очков. Чихнула беззвучно в плечо, спросила:

— Это кто на фото?

Василий не нашёл слов, тяжело выдохнул и уронил голову на грудь.

— Вы сами-то видите, что это не вы на снимках?

— Ничего он не видит, — ответила за мужчину Борозда. — Зеркало, говорит, принесите, чтобы я на себя посмотрел, — и она незаметно от мужчины покрутила пальцем у виска.

— И что, принесли зеркало?

Лариса Романовна чихнула:

— Нет, конечно!

— Так, Богатырь Василий Григорьевич, пятидесятого года рождения, село Матвеевка, — начала тощая, прохаживаясь вокруг мужчины на стуле, — два года проживали по недействительному паспорту. Это серьёзное административное нарушение. Более того, вы приносите фотографию неизвестного человека и выдаёте его лицо за своё.

— Это я! — встрепенулся Василий. — Богом клянусь!

— Бога вот только, пожалуйста, сюда не вплетайте! — вскрикнула подполковник. — Давайте позовём третьего и спросим, похоже ли ваше лицо на лицо с фотографии. Давайте?!

Богатырь кивнул.

—Люда, крикни Пашку с отдела.

Через минуту в комнате появился молодой бритый парень в милицейской форме без погон.

—Взгляни и скажи, что ты видишь, Павел Евгеньевич. Человек на фотографии и человек на стуле — это одно лицо? — тощая протянула парню снимки.

Бритый посмотрел внимательно в лицо Василия.

—Если это одно лицо, то моя бабушка Мэрилин Монро, — хихикнул парень. — Не похож ни капли.

—Чего и следовало ожидать, господин Богатырь.

—Богатырь, — хихикнул бритый. — Да, здоровый, бычара. А что он натворил, богатырь этот?

—Он доказывает, что на фото он, полчаса назад как сфотографированный, — вставила и чихнула Борозда. — Уже час назад как сфотографированный, — добавила, сморкаясь в платок.

Павел кашлянул и шмыгнул носом:

—Простуда, блин. А может, он того? Блаженный? Такие богатыри всегда недалёкие. Сила есть — ума...

Василий стукнул по столу кулаком. Канцелярские принадлежности, папки с бумагами как один подпрыгнули.

Бритый по-девчачьи взвизгнул. Подполковник вздрогнула. А сотрудник Лариса пригнулась и прикрыла голову руками.

—Это вы тут все с ума посходили! Я что, не знаю, как выгляжу?! Своё лицо не узнаю?! Совсем одурели!

—Паша, вызывай подмогу, — зашипела, сидя на корточках, Борозда, — он нас всех одной левой замочит.

Паша чихнул и достал электрошокер.

—Я сам, — шепнул и ударил Богатыря в спину.

Тысячи ос впились в шею Василию. Его бросило на стол, стол под ним рухнул. Богатырь провалился в жаркое, липкое ромашковое лето. Он лежал в цветах, где-то в поле за селом, лицом вниз и дышал горячей землёй. Пропитываясь сочностью благоухающих трав, одурманенный чабрецом и жаркáми. А потом он услышал, как мама зовёт его, поднялся на локтях, сорвал охапку ромашек и бросился к ней. Тут его и настигли осы. Потемнело в глазах от боли в голове, ноги и руки онемели, он упал, и осы накиннулись на него. Они жалили, прожигали насквозь. Они не оставили ни миллиметра живой плоти.

—Мама, — позвал Василий.

Ответили ему лязганье и рёв стальных дверей. Кричало железо. И человек закричал вместе с ним.

—Лица на тебе нет, — хриплый, прокуренный голос над головой.

Богатырь разлепил глаза. Он на бетонном полу, а над ним склонился старик: чёрное, прокопчённое лицо, беззубый рот; бомж завернулся

в грязный мешок, а на лысой голове — шапка-будёновка с красной звездой.

— Лица, говорю, на тебе нет, сынок. Не видать. Сплошная корка. Кровь да синяки. Картинка, однако, похуже моей будет. Кровищи вон и на полу сколько — море. Ногами, суки, тебя били, однако.

Василий протёр рукавом лицо, окрашивая красным. Поднялся, гулко прогудев:

— У-ух-х.

Болело всё тело. Болела душа.

— Посадили, что ли? — выпрямился во весь могучий рост Богатырь.

— Меня ночью привезли, однако, ты тут уже лежал, ага. Тут долго не держат. Сутки, трое — и отпустят, — бомж протянул Василию смятый прямоугольник из двух фотографий. — Твоё, однако? Валялось тут...

— А как понял, что моё? Похож разве? — громко, что у бомжа-старика зазвенело в ушах, пробасил мужчина.

— Похож. Как же? Кто ж ещё? Ты и есть, — сообщил бомж, беззубо улыбаясь. — Однако, сильно они тебя, если себя не узнаёшь.

— Да я-то узнаю, они вон, начальники-властелины, говорят, что я — это не я.

Хихикнул сокамерник, почесался:

— Поэтому лучше бродяжничать. Бомжу ни паспорта, ни узнаваемости не надо. Без лица жить проще. Как птичка-невеличка: куда ветер понесёт, туда летишь. Что найдёшь, то и скушаешь. Где ночь застала, там и заснул...

Богатырь расправил снимок, посмотрел на измятое лицо.

— Теперь наверняка узнают, — вздохнул и убрал фотокарточки в карман на груди.

— Узнают, — щерился бомж. — Ихняя же работа, как не узнать? Однако, и зубы выбили?

Василий проверил, сплюнул кровавую слюну:

— Целы. Слабаки и трюсы. Они только исподтишка и со спины могут. Тявкать да скулить.

— У тебя вся спина в следах от подошв, почиститься надо бы, да тут и водички попить не принесут, — говорил бомж. — Плясали они на тебе, однако, всем отделением милиции.

— В паспортный я ходил, паспорт просрочил, фотку вот принёс, а меня сюда...

— Так они же все заодно. Все повязаны, одной верёвкой связаны. Менты, кенты... Ещё и транспортники, однако, плясать на твоём хребту приходили. Хе-хе. И депутаты с дум всяких, — смеялся сокамерник, — и президент, однако, гопака прилетал на рёбрах твоих отстучать...

Василий улыбнулся разорванным ртом:

— Президент?.. Гопака?..

— Ага, на твоих костях. Хе-хеу! — выкрикнул старик, вскочил резво на ноги и давай плясать по камере, притоптывая и хлопая в ладоши. —

Эх, говори, Москва, разговаривай, Расея! — схватил мужчину за руки и потянул в пляс за собой. — Где наша не пропадала?! Везде пропадала! Эх, живы будем — не помрём!

Богатырь неуклюже прыгал следом за танцующим бомжем и старался подпевать. Старик орал в горло:

Как на Крымском на мосту
Мильцанер дерёт блоху.
Он за что её дерёт?
Она без паспорта живёт.
И-ху!

Василий тоже закричал:

— И-ху!

Бомж продолжал, не выпуская рук Богатыря, скакать и брызгать слюной:

Негодяи все у власти,
А мы им: «Почтенье! Здравсьте!»
А ведь надо бы сказать:
«Паразиты, вашу мать!»
Их-и-ху!

Дверь бабахнула выстрелом. Старик мышью забился в угол, словно и не было. Посреди камеры остался один Богатырь с поднятыми в пляске руками и улыбкой во всё лицо.

— Нарушаем,— сказал толстый милиционер и с трудом протиснулся в проём камеры, с красными воспалёнными глазами, алым носом. — Пять часов утра, ты, дылда неотёсанная,— продолжал, шмыгая и постукивая резиновой дубинкой по ладони. — Мало тебе, как я посмотрю? Ещё надо бы массажных процедур выписать? Так мы это сейчас быстро оформим.

Милиционер неожиданно чихнул, от души чихнул. С громким эхом и соплями. Выронил палку. Бомж бросился ему под ноги и повалил на бетон.

— Беги, сынок! Птичкой-невеличкой лети отсюда,— закричал старик,— задай за нас им всем жару. Беги!

И укусил что есть силы беззубым ртом толстяка за нос. Милиционер завыл.

Богатырь бежал, не оглядываясь. Сначала он слышал за спиной крики, сигналы, топот, но город накрыл туман, и беглец растворился в нём. Голова была ясна и чиста. Туман в неё не прокрался.

Когда Василий выбрался из белой пустоты, город остался далеко позади. Впереди поля и леса его Земли. Богатырь умылся росой. Сорвал на ходу горсть рябины, в это новое утро её горечь бодрила, и он не мог ею насытиться.

Быстрее рейсового автобуса добрался до дома. Сама Мать-Земля помогала идти: мелели болота, выравнились холмы и пригорки, лес сторонился, поля расступались... Прямой дорогой к родному сердцу забору, к калитке, а там ждёт, скучает трактор его, сороковка. «Как батя в шесть лет посадил, так и срослись мы с тобой», — приговаривал часто Василий, починяя трактор.

В доме разулся, попил воды — и сразу к фотографии матери. — Ох и заскучал я по вам, матушка, — поцеловал тёплое стекло портрета, протёр скатертью со стола.

Опустил голову на стол, да так и заснул мгновенно. И сон ему снился из детства, и проспал бы так в окружении стен родных, которые тело и душу лечат дня три, не меньше, только услышал голос матушки: «А паспорт-то, сыночек? Как ты без паспорта будешь?! За паспортом-то поезжай. Да помни наказ матери: в обиду себя не давай! Зло наказывай! Добру способствуй, помогай. Поезжай!»

Проснулся Богатырь, потянулся, поднялся.

— Твоя, правда матушка, — сказал и глянул с опаской на зеркало, что в трюмо, а на лице — ни следа от побоев. Ни синяка, ни царапинки. — На хребтах, значит, и на рёбрах. На костях людских. Пляшете. По слезам материнским и старческим... — словно не своим голосом заговорил Василий. — Восстанут сломанные спины, заживут перебитые рёбра...

Вытащил из нагрудного кармана измятые фотографии на паспорт, выбросил.

Надел всё чистое, материнскими руками сшитое да связанное.

Достал из рамки фотокарточку матери в цветастом платке, поцеловал и спрятал у себя на груди, ближе к сердцу и нательному крестик.

Перекрестился и вышел во двор.

Трактор блестел небесным сиянием в лучах рассветного солнца.

— Друг сердешный, помощник верный, заждался ты меня, вижу, — провёл по резине, по горячему от лучей солнца, капоту. — Работа нас ждёт жизненно важная.

Поднялся в кабину Богатырь, на мягкое сиденье, обтянутое матерью синей, под цвет глаз сына, тканью. Обхватил, в точности как сорок лет назад, ладонями кожаную мягкость руля и почувствовал, как трактор под ним оживает. Как сливаются они воедино.

Стёкла и двери остеклённые вмиг покрылись непробиваемой панцирной плёнкой. Ощетинилась стальными иглами фанерная крыша, и кабина стала неприступной крепостью из живой дышащей брони.

Глушитель превратился в знакомое Василию по сну щупальце, им трактор и открыл ворота, открывая дорогу к городу. Дорогу в новый день. Новую жизнь. Зарычал трактор, оповещая небо. Загудела под стальными колёсами земля. Богатырь откинулся на спину и провалился в мягкую перину внутренностей трактора. И закрыл глаза. Они

всегда были одним целым. Человек и машина. Плоть и железо. И вот слились на веки вечные в день брани.

Сердце Богатыря стало сердцем трактора — железным и бессмертным. Богатырь смотрел глазами-фарами на проносящиеся мимо машины с напуганными в них людьми. Смотрел, как быстро он мчится сквозь поток человеческой жизни, вместе с попутным ветром, вслед за солнцем... И думал о птичке-невеличке. Какая она? Как выглядит? От чего спасается и куда летит? Где найдёт прибежище и спасение?

Так, с мыслями о птичке-невеличке, он и въехал в город. В самый разгар дня.

Анастасия Крылова

15 лет, Красноярск

МАЛЫЙ ПОДКОВОНОС

Победитель межрегионального литературного конкурса имени Игнатия Рождественского в номинации «Малая проза» (среди авторов до 18 лет включительно)

СЕКРЕТ ЁЛОЧНЫХ ИГРУШЕК

В одной сказочной стране Шарапузии жили маленькие человечки — шарапузики. С большими животиками, короткими ножками и маленькими головками. Они очень гордились своими большими, заострёнными кверху ушками и длинными остренькими носиками. Это был очень трудолюбивый народ, умеющий веселиться, радоваться жизни. Но в их стране поселилась злая волшебница Снегоморра. Шарапузики платили ей налоги, чтобы она не наколдowała на них зла. И от этого им жилось очень трудно.

Однажды, не выдержав такой жизни, маленькие человечки отказались платить Снегоморре дань. Это злой волшебнице, конечно же, не понравилось! И она повелела шарапузикам жить в мире людей, в новогодних игрушках, до тех пор, пока какой-нибудь добрый волшебник, которого любят абсолютно все дети, не пожалеет их. Заколдованных человечков сможет увидеть только очень добрый ребёнок, слеза которого упадёт на игрушку с пленником внутри. Но кто же будет плакать в такой праздник?! И так заколдованные шарапузики жили много-много лет. Они видели мир только в новогодние праздники, когда люди украшали игрушками ёлки, а всё остальное время они жили в тёмных и пыльных коробках вместе с другими игрушками. И это продолжалось бы вечно, если бы не один случай.

Заканчивался очередной год. Люди с удовольствием доставали новогодние игрушки, чтобы украсить ими праздничные ёлки. Украсили ёлку и родители маленькой, очень доброй девочки Кати, которая, как и все дети, ждала подарка от Деда Мороза. Но вредные злые мальчишки из соседнего двора сказали маленькой Кате, что Деда Мороза не существует. Девочка подбежала к ёлке и не смогла сдержать слёз. Её слезинка упала на шарик, в котором находился один из шарапузиков. И в этот момент она увидела маленького человечка в шарике.

— Ты кто? — спросила Катя.

— Я шарапузик, — ответил маленький человечек.

— Кто-кто? Шарапузик?! — с удивлением спросила девочка. — Как ты туда попал?

Шарапузик рассказал, что случилось с ним и его народом. Услышав эту ужасную историю, Катя воскликнула:

— Я знаю такого доброго волшебника, которого любят все дети. Это Дедушка Мороз!

— Это тот старик с белой бородой и красным носом, который приносит всем подарки?! — удивился маленький человечек. — Я много раз его видел и даже не думал, что он волшебник.

— Ты его видел?! Значит, он существует! — воскликнула Катя.

— Да, конечно! — сказал шарапузик. — Он приносит подарки, когда вы спите.

— Дорогой шарапузик, не волнуйся, — сказала девочка. — Я недавно научилась писать. Я напишу Деду Морозу письмо, в котором расскажу о вашей беде, и положу его под ёлку. Когда Дедушка Мороз принесёт подарки, он увидит письмо и прочтёт его. Он обязательно спасёт вас.

Катя написала письмо и с нетерпением ждала новогоднюю ночь. И вот он, Новый год! Дед Мороз даже не ожидал, что ждёт его в одной из квартир. Прочитав Катино письмо, он очень расстроился, пожалел шарапузиков и незамедлительно отправился искать Снегоморру. Дед Мороз не боялся её: ведь добро всегда сильнее зла. Найти злодейку было нетрудно, ведь её никто не любит. Когда Дед Мороз прикоснулся своим волшебным посохом к Снегоморре, она превратилась в кусок льда. И её злые чары растаяли. Маленькие человечки оказались на свободе, в своей любимой стране — Шарапузии.

Малый Подковонос

Привет, друзья! Я — малый подковонос, очень редкий и уязвимый зверек, из всех летучих мышей самый милостивый и занимательный. Почему подковонос? Открою вам свой секрет: на моей мордочке есть подковообразная пластинка — отсюда и название.

Я самый маленький из всех подковоносов: длина моего тельца равна длине человеческого пальца, а вес — всего пять-девять граммов. Зато у меня остроконечные ушки и длинные сильные ножки, с их помощью я могу удерживаться на сводах пещер. А главное — у меня есть крылья, широкие и округлые; представьте себе, их размах составляет девятнадцать — двадцать пять сантиметров. И хотя я летаю довольно медленно, не особенно ловко и невысоко над землёй, крылья помогают мне маневрировать во время полёта. И во время ночёвки они приходят мне на помощь: я так плотно закутаюсь в них, что никто и не поймёт, что это летучая мышь.

Раньше я жил на Кавказе, потому что там тепло. Убежищем для меня были пещеры, дупла деревьев, развалины и чердаки заброшенных домов. Ночью я бодрствовал: в поисках пищи охотился на мелких бабочек, мух и мотыльков. А днём отсыпался, но, почуввав опасность, быстро просыпался и улетал.

Самыми страшными врагами я всегда считал лесную куницу, ястреба и сову. Но оказалось, что люди ужаснее любого хищника.

Приближалась зима. Наша колония расположилась в большой пещере, повиснув на потолке вниз головой. Но неожиданно в пещере появились люди. Увидев летучих мышей и почему-то испугавшись, они с криками набросились на нас. Подковоносы проснулись и попытались спастись бегством. Но тщетно. Оказавшись на морозе, мои сородичи погибли. Я проснулся последний, в страхе заметался и поранил крыло о выступ. Но это спасло мне жизнь: люди меня подобрали и отдали в питомник.

Так я и оказался в неволе. Вроде бы у меня есть всё, но жизнь в клетке не заменит свободы! Я стал раздражительным, злюсь, когда дотрагиваются до меня, нервничаю при виде посетителей, которые почему-то смеются надо мной, тычут пальцами. За мной хорошо ухаживают, но я хочу домой! Не бойтесь нас, люди, не обижайте нас, ведь мы такие маленькие, беззащитные, беспомощные, мы тоже имеем право на жизнь! Жизнь на свободе! Нас осталось очень мало. Мы можем исчезнуть, если вы нам не поможете, не защитите, не научите нас понимать!

МОЙ АСТАФЬЕВ

Каждое литературное произведение имеет своё предназначение и несёт особенный смысл. Многие писатели и поэты посвящали и посвящают свои произведения природе родных мест, своим землякам. Для жителей Красноярского края таким писателем является Виктор Петрович Астафьев. Коренной сибиряк, не понаслышке знающий особенности крестьянской жизни, всегда очень точно описывает жизнь людей и животных. Недаром его слово называют «сверхточным»! Каждый его рассказ, каждая «затесь» учит нас чему-то очень важному, жизненному.

Для меня всегда было большим вопросом: почему же на улицах городов так много мусора? С детства я знала, что для любого мусора есть специально отведённые места. Я никогда не выбрасываю ничего на улице и стараюсь не допускать, чтобы это делали другие люди. Благодаря «затеси» Виктора Петровича «Костёр возле речки» я поняла, как важно, что есть люди, которые ухаживают за природой, убираются «за нами, за поганцами» и ничего не требуют взамен! Захватывающим диалогом Астафьев дотронулся до глубины души читателей. Я думаю, многие, прочитавшие эту «затесь», подумают, прежде чем бросить фантик, бутылку или какой-нибудь другой мусор.

Как правило, мы не задумываемся: почему после встречи с одним человеком нам становится плохо, неудобно, тяжело; а после встречи с другим — радостно и хочется жить? На этот вопрос я смогла ответить, прочитав «Приветное слово». Простое «здравствуйте», сказанное с добром, с улыбкой на лице, может полностью изменить твоё

настроение. И ты в унылом и неприглядном увидишь прекрасное. Доброе слово и хорошее настроение, как бумеранг, всегда возвращаются назад! Астафьев своим произведением говорит: «Дарите хорошее настроение людям!»

Благодаря «затеси» «И прахом своим» я поняла, как много дают нам родители. Маленькая ёлочка жила за счёт пня (скорей всего, когда-то этот пень был её родителем). «Мелкие корешки сосали влагу из мха, и потому он был такой линиялый, а корешок центральной ввинчивался в пень, добывая пропитание... И когда от пня останется лишь одна труха и сотрутся следы его с земли, там, в глубине, ещё долго будут преть корни родительницы-ели, отдавая молодому деревцу последние соки». Так и наши родители, не жалея себя, отдают всё нам — своим детям! Нужно ценить это! Они не только дарят жизнь, но и стараются, чтобы эта жизнь была лучше! Я уверена, что Виктор Петрович именно это хотел донести до нас.

Маленькие произведения Астафьева недаром названы «затесями». Затеси — это зарубки на дереве, с помощью которых не заплутаешь. Так и «затеси» Виктора Петровича оставляют следы в душе, благодаря которым люди могут найти правильный путь.

Владлен Белкин

Альманах «Енисей» поздравляет Владлена Николаевича с 85-летием! Он построил красивейший город Дивногорск, создал поэтическую летопись своего времени, помог многим начинающим авторам — жизнь прожита не зря.

Город

В фейерверке огней и закатов,
 В испулённом круженье колёс
 Полон таинства и загадок,
 Дерзких дум и невысказанных грёз.

Словно сфинкс, на земле возлегая,
 В лязге, песнях, в поту и крови.
 Простакам напоказ выставляет
 Мишуру и соблазны свои.

Но в зашторенных каменных клетках,
 Как бессмертье своё, бережёт
 Человеческих душ самоцветы
 И неистовой мысли полёт.

И червонного золота розы
 В малахитово-сочных листах
 Из обломков презреннейшей прозы
 Расцветают в искусных руках...

Мир тебе, неуёмный кудесник,
 Мир отчаянным чадам твоим,
 Неба ясного, ласковых песен
 И спокойствия старцам седым.

В лабиринтах бетонных блуждая,
 Я надежды в себе не гашу:
 Может, чью-то печаль угадаю,
 Может, чью-то слезу осушу.

ИЗ ЦИКЛА «САЯНСКАЯ СКАЗКА»

Я лез по древу... в синь небес.
Как чёрт в смоле. Сдирая шкуру,
Я лез...
Упрямо в небо лез!
На то решившись, видно, сдуру.

Лез, извиваясь по стволу,
К коре шершавой прижимаясь,
За сучья ломкие цепляясь,
Лез
В вышину.

И вот она — вершина кедра!
Я горным воздухом дышал...
Меня покачивало ветром
И дух таёжный обвевал...

И мнилось мне:
В лодчонке утлой
Лечу меж небом и землёй,
И ослепительное утро
Взмывает парус надо мной!

И осенял меня Всевышний...
И отпускал охранный страх...
А фиолетовые шишки
Раскланивались на ветвях...

И вниз спускаться не хотелось,
Где ждали жалкие грехи,
Где чёрная чащоба прела,
И гнус плодился озверело,
И жирно зеленели мхи...

Хотя в победном упоенье
Подстерегало беглеца
Одно движенье —
До паденья,
Одно мгновенье —
До конца.

13 апреля 1990

УЛИЧНАЯ СЦЕНКА ЭПОХИ НТР

Дали в зубы. Ткнули чем-то в бок.
И смылись...
Растворились, словно в тучах сизый дым.
То ли счёты с кем-то старые сводились,
То ли чем-то не понравился он им...
И лежал среди толпы оторопелой
На планете, именуемой Земля,
Тот парнишка, молодой, в рубахе белой,
Непослушными губами шевеля.
Крови струйка по транзистору стекала,
Что сжимал ещё он...
Капало с небес.
Было тихо. Только дикторша вещала
Про научный и технический прогресс.

1976

ПАРАДОКС СКОРОСТИ

Скорей! Ещё скорее!
Всюду поспеть сумей.

Чем движители мощнее,
Тем отчуждение грозней.

Мимо селений, мимо
Сосен, старух, детей...

Памятью
В позах мима
Скомканы кадры дней.

А трасса навстречу мчится,
И с теми, с кем век вековать,
Некогда подружиться,
Глянуть в глаза,
Помолчать!

Подлог

Надо ж было людям так нелепо
Обойтись с божественным житьём:
Потолками заменили небо,
Быгом подменили бытиё...

Мечутся. По торжищам снуют.
Тащат в норы сумки, тряпки, вещи...
Торопливо на ходу жуют,
Думая, что истинно живут,
Веря зовам вящим, а не вещим.

А глядишь — уже кого-то смерть,
Как мошку, ладошкой прихлопнет,
И мираж, как детский шарик, лопнет:
Гольшом лежат — и пан, и смерд...

И уже наследники-орлы
Волокут на свалку хлам ненужный
И, кряхтя, торопятся натужно
Новым хламом забивать углы.

И привычно катятся года...
И опять же люди не внимают
Истинам, что сердце им вещает,
Зовам, что в ночи дарит звезда.

14 декабря 1998

* * *

Не плодите бескрылые мысли.
Не кормите унылые чувства.
В грозные рваните выси!
Окунитесь в майское буйство!

Не скулите, что тлен и бренность
Наши помыслы и деянья,
Есть и в них красота и ценность,
А не только грязь и страданье...

Заковырка — в пустяшном деле:
Что с собою берём в дорогу?
И к какой устремились цели?
И какому молимся богу?

28 мая 2000

СОЧИНЕНИЕ...

Война. Сибирь. Зима. Наш класс холодный.
Сажу за партой, сгорблен и угрюм.
И выхожу: «...дорогою свободной
Иди, куда влечёт... свободный ум...»

На пальчики замёрзшие дыша,
Изведавшая горяшка немало,
Учительница — светлая душа —
Нам Пушкина в ту зиму открывала...

И явленное ей издалека,
Звучащее то нежно, то сурово,
Отогревало пушкинское слово,
И распрямляла гордая строка.

И вечность раздвигала окоём.
Манили даль и небо грозное.
И шёл я в жизнь завещанным путём
За неизбывно-памятной строкою.

Бывает пошло от постылых дум.
Дух омрачён бедою всенародной.
Но тою же дорогою свободной
Иду, куда влечёт свободный ум!
Не ведаю, к какому рубежу
Дойти
Дано с друзьями, в одиночку...
Но это сочиненье допишу.
А там —
Пускай Всевышний ставит точку.

25 сентября 1998

ПОЖЕЛАНИЕ РОВЕСНИКАМ

Живите крылато и долго,
Не загасив свечу.
Идите велением долга
По солнечному лучу.
Над бездной оледенелой,
Смрадом гнилых болот,
Сквозь тупость толп озверелых
И душную тьму —
Вперёд!

А чистое устремленье,
А вера, любовь, труд
В бестолочи столпотворенья
Над прахом вас вознесут.

25–26 ноября 2005

ОБРАЩЕНИЕ К РОВЕСНИКАМ

*Жил-был царь. У царя был двор,
Во дворе был кол. На колу — мочало.
Не начать ли нам сказку сначала?*

Что, умножая вечные обманы,
Оставим мы в квартирках-конурах?
Изжёванные жопами диваны?
Пустыню духа? Окаянный страх?..
А внуки что —
Опять тот бред продолжают
В самодовольной детской слепоте?
А кто иную заповедь предложит,
Того распнут привычно на кресте?!..
.....

Бездонна высь.
И беспредельна даль.
А мы
Гниём и тонем у причалов,
Преумножая глупость и печаль,
И молимся колу
С его мочалом.

2005

ГИМН СИБИРИ

На полсвета распахнув угоды,
В добрые и злые времена
К сказочным пределам Беловодья
Ты всегда была устремлена...
Потому и щедро одарила
Сыновей своих и дочерей
Широтой душевною, и силой,
И любовью огненной своей!

Дальняя кандальная дорога,
Хмурые бараки лагерей
Были тебе посланы от Бога:
Остудить тщету людских страстей.
И не зря, когда во лжи и тленье
По европам бесится «прогресс»,
На тебя нисходит озаренье
И благословение небес.

Я стою посередине мира,
Азиат, с живым огнём в крови,
И моя рокошущая лира
О великой говорит любви...
За твоё, Сибирь, великолепье
Всё я, грешный, вынести готов,
Только б вековали в синем небе
Белые соборы облаков...

15–30 мая 1999

* * *

Стал с ошейник вольный окоём...
Небо тучно кучами клубится.
Лужи шевелятся под дождём,
Как большие серые мокрицы.

А малыш шагает напрямик,
Шаловливо топчет их ногами,
Бабушкин презрев истошный крик,
И несёт улыбку, словно зная!

И преображалось всё вокруг...
И озонной свежестью дохнуло...
И сквозь тучу сумрачную —
Вдруг! —
Солнце ему руку протянуло.

9 августа 2006

МОНОЛОГ ДУМАЮЩЕГО СОВРЕМЕННОГО

Все спешат, спешат, спешат...

А зачем?

Все бегут, бегут, бегут...

А куда?

Словно видится им Ноев ковчег.

А дороги-то ведут не туда...

Кроме липкой паутины реклам,

Есть ещё химеры: мода, престиж...

В соболях гуляют кривда и срам.

Перед этим всем ну как устоишь?!

И с утра до ночи «крутишь» дела...

Золотой и в снах владычит телец.

А заглянешь в душу —

Выжгло дотла!

Пустота...

А там и бегу конец.

2007

СТАРЫЙ ВАЛЬС

(Исповедь ветерана)

Кружится, кружится снег целый день за окошком.
Кажется, всё онемело в плену тишины...
Вдруг за стеной старый вальс заиграла гармошка,
Тот, что мне в душу запал с той далёкой войны.

Ты, мой внучок, над слезой стариковской не смейся,
Просто, что связано с ним, позабыть не могу...
Юны мы были. И между боями в Полесье
Я этот вальс танцевал с медсестрой на снегу.

В пекле войны, среди крови, смертей и разрухи,
Мы оставались людьми до последней черты.
И укрепляли наш Дух среди горя и муки
Родина, дружба, любовь, красота и мечты.

Пусть же кружится снежок до утра за окошком,
Стал для меня он сегодня и дорог, и мил.
Если бы знал мой сосед со своею гармошкой,
Сколько же света он в сердце моём воскресил.

27 июля 2008

Василий Забелло

* * *

Торчат стволы, объединенные палом,
 Но пугника не трогает печаль:
 На месте пепелища в блеске алом
 Цветёт, благоухает иван-чай!

Пойду куда? Зачем? И сам не знаю!
 Русь велика, нечитано дорог.
 И всё же возвращенье загадаю —
 Монетку закопаю под порог.

Простите все, кого в пути обидел...
 Забросит ветер семя невзначай —
 Я к вам вернусь черёмухой в обитель
 Иль обернусь, как пепел, в иван-чай.

У БАЙКАЛА

На берегу глухом Байкала
 Я у костра сижусь один.
 И жемчуга крутого вала
 К ногам швыряет баргузин.
 То там, то здесь лежат колоды
 В оплывах гальки и песка.
 Как раздражение природы,
 В груди звериная тоска.
 Охвачен гибельным пространством,
 В огне смятенных чувств и дум,
 Пред сим божественным убранством
 Не так ли плакал Аввакум?

Не так ли пращур курыканин
 От ветра суживал свой взгляд?
 ..Волна окатывает камни —
 Тысячелетия гремят.

* * *

О чём шумят веками кедр
И в родниках звенит вода?
Иду тропой, заросшим следом,
Пробитым в давние года.

Когда-то здесь чалдоны-предки
К Байкалу вышли — мрачны, злы...
Но заметил глаз их меткий
Для срубов звонкие стволы.

И здесь, у стоп Хамар-Дабана,
Неся двуперстие ко лбу,
Прапрадед мой Василь Чалпанов
Задумал выстроить избу.

Он понимал: тайга прокормит,
Вот только бы хватило сил!
И, словно кедр, пустил он корни,
Детей, как саженцы, взрастил.

Давно ушла та жизнь в былое.
Но у чалпановских могил
Её движение живое
В своих я жилах ощутил.

ВЫСОКОГОРЬЕ

Лица касаясь и руки,
Оборванные ветром,
Скользят бесшумно лепестки
По тонким струям света.

Так отцветает кашкара
По склонам над тропею.
И птахи юркие с утра
Поют над головою.

А ты, чуть ноги волоча,
Бредёшь домой усталый
И отдыхаешь у ключа
Под тенью пихты старой.

ЛЕДОСТАВ

Встал на мысу растянувшийся поезд,
Снегом забило состав.
Ветер с Байкала студён и напорист,
Грозен Байкал в ледостав.

Стужа берёт его долгим измором,
Льдины на берег ползут.
Тянутся тучи над взбешенным морем,
Чёрные, словно мазут.

В белые дали зияющей раной
Врезан кипящий Байкал.
Но зажимается вскипень буранный
В крепкий ледовый оскал.

За ночь улягутся гневные силы
В груды прибрежного льда.
И по сверкающей снежной России
Снова пойдут поезда!

Поутру баба накормит скотину —
Невероятная тишь...
Вот только жаль — поломало рябину.
Разве за всем уследишь?

* * *

В колке забьётся, заплачет желна,
Ей не встревожить осеннего сна.

Хлынет печаль, не смахнуть рукавом:
Там, за опушкой, родительский дом.

Донник по окна, бурьян да репей...
Вот и прошёл я оградой твоей.

Только не смог я в окно заглянуть,
Вечный покой побоялся вспугнуть.

Баня. Колодец. За полем лесок.
Светит берёзка, как мамин платок.

Поздние слёзы — сыновний удел.
Мало любил её, редко жалел...

* * *

Быстро надвинулся вечер осенний.
Холодно, сыро в опавшем лесу.
Еле заметные тощие тени
Метят по краю тропы полосу.

Солнце горит, как свиное око,
Медленно гаснет в брусничном яру.
Слышно далёко: желна одиноко
Стонет, как плачет, в замшелом бору.

Выкатит месяц серебряным слитком,
Тихо, задумчиво станет сиять...
Вот и твоя заскрипела калитка —
Ставни идёшь затворять.

ЛЕБЕДИ

Я в холод полуночный вышел,
Отточенный месяц блистал...
Летели так вольно над крышей —
Казалось, рукой бы достал.

Скользили над родиной низко:
Грёб каждый — в два белых весла.
О чём-то нескáзанно близком
Лебязьи шептали крыла.

Вокруг ликовала природа,
Из почки выстреливал лист...
Была остановка завода,
Был воздух и сладок, и чист!

Впервые вдруг выпала свежесть
На долю лебязьей судьбы —
На фоне гольцов белоснежных
Три грозных молчали трубы.

Байкала зеркальные воды
Моё отражали село...
Впервые за многие годы
В наш край лебедей занесло.

* * *

Мне мама сказала: твою отравили собаку...
Сидишь ты угрюмо. стакан в кулачище зажат.
Я вижу, немало сегодня над нею ты плакал...
Прими же сочувствие, брат.

О, как его уши сторожко и остро торчали!
Живые глаза освещались глубоким умом.
Казалось, без слов они с ясностью всё выражали:
И горечь ошибок, и радость за общим трудом.

Звучало в нём эхо охотничьей древней пищали,
Как нёсся за соболем, чутко срезая углы...
Ты знаешь, братишка, талант никому не прощали,
И даже собаке таланта простить не могли.

* * *

Распахнулись врата в скитский храм небольшой,
Богомольцы пошли, отпуская поклоны...
Вместе с ними и я с покаянной душой,
Всё мирское отринув, молюсь на иконы.
В суете безоглядной я тратил года,
Благо вышел на свет к алтарю и приходу...
А вокруг всё росли и росли города,
Но тянулась душа к промолённому своду.
Долог путь от калитки до скитских ворот,
Но звучит благодатная песнь херувимов,
И, спасаясь, стоит осенённый народ,
Тёплой дланью Христовой хранимый.

Духовник-прозорливец, скажи мне, скажи!
Ведь не зря я стремился в святую обитель:
Уготована ль тайна для грешной души,
И как долго со мной будет ангел-хранитель?..

Николай Ерёмин

Воскресший Енисейск

1.

Разрушенные храмы Енисейска
Мне видятся во сне и наяву.
Сибирь... Эпоха зла и фарисейства.
И я каким-то чудом здесь живу.

2.

Сверкает церковь над рекой,
Простор и солнечный покой...

И, раздвигая небосвод,
Гудит наш тихий теплоход...

А на пологом берегу
Мальчишки машут и бегут...

И молвит мне сосед седой:
— Как хорошо-то, Боже мой!

3.

Я проснулся не поздно, не рано
И услышал — вдали от столиц —
Звонкий зов енисейского храма,
Щебетанье невидимых птиц...

Вопреки всем душевным невздам,
Отражаясь в волне и в строке,
Долго плыл я сюда теплоходом
По великой сибирской реке.

И «спасибо» шептал Енисею,
Усмиряя тревогу и злость...
И теперь ни о чём не жалею,
Что ещё до сих пор не сбылось.

4.

Здравствуй, город Енисейск!
Как давно мы не видались.
Ты возник в речной красе,
Не стареющий на зависть.

Здравствуй! Я дождался дня.
Как судьба ни колесила,
Вновь с тобой свела меня
Нас связующая сила.

Ах, какая благодать —
Слышать благовест знакомый...
Заглянуть в твои иконы
Ты зовёшь меня опять.

И в глаза мне посмотреть,
И продлить земную радость.
Дальше некуда стареть,
Дальше — вечность, дальше — святость...

5.

Енисейск задумчив и спокоен...
Сколько здесь звучало вольных слов!
Сколько было сбито колоколен!
Сколько было сгублено голов!
Сколько поросло травой забвенья
Очагов в моём родном краю...
Кандалов заржавленные звенья
На песке прибрежном узнаю.
Как была легка моя походка!
Как спешил я навестить друзей!
Ах, как тяжела моя находка...
Что ещё подаришь, Енисей?

6.

Я в храм вошёл в медлительной печали
И встал, повинно голову склоня...
Иконы, опалённые свечами,
Из древности взглянули на меня,
Уставшего от всех переживаний,
Болезненных сомнений и тревог,
От бесконечных мыслей и желаний,
Которых я в себе не превозмог...

Светились в темноте святые лица,
Я шёл за ними — от стены к стене,
Чтоб навсегда друг в друге отразиться...
О этот свет! Он не угас во мне.

7.

Помнишь, нам открылся купол храма —
И возникла в сердце благодать.
И петух вскричал... Но, как ни странно,
Я не смог тебя поцеловать...

Милая, чего жалеть? И всё же —
О неповторимый этот миг!
До сих пор мороз дерёт по коже,
Как слышу петушиный крик...

Помнишь, я пытался улыбнуться
Там, на енисейском берегу...
О, хочу, хочу туда вернуться!
Но один вернуться не могу.

8.

Где до боли сердцу близкая
Енисейская, игарская
Красота твоя сибирская,
Доброта твоя дикарская?

На земле или на небе ты?
Нет как нет желанной весточки.
Пролетели гуси-лебеди,
Журавли, грачи и ласточки...

Грусть-тоска необычайная,
Длится жизнь, ничем не радуя.
Слышу пение печальное,
Хоть и выключено радио.

Где твоя улыбка нежная?
Где дыханье мимолётное?
Вижу поле белоснежное,
Бесконечное, холодное...

9.

Мне одиноко днём и ночью.
Бегущий от себя, в бегах,
Я задохнусь и жизнь окончу
На енисейских берегах.

И по традиции житейской
Шепну: — Прости, судьба моя!
И вмёрзну в лёд у Енисейска,
И стану пищей воронья...

Но лёд растает в день погожий,
И унесёт меня волной...
Мои стихи найдёт прохожий
В размокшей книжке записной:

«Над Енисеем ветер веет —
Дыши, живи и не жалея!»
Он их прочтёт и пожалеет,
Что мы не встретились, ей-ей...

10.

Енисей, морозом скован,
Спит без памяти во льдах...
В Енисейске к слову слово
Примерзает на губах.

Но не ждёт меня хвороба,
И «Как выжить?» — не вопрос.
Я иду среди сугробов,
Сам — сибирский Дед Мороз.

За плечами — лишь котомка.
Ни двора и ни кола.
Хорошо звенит позёмка,
И звенят колокола!

Хорошо, красой любуясь
Небывалой старины,
Постучаться в дверь любую
И остаться до весны!

11.

Что со мною творится такое?
На душе — тишина, благодать.
Ни любви, ни тепла, ни покоя
В этом городе не занимать.

Отдохни, моя древняя лира!
День и ночь — сам себе господин —
Отрешённый от шумного мира,
Зиму я скоротаю один.

Запотела оконная рама,
Снегом улица занесена.
С колокольни Успенского храма
Перезвон... И опять — тишина.

12.

Ау! Весенний Енисейск...
Я снова слышу, удивлённый,
Твоих невидимых церквей
Пленительные перезвоны...

Ты вновь воскрес в моей душе,
Где было жертвенно и пусто.
Чу! Отзываются уже
И мысли новые, и чувства...

В деревьях — птичий тарарам,
Понятный мне, на удивленье.
И перед входом в Божий храм
Сквозь слёзы — ангельское пенье...

13.

В Енисейске — особая аура:
И поспрашивать, и согрешить!

Никакая рабыня Изаура
Не смогла б здесь монашкой прожить.

Как я рад енисейскому празднику!
И хандру он сбивает, и спесь.

Неспроста мне, безгрешному страннику,
Так покаяться хочется здесь...

Ольга Левская

* * *

Туман тончится, прорывается местами.
 В прорехах — плечи гор и гор макушки.
 Я примеряю этот вид к старинной раме,
 что представляется мне каждый раз ненужной,
 но неизбежно возникает. Мне мечталось:
 окно, и горы, и стекло без перекрестий.
 Есть — горы и окно, осталась малость —
 лепная рама. Я живу в красивом месте,
 где мне по-разному слагают каждым утром
 картину: маслом, тушью, темперой, сангиной...
 То акварельные потёки с перламутром,
 то скоровязанный платочек-паутина,
 то нежный абрис гор с приветом из Китая,
 парящей сбоку неопознанной моделью,
 в которой я ворону не узнаю,
 про чаек думая за чаем в понедельник.
 Туман спадает, открывается стыдливо
 курчавый берег с обнажёнными домами,
 чьи крыши плоские текут неторопливой
 волнистой рябью параллельно мыслераме.
 В центральной части, каждый раз почти внезапно,—
 стихия инь в сибирской щедрой ипостаси,
 как кошка, сонно простирающая лапы
 на покрывале. Что есть мир?— Синоним счастья.

ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ

А ты опять попала на любовь —
как попадают на кино в семнадцать,
сеанс для взрослых, Индия, улов
усталых стен, где даже целоваться
неинтересно — весь сеанс ты ждёшь,
когда откроют боковые створы,
и через них в постылый зал, где дрожь
от скрипа половиц — не от набора
румяных штампов старого кино
(целуются-брачуются-танцуют...
разлука, вновь разлука, милый, дно,
какая му́ка, он её целует),
ворвётся, зноем праздничным прогреет,
беспечный вечер (день до выпускного).
И ты умчишься прочь, и столько лет
не вспомнишь фильма-Индии-улова.
И вот — по истечении песка —
сосуд исполнен нижний, верхний звóнок,
занесена над колбами рука,
измерен новый срок... И вдруг спросонок
ты вспоминаешь: был оставлен тот,
из-за кого случились фильм и стены,
и весь твой ныне взрослый быт и ход
вещей несут печаль, печать измены
несбывшемуся — слитому в сосуд
песчаных дюн из недр стеклянной твари,
чьи бёдра мечут в такт икру минут,
где тот, где ты, вы оба опоздали;
сеанс прострочен буквами конца,
уютно спит, свернувшись вокруг бобины;
на спинке выцарапывать сердца
уже неактуально, поздно, длинно...
Поэтому — полётом мотылька
стеклянного любишься и веришь:
его поймает нужная рука,
встряхнёт, поставит, скрипнут створы-двери,
и ты получишь этот шанс — сеанс
индийский, музыкальный, сладкий, липкий,
и поцелуй, и дальше, и романс,
и скрипку — не забудьте, гады, скрипку...

* * *

Как тебе можется, как тебе любится?
Время течёт нарисованной рыбицей:
Плавно — по брюшку, в излом — плавником.
Тоненькой кожицей, нежной скорлупицей,
Чётным-нечётным ромашка улыбится —
Память ненужное кроет. О ком
Помнишь и ведаешь, даже без отклика,—
Дети, пирожные, запах малиновый,
Боль в пояснице, ломота в боку,
Время преследуя — жив ещё вот пока,
И невозможное слито в единое —
Нет, не напиться броском на бегу.
Как тебе любится, как тебе можется?
Время течёт протухающей лужицей,
Еле колышет усталую гладь.
Это окупится, это отложится...
Время стоит нарисованной рожицей —
Стрелки-усы и лицо-циферблат.

БИБЛЕЙСКОЕ - I

Время стоит в утомлённых трудами ладонях.
Влажные древа друг в друга ветвями врастают.
Нежно ступают стада по зелёному склону,
и к горизонту летят бесконечные стаи.

Рыбы парят над седой широтой океана,
переплетаются с птицами встречным движеньем.
Каждый и каждая ищут сейчас неустанно
в наново скроенном мире своё отраженье.

Яблоки зреют в тени безымянного сада,
яблоки катятся вниз, и под деревом в долине
змеем Ньютонова тень ожидает награду —
формулу тяги к весомой своей половине.

Яблочный Спас угощает вареньем из долек,
Ева добавит немного корицы и мёда,
и улыбнётся Адам — он сегодня доволен
тем, что обрёл притяжение и несвободу.

БИБЛЕЙСКОЕ-2

Он спит. Ему снятся медовые скалы,
покрытые рябью, как старые руки,
и места во сне непростительно мало —
не втиснутся степи, и волны, и муки

души, что осталась без крова — без хлеба,
где можно родиться в парные ладони
и ждать появления северной первой,
ногами суча по холодной попоне.

Нет места во сне. Улыбается дева,
склонившись над новым вместилищем искры,
и в кухне качается маятник, слева
направо плетутся ленивые мысли,

что надо сварить, перештопать... Врачиха
заглянет, распутает ситец и марлю,
ощупает мелкое тельце, и тихо
заплачет младенец — ведь места так мало

во сне. И в котомке, завязанной прочно
на маленький узел, залитый зелёной,
свернётся уютной улиткой бессрочно
живущая в мире, и толстом, и тонком,

прошедшая новый виток пуповины
душа, путешествие чьё бесконечно.

А дева склонится над плачущим сыном,
и запахом тёплым, и сонным, и млечным

окутает, и укачает устало,
и снова вернётся к домашней доуке.

Он спит. Ему снятся медовые скалы,
покрытые рябью, как старые руки.

ОКЛИКИ КРОВИ *(Триптих)*

I. СИБИРСКИЙ ОКЛИК

Ираиде Сидоровне

На моих фотографиях всё чаще вижу
черты сибирской бабушки. Она всё ближе.
Бабушка вставала рано, одевалась просто,
была полной, невысокого роста,
в молодости один раз побывала в Сочи,
родила сына и двух дочек, вырастила двух дочек.
Боялась остаться без деда. Умерла раньше деда на восемь лет.
Сохранил фотосвет
последнюю встречу, где в её день рождения мы трое —
она, моя мама, я, — единые кровью,
стоим, обнявшись, разные, как три стадии развития бабочки:
личинка, куколка, окрылённая бабушка.

II. ЮЖНОРУССКИЙ ОКЛИК

Бубочке

Моя южнорусская бабушка играет на пианино,
ищет у букинистов книги, которые любила,
когда мой папа ходил в бархатных штанишках.
Так некстати вышло,
что дедушка умер, оставив свою Верочку,
кудрявую девочку.
Её, с мамой и сестрой, уже оставил папа —
пожилой полуполяк попал в лапы
Второй мировой. Обглоданный Первой,
он был увезён и побоялся повтора —
возвращения из плена в обтянутые колючкой просторы.
Потом мой отец в поисках себя и смысла
уехал в Сибирь, там остался, женился —
тоже оставил бабушку, хоть и невольно.
Так одиноко. Больно. Не больно.
Потом, после стольких вместе прожитых лет,
её оставил мой заботливый дед.
И трижды оставленная,
оставленная,
оставленная Вера
живёт в южном городе
и каждое утро верит,
что она на редкость счастливая, конечно:
любимая
Бубочка, мамочка, доченька, Верочка.

III.

Что досталось от востока?
Выступ скулы, форма ока,
нюх на ветер, слух на лживость
и души неторопливость.

Что от запада досталось?
Бодрость членов, дум усталость,
бесконтрольное пристрастие
к чудачкам и зову счастья.

Что от южного предела?
На коне посадка, смелость
в разговоре и раздоре,
страх поддаться страху в споре.

Что от северного моря?
Память въетой в руки соли,
вера снам, в которых предки
делят кровотоки и клетки.

И прадогерь в мир уходит
шумом четырёх мелодий.
И стремится понемногу
уложиться в рифмы Бога.

* * *

Почём нынче райские яблочки? Полцены?
Опять раздаются только в комплекте со змеем
воздушным для стратосферных взлётов из глубины
любовного омота? Нет чтобы поскромнее —
но долше, но тише, но мягче. Шкалу высот
меняю на горизонт с нулевым рельефом.
Пока облака модернируют мой прилёт
обратный — но как-то уж очень заносит влево.
...Посмотрим, что есть в карманах и чем платить.
Наличного вряд ли и на ползёрнышка хватит.
А — всё-таки — взвесьте? Может, по карте — в кредит?
Поэтам бесплатно? Тогда — всё что есть — дайте.

Сергей Ставер

Эта подборка могла быть прижизненной, но не успела. Яркий поэт и человек с распахнутой душой ушёл от нас, не дожив до шестидесяти семи. Редакция уверена, что память о нём останется надолго.

* * *

Зачарован и завьюжен
Лес. На окнах кружева...
Разделяю с грустью ужин,
Пью ненужные слова.

Не печали укачали,
И не годы развели.
Всё не клеилось в начале,
В белой тюлевой дали.

Не связались ленты радуг
В алый бант любовных чар.
Видно, выпил много яда
И навеки замолчал

Мой восторг, и вот поныне
Не горит его огонь.
Белый снег и белый иней —
И забытая гармонь!

Умерла, замолкла хромка,
Не развёрнуты меха...
А когда-то пела громко:
«Хо-хо-хо» и «ха-ха-ха»!

* * *

Не вечен ты, но вечностью отмечен
Твой первый крик, раздавшийся из уст...
Нам рок взвалил тяжёлый крест на плечи,
Как самый важный, самый нужный груз.

И ты идёшь, как докер, как биндюжник,
Неся из трюма сердца крик и боль
И точно зная: женщине не нужен,
Как не нужна ей нищего любовь.

И пусть в ревушем море непокоя
Тиха твоя зелёная волна,
Я знаю: море полнится рекою,
Душа — огнём, а музыкой — струна!

Строкой — строфа, а вечностью — страница,
Рассказом страстным дышит каждый лист!
Мы родились, чтоб чувствами пролиться,
Мы для любви и счастья родились.

* * *

Иду домой; мне надо торопиться
В мой милый край, последний мой оплот.
Я в дом вернусь из странствий белой птицей,
Прервав судьбы изменчивый полёт.

Иду домой; мне надо прикоснуться
К перстам родных, и радость обрести,
И детства чай отхлёбывать из блюда,
И слышать голос: «Милый, не грусти».

Ждёт сад меня, тоскуя в синих росах,
И тополя шумят о прежних днях...
Иду домой; в руках сума и посох,
А за спиной — уснувший березняк.

Иду домой; мне всё в далёком мило —
И легче жить, и радостней дышать...
Но плачу я, что звёзд не сохранила
Моя толпой убитая душа.

ЗАПАХИ ДЕТСТВА

Ух, как сладок детства запах,
Дух клубничных пирожков!
Солнце катится на запад
С кручи белых облаков.

Солнце катится и плачет
О невызревшей судьбе,
Самый добрый в мире мальчик,
Не доставшийся тебе.

Ожерельем изумрудным
Его девочка горда...
Только в детстве может чудом
Быть студёная вода!

Только в детстве, только в милой
И родимой стороне
Самый тонкий запах тмина
Удалось запомнить мне.

* * *

Жарковое пламя полянок,
Лазоревый пир васильков...
Влюблённый, весёлый, желанный,
Пью влагу родных родников.

Прохлада, как юная дева,
Целует мне щёки и рот.
Весна в малахиты оделась,
По роще со мною идёт.

Прижмётся бочком — захмелею!
Коснётся цветком — запою!
Я каждую ветку лелею,
Как будто невесту свою.

Я к каждому листику — с лаской!
Я каждой травиночке рад...
Пусть век не кончается сказка,
Не блёкнет весенний наряд!

* * *

Рассвет с годами видится желанней,
Чем был вчера, когда я был нестар...
Опутан быта скучными делами,
Я говорить о чувствах перестал.

И всё, что было ближе и дороже,
Тускнело как-то в суетности дня.
Железной дверью вырастал порожек
И не пускал в заветное меня.

И, от души текучкой ограждённый,
Я жил во сне, как тысячи других...
Но крик любви, страданием рождённый,
Вернул мне разом самых дорогих.

Любовь к любви мне двери отворила,
И я зажёл остывшую зарю...
— Господь с тобой, — мне мама говорила...
— Господь с тобой, — я сыну говорю.

* * *

Как непросто начинать сначала
И вершить по совести дела,
Чтоб душа достоинством звучала
И других на подвиги звала!

Трудно быть поэтом и пророком —
Рассказать, как истину спасти...
Трудно быть народом и с народом,
Напролом к спасению идти.

Трудно жить, растратив свет и силы
На пустых вождях и королей.
Трудно жить дерзающим в России,
Вне её — стократно тяжелей!

* * *

Всё прошло... И в травинках росных
Шелестит грустный вздох былого.
Облетело увядшей розой
С уст моих золотое слово.

И скатилось слезой горючей.
Лепестки задрожали, плача...
Ты разлукой меня не мучай,
От меня в небесах не прячься.

Если б мог, то до звёзд бы допрыгнул,
Только мне не подняться в небо.
Пролистал я земную книгу
Добыванья любви и хлеба.

И познал и тоску, и горечь,
Бессердечную силу рока.
Не приду. Всё равно прогонишь
От погасших навеки окон.

* * *

Ухожу, прощайте. Песни спеты...
Снегири застыли на снегу.
В бледном шёлке зимнего рассвета
Тополя погосты стерегут.

В серебристых шлемах, в синих латах,
Будто, Русь, твои богатыри
В облаках холодных и крылатых
Зажигают солнца фонари.

Поезда рыдают, плачут рельсы.
Не туши зелёные огни!
Не в чужих — в моих объятых грейся
И тепло объятий сохрани.

Помяни без злости и проклятий
Тех, кто был помехою в былом...
И зари оранжевое платье
День примерит в небе над селом.

И, лучась теплом и позолотой,
Умалит и скуку, и тоску...
Ухожу к озёрам и болотам,
К голубому детства роднику!

* * *

Убегаю... А может, не бегство —
Этот спурт из мечты в никуда?
Убегаю из чуда, из детства!
На лице до колен борода...

Лоб распахан, разрезаны щёки
То сохой, то стальной бороной.
Но не плачут, не будучи в шоке,
Две сестры, воспарив надо мной.

Две сестры, два бессмертных созданья —
Жизнь и смерть, что роднее родных!
Но не жду в их глазах сострадания,
На тропáх оступаясь земных.

* * *

Как простор лазури гулок!
Как цветок души прекрасен!
Деревенским балагуром
Я опять иду на праздник.

К старым басням, прибауткам,
К новым пляскам до упаду,
С вкусным хлебом, с добрым утром,
С молодым цветущим садом.

Рюмку водки с нежным хрустом
Выпил — и гляжусь я принцем...
Слава добрым белорусам!
Слава щедрым украинцам!

Русский я, но дикость гунна
Есть во мне, коль приглядеться.
Я тебя целую в губы,
Ты меня целуешь в сердце.

Ах, как сладко тянет дымом —
Шашлычок бродяге впору!
Хорошо в селе родимом
Щеголять по косогору.

* * *

Я долго падал, долго-долго.
Я много плыл, я много плыл...
Я от любви бежал, от Бога!
Лежал, измученный, без крыл.

Скитался я в пивнушках ада,
Стоял у стоек кабаков.
Я жил в себе, среди разлада,
В среде убийц, и дураков,

И упырей, где день неведом,
А ночь промозгла и длинна!
Я жил среди тоски и бреда,
Средь жирных сисек и вина.

Я пил печаль... Закуска — бредни,
И оговор, и злой навет!
Где дамы все — сплошные ведьмы,
Где год — закат и час — рассвет.

Где братьев нет, а друг продажен,
Где явь от сна не отличить...
Я жил среди ватаги вражьей,
Кровавая чёрные мечи.

Пусть грудь моя открыта волчьим
Оскалам, выя — топору!
Но не отдал я сердце ночи,
Я в дне ликующем умру!

Я долго падал, долго-долго...
Я долго спал, и в полусне
Я видел ангелов и Бога,
Ещё не умерших во мне.

* * *

Наш скорбный уход незаметен.
Как свечи, сгорают сердца.
И мы от рожденья до смерти
Идём от родного крыльца.

А коль его нет — от порога,
Где солнце несут снегири...
Не звёздная это дорога
От первой до вечной двери.

Нелёгкая — это точнее:
Не каждому звёзды снимать.
Тревожится в пасмурном небе
О нас Богородица-мать.

А наши нас крестят, наверно,
О Отче, из хладных могил?
Но тайна сия сокровенна,
И горек твой траурный гимн.

И нету дороги обратно
Тому, кто отведаёт мглы...
Но слово твоё благодатно,
И грозные очи светлы.

И в нашем людском нераденье
Мы гибнем, безумье творя...
Но милость твоя беспредельна
И вечна, как сила твоя.

МАСТЕР

Всё мастер сделал, всё скрепил,
Всё по местам расставил
И крылья солнечных стропил
Обшил тончайшей сталью,

Чтоб пели звонко от дождя,
От радости полёта.
И без единого гвоздя
Была его работа.

Изладил купол и вознёс
Его под облаками...
И песни сосен и берёз
Соединил с веками.

Из света сердца струны свил
В стремлении высоком
И страстной лирой удивил
Есенина и Блока.

Анатолий Третьяков

О ЧУВСТВАХ

Никто тебе в то время не товарищ,
 Когда твоя душа любви полна:
 Так чувство музыки другому не подарить,
 Не передашь восторг от полотна.

Не заразишь других своею страстью —
 У каждого из нас свой вкус и цвет.
 И то, что для других бывает счастьем,
 В тебе досаду вызовет в ответ.

Конечно, нам друзей приятны лица,
 Но ты не с ними — ты один умрёшь!
 Вот даже кровью можно поделиться,
 Но чувств своих другому не привьёшь!

ТОПОЛЬ

Когда растут деревья? Может, ночью?
 Ну уж, конечно, летом — не зимой.
 И вот однажды видишь ты воочью,
 Что тополь выше крыши — Боже мой!

Когда он вырос — ты и не заметил,
 Хоть точно никуда не уезжал.
 Вот так же рядом вырастают дети
 И начинают взрослым возражать...

Закон природы — никуда не деться.
 Пускай нам Бог за все грехи простит.
 А старость — это возвращенье в детство.
 Но жаль, что снова не дано расти!

У МОРЯ

Дойдёт до берега волна
И словно канет в бездну.
Вот так, наверно, племена,
Закончив срок, исчезнут.

Но что для нас он — след волны,
Когда стремимся к звёздам?
Мы улететь с Земли должны,
Пока ещё не поздно!

Но путь в другие времена
Нам до конца неведом.
Дойдёт до берега волна,
За ней — другая следом!

* * *

Что встаёшь так рано, птица?
Что ты тенькаешь с утра,
Золочёная синица,
Гостя нашего двора?

Что хорошего нашла ты
Во дворе, где пьют бомжи?
Да и дворник вновь поддатый...
Что хорошего, скажи?

И чего тебе не спится?
Птицы гнёзда здесь не вьют.
Может, тоже хочешь спиться?
Залетай! Пивка налью.

Ты ведь Пушкиным воспета:
«Тихо за морем жила».
Что-то я не верю в это —
Ты вертлява, как юла.

И за морем не жила ты...
Посмотри: судьбой храним,
Воробьишка — друг пархатый,
Зимовать ты будешь с ним.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Фасоли камешки цветные
Наивных радовали нас,
Как будто бы в края иные
Мы уносились в этот час.

Нам в играх лучшими друзьями
Котята были и щенки.
Они и спали рядом с нами,
Запретам строгим вопреки.

Конечно, много игр в деревне
Изобрели до нас давно:
Вот бабки — от забавы древней
Нас отрывало лишь кино.

Лапта, пристенок или чика!
Босыми были мы с весны.
Был в цыпках даже сын врачихи...
Нас назовут «детьми войны»...

Но это будет после, после...
Мы до Победы доросли!
Мы помогли выжить взрослым,
Чтоб нас от гибели спасли!

О ПРЕДКАХ

Мы тёмными предков считаем.
И если душа заболит,
Мы даже молитв не читаем —
Поскольку не знаем молитв.

А предки и в битвах с врагами
С молитвой за дело брались.
Себя мы равняем с богами,
Но сказано: не возгордись!

А предки — они не помогут
Нам выбраться к свету из тьмы.
Они были близкими к Богу.
А кто мы? — Убогие мы!

ДЕТСКИЕ СТРАХИ

Как в детстве тьма родит ночные страхи,
А утром свет — и ужасам конец.
Вот мой сосед в полковничьей папахе —
Он мужества достойный образец.

Он воевал и ранен был в Кабуле,
Там не поддался никаким ветрам!
Что тьма ему, когда он даже пулям
Не кланялся, отважный ветеран?

Я тоже не из робкого десятка —
Немало испытаний повстречал.
Но тьма придёт, и почему-то зябко
Становится порою по ночам.

Рассказы деда наводили ужас,
Оставили в душе заметный след.
И всё-таки без деда было б хуже:
Я даже в слове «детство» слышу «дед»!

ДУРДОМ

Алкашам тут почёта мало.
Здесь дурдом! И врач-юморист:
«Неопрятен мочой и калом», —
Впишет запросто в скорбный лист.

По бумагам засранцем числясь,
А ведь запись ничем не смыть,
От запоев страшишь лечиться,
Ведь дурдом — он страшней тюрьмы!

У меня нарколог знакомый,
Даже он не желает мне
Оказаться в его дурдоме,
А ему как врачу видней.

Брат-алкаш, ты всю жизнь в капкане.
У тебя не друзья — враги.
Избегая одних компаний,
Ты оказываешься в других.

Ну да что говорить об этом?
Я и сам с похмелья больной.
Что мои для тебя советы?
Выпьем, брат, ещё по одной!

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Часы песочные мои —
Всего на пять минут.
Они отстать не могут и
Вперёд не убегут.

Часы идут. Моим ходить
Не надо — в них песок.
Мне их не надо заводить —
Перевернул, и всё!

Пусть примитивные на вид,
Но всё же, Боже мой,
В них что-то есть от пирамид,
От вечности самой!

Что электроника? Обман —
Там схемы непросты.
И я кладу себе в карман
Песочные часы.

Я на скамейку ставлю их,
И если не придёшь,
Пошлю по почте этот стих,
И ты тогда поймёшь:

Меня обманывать нельзя,
Такие вот дела:
В стеклянных трубочках скользя,
Любовь с песком ушла.

ИЖОРЫ

«Подъезжая под Ижоры...»
Боже! Кто бы вспомнил их?
Уж два века будет скоро,
Как они попали в стих.

Тем и будут знамениты —
Да не кончатся их дни!
Их на карте не ищите —
Просто знайте: есть они!

«Ай да Пушкин!» — вторим хором,
Строчки в памяти храним:
«Подъезжая под Ижоры...»
Подъезжаем вместе с ним.

* * *

Давай сыграем в кошки-мышки
Иль даже в жмурки, но — увы! —
Меня найдёшь ты по одышке,
Найдёшь опять едва живым.

Да, все меня таким находят...
Наверное, совсем не зря.
А я хочу ходить в походы,
Хочу вершины покорять!

Поставить в бурном море парус,
Взлететь легко под облака,
Составить юной деве пару,
В романы женщин вовлекать!

И рисковать! Потом шампанским
Удачу вспрыснуть, веселясь!
Но, рассчитав свои депансы,
Боюсь лицом ударить в грязь.

Поднялся я сегодня рано,
Свершу одно из главных дел —
К другому доплетусь дивану,
Мне этот что-то надоел!

Михаил Письменный

ИЗДАЛЕКА

Там, на севере,
 город, уткнувшись в причал,
 рассыпает огни и созвучья.
 Через год неприезда и разность в часах
 пусть ему будет лучше.

Там, на севере,
 в море впадает река,
 правя русло своё у излучин.
 Где была глубина — обнажён пережат.
 Пусть реке будет лучше.

Пусть упряжки несут
 облака на рогах
 и невестится тундра, краснея.
 Там бараки стоят на крутых берегах,
 и зовётся то место — Расея...

Пачка с надписью «Север»,
 и солнце встаёт,
 папироска чадит,
 стынет ветер восточный...
 В сером небе устало жужжит вертолёт,
 он везёт долгожданную почту.

Там, на севере
 Богом забытой земли,
 где снега и метели колючие,
 пусть тебе будет лучше в далёкой дали.
 Пусть тебе будет лучше.

Соло

Небо молю ясное,
поле и лес за рекой:
дайте мне сил подняться,
чтобы глядеть далеко!

Дайте вдохнуть ветра,
что окрыляет нас.
Чтобы потом — трезвость,
дай мне, судьба, упасть.

Не выбирал русла,
паруса и причал.
Не выбирал русскую
в сердце моём печаль.

Слово искал спелое,
нужное среди слов.
Мне иногда пелось,
мне иногда везло.

Были шершавы строки,
но шлифовала крик
сирая наша родина,
студёная, как родник.

Где на стремнину лодка
вынесла и меня,
где на ветру холодном
ёжится березняк.

Небо роняет струи,
тронет их ветер слегка,
словно гитарные струны
пробует чья-то рука.

Я музыкант, ветер,
но пред тобою — глух.
Мне бы твои флейты,
мне бы такой слух.

Поле, кричу, поле,—
голос ещё не стих,—
дай мне твоей воли
и в непогоду расти.

ДЖАЗ КОНЧИЛСЯ

Мы пили с Айзенбергом Яхой
в кабаке правобережном,
и чуваки из группы «Яхонт»
с эстрады пели безмятежно.

«Ещё по сто?»

«Не возражаю...»

И вдруг сказал, пунцовый весь:
«Джаз кончился, я уезжаю,
но сердце оставляю здесь».

Какая, господи, Манила?
Какие, к чёрту, поезда?
Куда-то вдаль его манила
обетованная звезда.

Рукой махнув на дымный город,
он улетел
и был таков,
под псевдонимом Ледогоров,
с подпольной кличкой
Иванов.

ДЕРЕВЕНСКИЙ РИФМОПЛЁТ

В захолустном сельском клубе,
у печи,
он ладонью воздух рубит,
как десантник кирпичи.
Бабы ахают: ишо давай, ишо...
До чего же, бляха-муха, хорошо!
Он стихи читает снова,
не стесняется,
что в колхозе жить хреново —
выясняется,
а с портрета вождь сурово
ухмыляется,
и мужик на задней лавке
похмеляется.

Ольга Домрачева

Омская область, п. Большеречье

Победитель межрегионального литературного конкурса имени Игнатия Рождественского в номинации «Поэзия»

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

когда январь в объятиях закружит
тебя и небо, снег и фонари,
до оголтелой тишины — снаружи,
до белизны клокочущей — внутри,

качнётся шар — и всё перевернётся:
вода и свет, дома и облака.
звезда родится в глубине колодца,
слетит чуть слышно слово с языка.

где воробьям от пуза белых крошек,
блаженный мир нечёсан и небрит.
а ты стоишь на небе, огорошен,
с новорождённой звёздочкой внутри.

ПАПЕ

Воздух сладкотравный хоть режь и ешь,
а кузнечик рядом, как заводной,
счёт ведёт обратный, латая брешь
между сочным небом и сныть-травой.

А сосна — что свечка за упокой,
ветер здесь смиренно поёт псалом,
воздухом одним подышу с тобой
и ещё на год заручусь теплом.

В небе синь такая, такая гладь,
только росчерк нежный — крыла пигмент.
Там кружила птица белым-бела
и лгала мне сладко, что смерти нет...

О НАС И О ТОМ, КТО...

есть в октябре такое... из ряда вон.
будто бы кто-то чуткий следит за нами:
ветер гоняет в салки с сухой листвою,
тот, кто не дремлет, давно приготовил сани,

выгнал на выгул в небо табун коней —
кони подмяли кроны, затмили солнце.
время считать цыплят. тот, кому видней,
пересчитал вперёд и теперь смеётся.

знаешь, давай не будем готовить впрок
солнечных слов, обетов медово-складных.
этот октябрь — распустье ветров, дорог —
в небе сошёлся клином, а нам туда, где

листья и ветер сникнут, уснут в тиши.
и, потеряв интерес, позабыв затею,
тот, кто придумал осень и нашу жизнь,
выдохнув тьму, предаст межсезонье тленью.

глянешь в окно, а там опадает свет:
мёртвые осы сны навевать остались.
тот, кто поднять не хочет набрякших век,
дай пережить нам эту твою усталость.

Когда...

Когда сравняю впадины бессонниц,
а дни утратят каверзу и цвет,
когда луча прокравшийся бесёнок,
задев слегка, не поцелует век,

когда устану греть на сердце ревность,
забуду, как любить и жить взахлёб,
когда пойму, что время многомерно
и кто его сквозь нас упорно льёт,

чтоб семя прорастало невесомо
внутри, собою заполняя брешь...
тогда я не скажу в упрёк ни слова —
крылом, пернатый, пуповину режь.

Веди к Нему, и я за всё отвечу,
за каждый вздох, а ты воркуй, вещай —
тогда гортанность птичьего наречья
пойму, но не сейчас.

Просто купишь
на древний седой медяк...
Солнце ушло крахмалить рубашку дня.
Небо,
почистив пёрышки, стало выше
и не грозитя тяжестью лечь на крыши.
Звёздная мелочь...
и лунный царит медяк.

Если не спится —
выйди,
перекури,
небо измерь на глаз, разгадать попробуй,
чем оно дышит и что у него внутри,
там,
выше звёзд: огни, океан, Акрополь...
Может, поймёшь,
что «один» означает — «три».

Просто купишь на древний седой медяк
и разменяй дневную разумность жизни
на невесомость
и мимолётность мыслей,
без оснований, без выгоды —
просто так.

Чувствуешь лёгкость?
Небо теперь в тебе.
Бренность ушла,
ты — волк, и рыбак, и голубь...
Резким движеньем, смотри, не убей момент —
пей этот миг до дна,
утоляя голод,
чтоб пережить вереницу крахмальных дней.

СТАРОСТЬ

Выцветут пряди, память просеет душу.
Перекипевшей осени солон свет.
Время, дорвавшись к телу, его иссушит,
тонкою станет кожа и долгим — век.

И ощутишь, как вечность в тебя вращает:
бьётся в гортани слово, крепчает смех —
так просолён, — дышать бело-бело станет.
Это ноябрь. Ноябрь... ещё не смерть.

НА КЛАДБИЩЕ

Здесь тишина такая, что слышишь, как
бьются мгновенья о мраморный холод плит,
шепчут деревья, вросшие в облака,
небу обрывки наших земных молитв.

Всюду витает память... Здесь жизнь тиха —
хрупкая бабочка, божья коровка, шмель.
Небо — всего лишь облачная стреха.
И в преломлённом свете виднее смерть.

Здесь, расправляя крылья, взлетит тоска,
слепо-немою птицей рванётся ввысь.
И, сквозь воронье протяжное «кар-кра-а...»,
будто расслышишь: «Родная, живи, держись».

НОВОРОЖДЁННЫЙ

Незаметно солнце сплыло
в подворотню горизонта.
Свет простыл и растворился
в непролазной темноте.

И вкатилась брюхом, с пылу,
осень в звёздные ворота
к повитухе-августике,
поджидающей гостей.

Заскулил, залаял ветер —
пёс дворовый своенравный.
Засучил сентябрь ножкой,
млечный дёргая сосок.

А в косматых гривах вётел
проявился цвет кровавый...
Месяц, вынутый из ножен,
пуповину пересёк.

Ая Реин

(Оксана Фомина)

Кемеровская область, г. Ленинск-Кузнецкий

Победитель межрегионального литературного конкурса имени Игнатия Рождественского в номинации «Поэзия» (среди авторов до 18 лет включительно)

* * *

У слов ломаются рёбра и хрустят позвонки,
когда ты пытаешь передать всё то,
о чём молчишь.
когда слова попрытались по углам
в припадках депрессии
и одиночества.
когда ты вытаскиваешь из себя
слова за шкирку
и рвёшь воротник рубашки.
а ведь она должна была
стать спасательным кругом,
но выходит наоборот —
топит.
ты не понимаешь этого,
ведь для тебя слова —
камни на земле,
и ты, шагая,
пинаешь их
с такой силой,
что они летят в меня,
словно пули
из пистолета.

* * *

Эта женщина приходит вечером,
оставляет автограф под глазами
в виде синяков,
протыкает ножом голову
и оставляет мучиться до утра.
но с первыми лучами солнца
она уходит,
усмехнувшись
на прощание.
и когда подхожу к зеркалу,
читаю по слогам:
«с любовью, Бессонница».

* * *

Мы сидели на вокзале
железнодорожном,
я держала звёзды
в кармане,
а они прятались
между пальцев
осторожно,
боясь испариться
в нирване.
чуткие врачи
выписывали лечение,
а ты гладил меня
по волосам,
и я понимала,
что ты — моё исцеление,
за которое я все
звёзды отдам.

* * *

Жутко,
но весна без твоих глаз кажется мёртвой.
настолько пустой и уставшей,
что всю эту усталость
ощущаешь на себе.
словно тебя накрыл с головою океан
с солью и песком,
которые постоянно лезут в горло.
ты выплёвываешь.
а их всё больше и больше.
вот так выплёвываю твоё имя
по каждой букве в год,
но они сильнее
прилипают к губам.
и от этого
становится
жутко.

* * *

Каждый день —
это попытка начать сначала,
помириться со сном
и перестать думать
о прошлом.
а память-кошка
царапает душу.
Медленно.
чтобы стало
невыносимо больно
и не зажило.
люди врут, когда говорят,
что всё прошло.

* * *

Ты держишь кого-то за руку,
улыбаешься, проходя мимо меня.
я ощущаю себя заброшенным домом,
мимо которого постоянно
проходят люди,
и никто не остановится,
чтобы посмотреть на него.
а я каждый раз замедляю шаг,
чтобы ещё раз взглянуть на тебя.
на тот новый дом, который
навсегда останется для меня
самым родным.

* * *

На твоих запястьях цветут васильки,
а я смотрю на твои руки
и боюсь повредить хотя бы один
своим касанием.
ты держишь в руках
цветущую вербу
и проводишь ею
по моим холодным рукам.
а я смотрю на тебя
и думаю о том,
что если весна
распускает цветы
из своих волос,
то ты распускаешь цветы
из своих рук,
и зовутся они —
нежностью.

Надежда Ярыгина

Иркутск

Победитель межрегионального литературного конкурса имени Игнатия Рождественского в номинации «Я себя не мыслю без Сибири»

* * *

Всякий, как попугай, повторяет:
«Река Ангара удрала от отца (от Байкала) к Енисею».
А если подумать, вода-то в реке — байкальская!
Уж не сам ли Байкал притворился рекой,
не сам ли нашёл подходящее русло
и понёс свои воды в дар Енисею?

* * *

Счастливые пили на берегу Байкала вино, оставили мусор, бутылки.
Несчастливым не досталось вина — они пили воду и разбивали бутылки.
Пришли волонтеры — собрали стёкла.
Давай подойдём к волонтерам, спросим:
«А в чём, мужики, ваше-то счастье?»

* * *

Взорвалась лампочка. Развинтили патрон,
из патрона вывалилась обугленная божья коровка.
Была бы жива бабуся, она непременно бы сделала заключение:
«Надо же, и здесь проявляется Божия кара».

* * *

А сколько процентов воды в молодом человеке?
А девяносто процентов воды в молодом человеке!
Человеки выпивают целые реки и выделяют реки,
У них в крови гудят реки, в животах урчат реки,
А когда человеки поют — может статься,
что это журчат (правильно!) реки...

* * *

Если память не изменяет... изменяет она тебе, изменяет!

С первым встречным обучаемым человеком, который читает поэмы,
доказывает теоремы, вникает в темы-схемы-проблемы.

Надо застучать память на местах её преступлений!

Схватить и начитаться Цицерона и Аристотеля, снова поучить
склонения и спряжения, таблицу умножения или (к примеру)
правила и приёмы стихосложения.

Ну, там... побежать в библиотеку, чтобы увидеть своими глазами:
возлежит прекрасная память твоя на библиотечных столах,
как Постумия на античных пирах, и со всеми, кто что-то учит-читает,
тебе и прочим (тем, кто ничего не учит, не читает)

целенаправленно изменяет.

* * *

Мифическая река Лета течёт в малоизученном направлении,
но всегда рада взять на себя заботу об усталом и немощном человеке.
Потому притоки Леты текут под окнами больниц и домов престарелых,
а из притоков напиваются воды забвения те,

кто потерял память уже при жизни.

Если Лету выдумали не боги, а склонные к сочинительству греки,
зачем помнить всё то, что о ней придумано,—

например, что и Лета, и Стикс,

извиваясь под землёю, протекают мимо мрачных,

а то и сточных болот?

Предпочтительней, да и утешительней

присочинить к мифу что-нибудь ещё —

например, то, что кануть в Лету —

не унижение, а единственное спасение,

так как Лета утекла подальше от подземных

и переполненных слезами болот и озёр,

и впадает она в вечные-млечные,

в бесконечные-беспечные моря, океаны...

* * *

«Здоровые люди пахнут цветами», — сказала шаманка из Усть-Орды.

Люди больные (по её наблюдению) пахнут грибами-поганками.

А давай прикупим семян, рассады и начнём разводить цветы!

Будем изучать свойства цветов, сравнивать их запахи...

* * *

Поэт-незабудка ещё как-то может

пригнуться сочинителю-одуванчику,
а вот поэт-репейник ни во что не ставит незабудок, одуванчиков,
всяких там ноготков-коготков, фиалок-страдалок, ромашек-простушек.
Поэтку-ромашку любая астра обидит.

А если поэт-репейник встретит поэта-нарцисса,
то бьёт лихорадка поэта-репейника, впадает в ярость репейник.
Сама поэт-роза умолкает и прижимает шипы в присутствии репейника;
при нём мрачнеет и клонит тяжёлую голову народный поэт-георгин,
а поэтессы-гортензии — те вообще увядают от неудовольствия.

Поэт-правдурб репейник дружит

с нахлебавшейся горечи поэтессой-полынью,
с объявленным врагом народа

поэтом-любителем коноплей, с татарником,
с бывшим поэтом, а теперь с критиком — крапивой.
У них всех преимущество — знают жизнь. Ибо растут там, где другие
или не желают, или не выживают: на пустырях, на пепелищах,
на задворках, у стен тюрем, больниц, кладбищ...

О поэт-репейник, о полынь-конопля-татарник-крапива!

Кроме вас, таких своенравных и везде выживающих,
никого бы мы и не знали, но, однако же, трудяги-огородники
отвоевали немного ваших территорий.

Благодаря огородникам знаем: есть такой тихий лирик укроп!
Есть метафорист редиска, минималист горох, материалист огурец,
почвенник картошка, экспериментатор чайот.
Есть стихотворец-примитивист репа, конкретист хрен...

Почему метафорист — редиска? Юрий Олеша гулял по рынку
и представлял пучки редисок многокупольными храмами.

* * *

Зачищены и окрашены стены в подъезде —

и в этом году ремонтникам удалось забелить и закрасить
письмена и искусства хулиганов.

Между слоями краски, как между страницами книг,
хранятся собрания сочинений и изображений неприличного содержания.
Чуть ли не в каждом подъезде имеются свои секреты

и своя засекреченная библиотека,
и всё это почти или совсем скрыто от глаз неискушённых и искушённых.
А вот и главный секрет: всегда были и есть такие,
которые не могут видеть чистые стены,
они желают пачкать чистые стены, чистые холсты, чистые листы...

* * *

Этот крупный и круглый камень похож на Юпитер,
этот красненький каменный шарик похож на Марс,
небольшой, гладкобокий — Меркурий.
Мы и Землю нашли голубую — весь галечник перерыли,
есть и розовая Венера, и синеватый Нептун,
и Плутон где-то здесь под ногами плутует.
Можно выстроить, разложить на байкальском песке
Солнечную систему. Только где Солнце?
Ищи-заищись — не найдёшь большого горящего камня.
Хорошо, что есть рыжая девочка Пенелопа —
превосходно танцует, вечно хохочет —
пусть будет Солнцем!

Софья Дзюбенко

15 лет, Норильск

Победитель межрегионального литературного конкурса имени Игнатия Рождественского в номинации «Я себя не мыслю без Сибири» (среди авторов до 18 лет включительно)

Норильск, строкою неумелой...

Норильск, строкою неумелой
Позволь мне написать тебе...
Вершины гор под шапкой белой
На память заберу себе.
Где б ни была, везде, всегда,
Я не забуду никогда
И глубь полярной темноты,
И тундры нежные цветы,
«Пух тополиный», что летит
По улицам твоим, блестит,
Ложась на землю и на крыши.
Идя по улице, я слышу,
Как под ногами он хрустит...
Норильск, когда пройдут года,
Ты станешь краше, станешь лучше,
А вдруг не станет и следа
От вьюг, и пург, и лютой стужи?
И солнце будет каждый день
Светить и радовать людей!
Норильск, любимый городок,
Ты занял в сердце уголок...
Норильск, расти! Норильск, живи!
И жителям любовь дари!

Но-ри-льск!

Хрустнет льдинка звонкая —

Но-ри-льск,

Грянет песня громкая —

Но-ри-льск,

Шумит Ленинский проспект —

Но-ри-льск,

В школу я несу букет,

Но-ри-льск,

Дымят трубы заводские —

Но-ри-льск,

Мы — девчонки городские,

Но-ри-льск,

Тебе только шестьдесят,

Но-ри-льск,

Лет по десять шесть девчат,

Но-ри-льск!

Столько бабушке моей,

Но-ри-льск,

Нет мне города родней,

Но-ри-льск!

Михаил Тарковский

О писательском ремесле

Главному редактору приходит много писем от авторов с просьбой дать оценку стихотворения, рассказа, повести — одним словом, помочь в трудном писательском ремесле. Оставим темой отдельного разговора материалы, написанные без каких-либо литературных притязаний: воспоминания, журналистские очерки и просто те страницы, которые можно назвать «криком души» далёкого от искусства человека, при том что подобные крики подчас пронзают душу сильнее искусно сработанных сочинений.

И поведём речь о литературном мастерстве. Писательское ремесло — дело нелёгкое, но при настойчивом желании охотно открывает свои секреты и рецепты, главный из которых — внимательное чтение русской классики. К этому набившему оскомину средству мы ещё вернёмся, но для начала рассмотрим главные составляющие литературного дарования как такового. Конечно же, оно опирается на врождённые особенности человека, такие как чувство языка, его звучания, ощущение красок и смысловых оттенков. Это нечто подобное музыкальному слуху и так же имеет свойство развиваться. Однако этот языковой слух далеко не всегда является условием становления художника. Писательскому складу присущи врождённая душевная обнажённость, пронзительное ощущение окружающей жизни, человеческого страдания, несправедливости, несовершенства жизни, вообще особое устройство души, которое проявляется, в частности, в детской страсти к чтению.

Эти дарёные качества — малая часть явления, называемого писательской судьбой, где побеждает решимость, с которой человек встаёт на путь и, не имея никаких гарантий победы, отрезает возможность так называемой нормальной жизни, что ведёт большинство людей, имеющих семью, работу, постоянное место жительства и удобное жильё. Напрямую с этой решимостью связаны те усилия, которые человек прикладывает для развития склонностей, в себе ощущаемых. Масштаб этих усилий во много раз превосходит роль природных задатков. Не потому, что они не важны, а потому, что эти усилия складываются в труднейшее движение, где главным является осознание своего пути, рубежей, которые приходится преодолевать, и тех горизонтов, которые при данном движении открываются. На этом пути происходит полное перерождение личности, и на первое место встаёт *взрослая* мощь сердца и разума. Взрослая в исканиях, в жизненных потерях и духовных наградах. Нечто подобное

мы наблюдаем у больших актёров, таких как, например, Ульянов или Лановой, когда поражаешься, откуда у представителей этой достаточно поверхностной профессии появляется необыкновенная мудрость в вопросах и жизни, и литературы, и истории, и понимаешь, что происходит это от глубокого переживания тех произведений и характеров, которые им приходится через себя пропускать.

Однако чтобы добраться до таких горизонтов, приходится проделывать уйму черновой работы и обучаться вещам, с виду раздражающе скрупулёзным, но которые, будучи доведёнными до автоматизма, отпадают, как скорлупка от кедрового ядрышка. Если, конечно, удаётся этот орешек раскусить. Многие молодые люди ошибочно считают слово «работа» унижающим, приземляющим высокое и вдохновенное служение музам, забывая о том, что как раз небрежное и поверхностное отношение к писательскому мастерству приземляет и дискредитирует те чувства, которые автор стремится донести до читателя. Однако писательское мастерство — вещь мёртвая и формальная, если нет глобального понимания русской литературы, чья красота и глубина особенно обнажилась нынче на фоне планетарного духовного кризиса, в ситуации, когда писателем называют любого, кто написал за две недели книжку и умудрился продать её максимальному количеству людей, ещё и хвастанув, что его книга «неплохо реализуется». В то время как для истинно русского, то есть духовного, писателя главная награда происходит именно во время написания произведения, за которое писатель проходит целую дорогу, испытывает ощущение чуда и незаслуженной Божьей милости. Валентина Григорьевича спросили как-то на встрече в Тюмени: «Плакали ли вы когда-нибудь над героями своих книг?» И немногословный Распутин, помолчав, ответил: «Да, плакал. И молю Господа, чтобы он ещё хоть раз дал мне такую благодать!»

Существуют, пожалуй, два основных правила, которые помогают писателю стать писателем. Первое — назовём его *правилом образца*. Второе касается понимания русской литературы как *многоипостасного* явления.

Правило образца. Главное чаяние начинающего поэта и писателя — обнаружить свой собственный голос, которым редко писатель обладает с первого дня. Многие начинают с подражаний, и здесь крайне важно, чтобы образец для подражания был достойным. Но прежде разберёмся с самим понятием подражания, которое, я уверен, по душе далеко не всем. Кто-то опасается, что его обвинят в подражательности как в серьёзном изъяне, хотя, уверяю вас, плохая литература настолько обезьянничает сама с себя и с журналистики, что разок поподражать кому-нибудь стоящему отнюдь не лишне! А подчас и необходимо.

Писательская манера, вопреки эффектному высказыванию литературного француза, что якобы «человек — это стиль», — вещь достаточно

внешняя и условная, что-то наподобие бутылки, и при маломальском человеческом содержании мгновенно им же и наполнится и на солнышке перельётся неповторимо, при условии, конечно, что сам человек солнцелюбив и ему есть о чём писать. К тому же, если подражаешь классику, то ничего, кроме великолепной школы слова, не вынесешь из этого урока. Начинающему автору необходим разгон, чтобы меняться и расти, — здесь тот случай, когда важна скорость любой ценой. Временно заимствованная чужая манера может помочь набрать скорость, послужит затравочным импульсом, а потом, выведя на эшелон, спокойно отцепится и пойдёт за следующим, восходящим на потоки русского литературного неба. Подражали все великие поэты и писатели, и если нет позыва к подражанию — это должно настораживать.

Русская литература родила гениев, раз и навсегда установив высочайшую планку, и удивительно, что начинающие подражают не им, а довольно посредственным авторам из современности, нередко ещё и переводным. Бесспорно, подражать мастерам трудно, тем не менее преодоление этой трудности — единственный залог роста. Ориентировка на великий образец совершенно не означает завышения своих возможностей, какой-то нескромности или, хуже того, гордыни. Напротив, это признание ученичества. Почему парень-спортсмен может бредить великим борцом или хоккеистом, и это сподвигает его на рост, тогда как начинающего поэта образ Пушкина не вдохновляет до степени, достаточной, чтобы почувствовать классика осязаемо близким и приладить его наследие к судьбе? Настрой только на лучший образец помогает сэкономить время, потому что рано или поздно придёшь к Пушкину, Гоголю и Достоевскому, но потеряешь годы и испытаешь кучу разочарований.

Теперь о *многоипостасности*. Произведение литературы — сложнейший многожильный организм, в котором сосуществует параллельно множество слоёв, осей, жил, пренебрежение каждой из которых может разрушительно сказаться на творческом итоге. Некоторые из них давайте перечислим: это язык, сюжет и композиция, психологизм, народность, мировоззрение.

Конечно, самая объёмная и сложная составляющая — мировоззренческая, куда входит философская, религиозная и идеологическая база художника, его связи с литературной традицией этноса. О народности особый разговор, так как она трактуется разноречиво и нередко с внешней стороны, в частности, например, как использование фольклорных мотивов и народных сюжетов. Хотя под этим понятием следует понимать нечто гораздо более глубокое, а именно — присущую классикам способность чувствовать себя частью огромного народа и, ставя его проблемы выше собственных художественных амбиций, уметь перекатиться сердцем в простого человека. Такая способность забыть о собственном пупе и «ах, литературе» является ещё и полезным средством смирения гордыни, без которой немислима ни одна

писательская судьба. Народность часто вызывает презрительную усмешку: мол, что взять с Некрасова, коли он «лиру посвятил народу своему», подразумевая, что, дескать, стреножил и ограничил своё дарование гражданским долгом и «прочей галиматьёй»? Отчасти такая реакция связана с тем, что на некоторых этапах истории понятие народности было скомпрометировано обязаловкой, утратив глубину и изначальный высокий смысл.

На первом этапе беседа наша имеет достаточно ознакомительный характер, и мы пытаемся совершить предварительный обход писательского участка и оконтурить круг вопросов, которые встают перед автором. Хочется постоять у одной основополагающей темы — темы русского языка, богатейшие возможности которого нынче мало кто из начинающих и даже продолжающих использует. Связано это с тем, что от понятия «художественная литература» осталось только слово «литература», в то время как слова «художественная» и «художник» начисто забыты, а слово «писатель» настолько измельчало, что писательством нынче занимаются все кому не лень. Наподобие того, как вдруг все стали фотографами, съёмщиками кино и повальными певунами, что объясняется, конечно же, и появлением избыточно-доступной техники. А вот с чем связана повальная писателизация населения, стоит подумать, хотя искать ответ надо в направлении той же доступности и какой-то общей культурной бесхозяйственности. Повальная писателизация производит двоякое впечатление, вызывая радость оттого, что широкие слои населения пробуют осознать себя и отразить окружающую жизнь в слове как в территории внутренней свободы и отдушине, и досаду за то, что литература, становясь расхожим занятием, снижает уровень, лишается своей опережающей роли и дискредитирует книгу как объект духовного созидания, а звание художника — как проводника и служителя истины.

Так вот, о языке. Проза вырождается без образов, сравнений, метафор и прочих языковых средств выразительности, о которых в учебниках доложено настолько нудно, что, кроме зевоты, у студентов ничего не вызывает. Проза тускнеет и без диалектной лексики. В наиболее затруднительном положении находится проза городская, которая не только оторвана от животворных источников народного языка и имеет ограниченный арсенал средств, но подвергается интервенции англоязычного мусора, вносимого в нашу жизнь под технологическим предлогом. Для этой прозы типичен журналистский стиль, автор будто пишет сценарий происходящего, предоставляя читателю на свой вкус расцвечивать произведение красками. Взыскательный читатель не хочет выполнять чужую работу и такую книгу закрывает. *Сценарность* — главная слабость современной литературы. Такое положение происходит из-за разрушения образа традиции в сознании населения, из-за ошибочных представлений о времени и эпохе, из-за многолетнего нарушения принципа исторической

и культурной преемственности. Национальная литература держится только на преемственности, и окончательный смысл творчества по самому большому счёту — не пресловутая самореализация, а способность взвалить на плечи ношу национальной традиции. Как только писатель уяснит эту задачу и начнёт рассматривать свою миссию как служение, всё моментально встаёт на свои места.

Нередко по разным причинам язык называют формой, а сюжет и идею — содержанием. Остановимся на этих понятиях, связанных друг с другом по принципу сообщающихся сосудов, то есть чем сильнее присутствие одного понятия, тем меньше оставлено места другому. Великолепный сюжет, будучи изложен сдержанными средствами, работает в любом случае. Необыкновенно образное и талантливое по языку изложение завораживает читателя даже при отсутствии ярко выраженного сюжета. По какому-то понятному на расстоянии закону: чем больше языковой стихии, тем меньше она оставляет места для действия. И наоборот: при ясном и совершенном сюжете языковая избыточность только мешает. Хотя язык, вопреки расхожему мнению, является не формой, а самостоятельной содержательной единицей, в которой растворён национальный дух — настолько слова наполнены ассоциациями, связями, целыми мирами. И чем дольше человек живёт, тем сильнее это наполнение. В ключе данной логики писателей можно схематично разделить на две категории: для которых основой является язык, и для которых основа — содержательная часть, психологическая, драматургическая, мировоззренческая. Так как языковые возможности особенно проявляются в описаниях, то крайней формой драматургичности является пьеса, где отсутствуют описания как таковые. Языковым писателям относятся Лесков, Бунин, Набоков, Платонов, Ключев, Астафьев. В значительной степени — Гоголь. Из наших современников — Байбородин. Язык — необыкновенная и непостижимая стихия, и начинающим писателям необходимо уделять ему первостепенное внимание. Прежде чем сказать слово, необходимо поставить голос, то есть начать с языка, а содержание приложится, когда автор заговорит легко, уверенно и перестанет себя анализировать.

Вернёмся к разделению художников на два типа. Ко второму относятся писатели, для которых центр содержательной части переносится на сюжетную, психологическую, мировоззренческую сторону, а с языка снимается ведущая роль или хотя бы часть нагрузки. Это Лермонтов, Чехов, Шукшин, Распутин. Их произведения хорошо поддаются переводам и экранизациям. В то время как экранизации языковых произведений подчас вызывают ощущение потери части содержания.

Толстой и Достоевский — случай вообще особый: у них настолько велики психологическая и философская стороны, что вроде бы с языка нагрузка снята вовсе. На самом же деле эти гении для выполнения своих художественных задач изобрели свою собственную форму,

которая навсегда останется предметом пытливого и безнадёжного изучения. На баланс языка и содержания влияют и объёмы самих книг: чем больше страниц, тем труднее работать с языком. Чтобы переписать огромный роман Толстого языком Бунина, потребуется немало лет.

Продолжаем перечислять ипостаси литературного произведения. Композиционная сторона — вроде бы наиболее сложная для освоения. Очень трудно разработать структуру произведения. Но подумайте: сотни бездарнейших сценаристов во всех концах света днём и ночью строчат тысячи сериальных сценариев, и если образность изложения требует поэтической чуткости, художественного вкуса, то законы композиции можно просто выучить, подобно правилу золотого сечения или тройственности плана в живописи или фотографии. Как их освоить? Кропотливым изучением устройства произведений классической литературы. Я, помню, рисовал схему, нечто вроде куска реки в разрезе, где разной штриховкой обозначены линии тех или иных героев, линиями — границы сюжетных стыков, над которыми проходила отдельной жилой общая идея или мысль.

Важно понять и почувствовать главный элемент композиции — кульминацию. Кульминация — это горка, обычно ближе к концу произведения, где сходятся все нити и где разрешается-выстреливает всё, чем заряжено предыдущее повествование. Это и есть главный драматургический узел рассказа или повести. За ним следует только вывод, мораль, именуемые развязкой. В связи с этим очень полезно и благодарно писать с конца, зная, ради чего весь сыр-бор затевается. Обычно начинающие хотят просто поговорить на тему или поделиться интересным случаем, не понимая, к какому авторскому выводу изложенное приведёт. Под выводом имеется в виду не что-то дидактическое, а некая сотрясающая сердце правда. Представление о композиции и о сюжетном плане отнюдь не предполагает тупого следования схеме: часто наилучшие решения приходят стихийно и неисповедимо, уводя в абсолютно неожиданную сторону, — на то оно и творчество.

Композиция и сюжет — вещи взаимосвязанные. Композиция — это скелетная намётка произведения, условие работы сюжета. О сюжете мы обязательно поговорим отдельно и подробно, а сейчас — несколько слов, откуда он берётся и во что вырастает. Происхождение сюжетов различное. Они придумываются, принимаются в подарок от знакомых, подглядываются в окружающей жизни. Именно умение увидеть сюжет в происходящем — качество незаменимое. Бывает, смотрим в упор на такой подарок и не понимаем счастья. Нужно особое мгновение, чтобы очевидное пошевелилось и выдвинулось навстречу во всей ясности — настолько оно одного маскировочного тона со всей окрестностью. Сюжеты бывают однослойные и многослойные. Самое дорогое — сюжет-метафора. Когда над историей, прекрасной самой по себе, плывёт небесной тенью глубокая мысль, напоминание об истине.

Рассказали историю, как один старовер, живущий на притоке Ангары, сделал огромную лодку, поставил на неё мотор от трактора, погрузил в неё, как в Ноев ковчег, семью, корову и собак и поехал к родне на Енисей. Пожил у этих родных, повидался со всеми, с кем хотел, погулял вдоволь и собрался назад. Дело шло к осени, дожди взвели воду в его реке, и оказалось, что он не может поднять пороги и попасть домой. Сюжет, будучи достойным сам по себе, является ещё и метафорой, иллюстрируя, что потерянную высоту вернуть крайне трудно — правило, хорошо знакомое верующим. Получается та самая двуслойность, когда красота и убедительность сюжета вместе с философским образом дают необходимые объём и универсальность. Замечательно, что подобные истории невозможно выдумать, и читатель, это чувствуя, проникается двойным доверием. А что уж говорить про лучшие образцы, такие как «Мёртвые души», «Ревизор», «Каштанка»! Я уверен, что сюжет «Последнего срока» тоже взят из жизни. Раз уже зашёл разговор о последнем, вспомним «Последний поклон» и рассказ «Конь с розовой гривой». Великолепное и эталонное произведение иллюстрирует христианскую истину об одолении зла добром. Рассказ этот должен всегда быть под сердцем.

Продолжая краткий обзор составляющих литературного произведения, отметим важнейшую из них — психологическую. Читатель не поверит автору, если у него не возникнет ощущения подлинности происходящего, точности поведения героев, которая узнаётся с восхищением, как подтверждённая догадка. Но недостаточно уметь похоже и убедительно передавать речь героев — шагать следует дальше, стремясь, чтобы в диалогах звучала ещё и некая обобщающая правда, которая покажется читателю первичной по отношению к жизненному оригиналу. Впрочем, это относится и к остальным сторонам произведения.

Подводя итог, ещё раз уясним, что основная часть предварительной писательской работы сводится к освоению методов художественного воздействия на читателя. Почему-то в живописи и музыке школа мастерства не вызывает вопросов, а в литературной учёбе оборачивается вечным камнем преткновения. Видимо, выезжать на пленэры и играть гаммы технически понятней, чем нарабатывать опыт написания рассказов. Специфика и впрямь разная: у сочинителя нет преподавателя за спиной. Никто не зудит: мол, плохо нанёс краску, убери, подправь и перенеси-ка вот это дерево — не соблюдена композиция. Или не дотянул ноту — перепой. В рассказе суд — по завершении, когда уже задёрнут занавес.

Правда — как учиться? Как одолеть главный недуг — неспособность взглянуть на своё произведение сторонним взглядом? Начинающему скажут: «Хромает язык или психологизм. Почитай Астафьева и Шукшина». Автор закивает, чуть подправит, а ничего не изменилось. Ну правда, как быть? Всё заново переписать? Или что? А бывает, и видишь разницу меж текстом мастера и своим, а в чём она,

разница,— сформулировать не можешь. Хотя, возможно, ничего сложного тут и нет. Почему в инженерии не считается зазорным промышленный шпионаж? Заполучили опережающий время самолёт, разобрали по винтикам, а потом, поняв устройство и работу частей, создали свой собственный. Всё равно лётчик-то наш полетит. А почему в литературной учёбе не изучить самолёт Гоголя, Чехова, Шукшина? Потому что трудно, требует времени и большого умственного напряжения. Почему пошлейший пародист досконально вникает в кухню пародируемого, а мы ленимся вникнуть в мастерскую классика?

Кратко пройдемся по методам писательской работы. Первое: если не удаётся понять, как писать, следует попытаться уяснить, как писать нельзя, и, пусть не поразив читателя оригинальностью языка и образов, привести написанное в приемлемый вид. Второе: когда забуксовал в поиске, но уже есть задел,е, старый как мир метод — убирание лишнего. Даже самые лучшие и точные слова имеют свойство подавлять друг друга, ослаблять своё воздействие. Если пригласить на встречу со школьниками сразу десяток прекрасных и интересных людей, то при всей благости намерения встреча выйдет шумной и сумбурной — каждый откроется лишь поверхностно. Так же и со словами: оказываясь в толпе сородичей, каждое крадёт свой кусок смысла и норовит загородить ближнего. Поэтому лучший выход — оставить одно-единственное слово, пусть развернётся в полную силу. К тому же при отсечении невольных нахлебников рождается всем знакомая красноречивая пустота, точка тишины. А тишина — простор для эха.

Как сделать отрывок интересным? Допустим, описываем сцену электрической сварки. Иван варит, усиливая уголком водилину от телеги, Фёдор помогает. Чтобы сцена заиграла, нужно нечто оригинальное. Внимательно представляем картину. Вот Фёдор держит уголок, прижимает к водилине. Стоит, отвернувшись, чтоб не наловить так называемых «зайцев». Что-то очень характерное есть в этой позе. И сто раз виденное. В обычных обстоятельствах так не стоят. Какая-то нелепость позы. Замер и стоит, всем вниманием, напряжением обратясь на точку сварки, но глядя в другую сторону. Замер, отвернувшись, как... Надо найти сравнение... Может, как будто обиделся на что-то? Пойдёт! «Будто обидевшись». Ещё штрихи: отсветы сварки падают на ярко освещённую траву,— тоже хорошо, потому что парадоксально: яркое по яркому. Берём. Что ещё? Продолжаем представлять. Когда Иван прихватил заготовку, Фёдор почувствовал, как обе железяки взялись в монолит,— очень тонкое и характерное ощущение, будто всё вместе дрогнуло, как зуд прошёл. Обычно пишут: Вася держал, Коля варил. Приварили и пошли. А мы нашли никем не замеченные подробности. И так по каждой сцене. Каждого участника — живого и неживого — пробуем на сравнение. Как на зуб. Подберём — не подберём? Аппарат гудел, как... Как что? Заготовка была похожа на что? Какого была цвета? В начале и в конце? Всё эти вопросы

должны войти в привычку. Ты не выпускаешь сцену за ворота, не обротив её сравнениями и прочими средствами образности. Задача чёткая — максимально помочь читателю представить картину. Пусть думает, что это он «зайца» словил!

Поделюсь ещё одним подходом, назовём его чисткой лука: снятие по очереди слоёв кожуры в попытке добраться до сути ситуации. Вот герой ночью спускается к Енисею. За спиной вроде посёлок. Но посёлок удаляется, и чем ближе подходит человек к тёмной кромке воды, тем сильнее чувствует отрешающее действие огромной водной плоскости, испытывает сильнее и трудновыразимое чувство границы другого мира, другой среды. И ты описываешь это как раздел, стык. Вроде на слой кожуры ближе. Но всё равно мало. Снимаем ещё слой. Посёлок отступил, закатился, человек на кромке, и перед ним огромный мир, и ты чувствуешь эту огромность, как будто не на кромке, а на гребне меж двух стихий. На что похоже? На чувство вершины. Получается парадокс: шёл вниз, а оказался на вершине.

В нашем разговоре всплыло слово «трудновыразимое». Это очень хорошо, когда возникают такие слова: «невыразимый», «непередаваемый»... Это сигнал к чистке лукавицы. Ведь читатель наверняка с описанным явлением сталкивался, тоже чуял смутную тайну, тоже прошивало его чем-то необъяснимым, но он не смог сформулировать и позабыл, а вы напомнили и помогли. Так незаметно становитесь специалистом по психологии восприятия. Изучаете способы описания запахов, шумов, цветов. Но описываете уже не только запахи, а как они воздействуют на человека.

Описание должно быть предельно точным. Жизнь состоит из тысячи штрихов, которые писатель замечает и которые создают плотно достоверности и даются не как явление, а как ощущение этого явления героем. У писателя в голове целый склад образов, полная и подробная опись жизненного инвентаря. Да ещё с бирочками: это ветер и снег по Астафьеву, это по Бунину. Это вот моё. Всё. И пометка: больше ничего не выдавить из мокрого снега. А вот с градом ещё можно помучиться... И так по всей окружающей жизни. Временам года... Так... Зима... Мороз. Учимся описывать пар. Какие способы? Думаем. Список сортов пара. На что похож пар, когда открываем дверь на улицу? Будто катят белые шары... Так. Мороз. Стоит машина. Водитель поворачивает руль, но пока не едет. Гидроусилитель передаёт усилие на колесо. Колесо поворачивается с морозным скрипом. Интересно: машина на месте, а колесо скрипит. Пожалуй, пригодится. Или: машина поехала, мотор современный, работает тихо, и слышно, как колёса давят с хрустом снежные и ледяные комья. И кажется, что именно этот хруст — причина движения. Он заменил звук мотора.

Запоминаем подробности, жизнь предметов. И делаем следующий шаг. К психологии. Мужик колет сучкастую чурку. Засадил топор. Чурка не раскололась и сидит на сучках. Но при этом продолжает

легонько сама расходиться и замечательно потрескивает. Уже хорошая подробность. Но нам её мало, нам нужен человек. Мужик, засадивший топор, не хочет, чтоб проходящий мимо приметливый и вредный сосед это увидел и подумал, что тот неумека. Он откладывает чурку с топором и делает вид, что хочет закурить и с соседом поболтать. Стоят. Вдруг чурка, живущая своей жизнью, издаёт трескающий звук, и сосед торжествуя спрашивает: «Что, засадил?» Получился эпизод, иллюстрирующий характеры и отношения, а тонко подмеченный треск чурки придаёт прозе главное — достоверность.

Для того чтобы всё это замечать, нужен определённый склад, та самая приметливость: человеку должно быть интересно собирать жизненные подробности. При другом складе такой интерес может напрочь отсутствовать. Недавно мне принёс свои записки один молодой человек, прошедший несколько месяцев в тайге с промысловым охотником. В этих записках не было ни одного описания снега, дерева, птицы, дыма. Я указал ему на это и привёл несколько примеров ярких и повсеместных подробностей таёжной обстановки. Парень был удивлён; оказалось, что он особо и не осматривался и был сосредоточен на своих внутренних состояниях и взаимоотношениях с наставником, которые складываются на контрасте необыкновенной бывалости промысловика и полной неопытности автора записок, который вдобавок ещё и плохо видит, что усугублялось борьбой с постоянно запотевающими очками. Примечательно, что самого промысловика, его характер и речь парень описал неплохо.

Продолжим знакомство с приёмами образного описания. Может оказаться полезен метод ассоциативных рядов. Например. Мужики обсуждают выпивку, а именно — коньяк. Возникает слово «букет». Что такое букет? Нечто растительное. Значит, покосное. И поехало: «Да какой это букет? Это — солома!» Солома с какого места покоса? Солома с Нижней Кулижки. Эх, посидеть бы нам на этой Кулижке хотя бы с таким паршивым коньяком! И так далее. Нечто подобное: герой очень много раз представлял некую картину, а она в его жизни всё не наступала. Берём слово «картина». Где у нас картина? Висит на стене. День висит, месяц, год. Итог: он так долго представлял, что стал опасаться: а вдруг картина выцветет, пересохнет или... вообще сорвётся с гвоздика?

Эти примеры приёмов приведены с единственной целью: показать, что они не имеют никакого отношения к писательскому дарованию, поскольку их ещё вчера можно не знать вовсе, а завтра принять на вооружение и всю использовать в литературной работе. Действительно, это всего-навсего приёмы, но из них складываются основы писательского навыка. Поэтому на первое место выступает умение поставить себе задачу. «У меня хорошо получаются описания природы и событий, но я совсем не умею описывать отношения между людьми, у меня отсутствуют диалоги». Значит, задача — овладеть

диалогом. Всё отбросить и посвятить год, если надо — два или пять... Пока не набьёшь руку. Перечитать писателей, работающих на диалогах, — например, Достоевского и Шукшина, погрузиться в пьесы, где диалоговость доведена до предела. И начать пробовать писать, а главное — мыслить диалогами. Смысл диалога — раскрывая характеры героев и их взаимоотношения, прийти к какой-то важной для повествования мысли или подготовить событие. Описываем спор, крутим мяч правды с разных сторон, гоняем туда-сюда, туда-сюда. И наконец — гол! Пришли к важному. К чему-то, что вам необходимо для сюжетного развития, что сработает сейчас или попозже. Обязательно прерываться на описание голоса героя, интонации, жестикологии. Наблюдаем за указательным пальцем. Не боимся для этого остановиться. Во! Пришли к правилу: правило водителя. Руль в твоих руках. Ничто никуда не исчезнет, не ускользнёт, не рассыплется. Всё уже есть. Уже при тебе. Захотел — и встал посреди улицы, включил аварийку, стоишь сколько хочешь. Посреди диалога описываешь сорт хрипотцы, с какой говорит герой. Когда делаешь уверенно — читатель с удовольствием постоит вместе с тобой. Он же тебе доверяет. Идёшь по фразе. Показалось, что коснулся явления слишком поверхностно, но если вставить ещё несколько слов — пропадёт ритм фразы, дыхание. Включил аварийку. Встал. И добавил ещё один абзац. Причём можешь даже объявить об этом. Мол, вынужден включить аварийную сигнализацию. Или даже свернуть вон в тот свороток. Потому-то и потому-то. Только интересно скажи. Представь, что ты взрослый, а читатель — ребёнок. Ребенок закапризничал, не захотел есть кашу, а ты ему что-то рассказал про кошку — и он съел, ещё и пузо погладил.

Для восстановления справедливости следует отметить, что всё-таки далеко не всему можно научиться. Один возьмёт фотоаппарат и, походя ухватив закон композиции, будет снимать отлично и больше по наитию. А другому твердят, как делать, а он всё равно заваливает горизонт, хотя у него фотоаппарат в десять раз дороже. Поэтому иногда полезно подумать: а в свои ли сани я сажусь?

Ну вот, для затравочного разговора достаточно. Но хочется сказать ещё об одном правиле. Правиле первой удачи. Вот работаем над языком, над содержанием и психологизмом. Но настолько погружены, что уже ничего не понимаем. Произошло так называемое «замыливание глаза». Оно настолько одолело, что не видим, где удачно, где нет, где Платонов, которого мы выбрали в учителя, а где мы сами. И вот тут-то хорошо, когда кто-то укажет наши удачи, признаки нашего неповторимого голоса. Тогда мы и увидим *своё* и подчеркнём его жирной чертой как первую победу. И останется научиться одному умению: отличать это *своё* от всей остальной массы текста и сделать так, чтобы жирной чертой подчеркнулось всё произведение, от первого до последнего слова. Если будем очень хотеть — всё обязательно получится.

Михаил Стрельцов

Книга + Ум = Будущее

Когда заканчивается фестиваль, можно уходить в сторону подведения итогов, если он оставил после себя вопросы. Но четвёртый «КУБ» дал нам только ответы, оттого про итоги даже не хочется думать в надежде, что это событие ещё не один год будет существовать на красноярской земле с постоянством весеннего дождя, обещающего после себя урожайное лето.

Многолетнее игнорирование художественной литературы как части нравственного здоровья государства принесло свои неутешительные плоды: приходится иметь дело с безграмотностью текстов, удивительными пробелами в знании об отечественных писателях, скудностью тем. На фоне едва ли не глобального снижения культурного уровня в последние годы обострились конфликтные ситуации, в том числе и на межнациональном уровне — что отчасти могло бы исправить уважение к культуре соседствующих стран. И на этом уровне фестиваль в Красноярском крае, поставивший во главу угла едва ли не уравнение: «Книга + Ум = Будущее», вольно или невольно, но уже не просто место встречи поэтов и читателей, писателей со всей российской территории, за ним гуманистическая миссия не только в просвещении, но и в сохранении современного статуса отечественной литературы.

Талантливое чутьё организаторов из Дома искусств и помогающих им в этом передовых библиотек края в четвёртый раз стягивает в Красноярск знаковые литературные фигуры Сибири, обеих столиц — Москвы и Санкт-Петербурга, а также других российских регионов. Знакомясь, общаясь, варясь в бурном котле событий, они не только проникаются любовью к нашему краю благодаря поездкам с творческими встречами, в Овсянку, на «Столбы», но и обретают самое важное — требующееся для объединения российского литпроцесса чувство локтя. Это только кажется, что всё очень просто: приехали писатели из разных городов в какую-либо библиотеку, выступили перед читателями, раздали автографы — легко и непринуждённо. Но за этим имеется и некий внутренний труд самих писателей, приученных выступать в одиночку. Как и любой деятель культуры, поэт или писатель имеет собственные убеждения о профессии, о литературном процессе, личностные характеристики, в конце концов: кто-то замкнут, кто-то балагур, кто-то не любит выносить своё творчество на публику. И не с первого раза удаётся слаженно «отыграть мяч» на дистанции,

умело «отдать пас» коллеге, чтобы «забить гол в ворота», которыми является в данном случае любовь читателя. Уже за обретение чувства локтя, за опыт совместной работы, в дальнейшем позволяющий более точно и чутко на расстоянии решать текущие вопросы профессии, мы, писатели и поэты, обязаны «КУБу». С этой позиции можно честно сказать, что фестиваль влияет на литературную карту страны и потому совсем не напрасно носит наименование Всероссийского.

Оттого недаром в качестве эпитафии фестивалю со словами его поддержки Красноярск посетил Виктор Ерофеев. К слову фигур из высшего эшелона литературы всегда следует прислушиваться внимательно: за их одобрением либо неодобрением стоит достаточной серьёзный пласт понимания происходящего в мировой литературе в целом. В частности, Ерофеев указал и на одну из серьёзных проблем: в последние десятилетия провинция не предоставила отечеству писателя с известным именем — навряде Шукшина или Астафьева. Корни этой проблемы я описал в начале статьи, но ведь Ерофеев поддержал фестиваль, имея надежду, что методичная работа его позволит в дальнейшем взрасти новым литературным звёздам. Для этого имеются предпосылки: традиционно и размашисто на сибирской земле в рамках фестиваля проходят обучающие семинары и всесибирский конкурс имени Игнатия Рождественского.

В номинации «Я себя не мыслю без Сибири» на этот раз победили Надежда Ярыгина из Иркутска и Софья Дзюбенко (до 18 лет) из Норильска; в основной поэтической номинации первые места у Ольги Домрачевой из Омской области и Оксаны Фоминой из Кемеровской; приз за прозу взяли Игорь Корниенко из Ангарска и Анастасия Крылова из Красноярска. Работы победителей представлены в этом номере альманаха. В новой номинации «Видеопоззия» победил слаженно сработавший красноярский авторский коллектив в лице Ольги Левской, Рустама Карапетяна, Владимира Полухина и Владислава Падерина. Дипломами за второе и третье места также отмечены красноярцы, омичи, иркутяне, новосибирцы, жители Ленинска-Кузнецкого.

На этот раз вдвойне вырос обучающий процесс. Если ранее проводилось два семинара — по прозе и поэзии, то в 2016 году охват поэтов был максимальным. Уже работали с красноярцами Нина Ягодинцева из Челябинска, москвичи Герман Власов и Юлия Белохвостова. И на этот раз они смогли поделиться литературным мастерством и понаблюдать результаты своих предыдущих усилий. Не в обиду остались и прозаики: для них провели семинар по основам творческого письма лауреат премии «Дебют» Алиса Ганиева и по самому высокому счёту — Даниэль Орлов (Санкт-Петербург), Роман Сенчин (Москва) и Михаил Стрельцов (Красноярск). По итогам работы этого семинара определились несколько человек, с прозой которых работа будет продолжена путём помощи в публикации в литературных журналах и в книгоиздании.

Мим-театр «За двумя зайцами» на открытии фестиваля

Передовые библиотеки края также тепло принимали гостей фестиваля не только в краевом центре, но и в Зеленогорске, Ачинске, Железногорске, Дивногорске. Не остались в стороне и учебные заведения, где прошли встречи с писателями и поэтами. Как утверждают организаторы, за неделю состоялось семьдесят девять запланированных мероприятий, которые посетить одному человеку было бы невозможно. Если ранее и были какие-либо вопросы по методике проведения фестиваля, то четвёртый «КУБ» уже со всей определённой обозначил свою позицию: он намерен и дальше сочетать уже ставшие традиционными направления работы с новыми идеями.

Вплетя в своё кружево поэтический слэм, тут же предложил зрителю и слэм прозаический. Победитель поэтического — Ольга Гуляева — примет теперь участие во всероссийском слэме. А недавно заявивший о себе в Санкт-Петербурге и Коктебеле проза-слэм экспансировался теперь и на красноярскую землю. Расширился и перечень экспериментов по декламации своих произведений: закрепляя опыт проведения «Ночи поэзии», организаторы смело предлагают и новые формы — «Поэзия плюс», нисколько не ущемляя в правах традиционные презентации книг. В Доме искусств в первые дни фестиваля свои книжные новинки смогли представить Светлана Михеева (Иркутск), Герман Власов (Москва), Яна-Мария Курмангалина (Москва), Вероника Шелленберг (Омск), Нина Александрова (Екатеринбург), Владимир Софиенко (Петрозаводск), Александр Либуркин (Санкт-Петербург).

Добрый друг фестиваля мим-театр «За двумя зайцами» показал постановку «Играем любимых авторов», а набирающий силу КУБ-киноклуб

продемонстрировал не только представленную на конкурс видеопоззию, но и документальные фильмы «Коктебельские камешки» и «Варлам Шаламов. Опыт юноши». Периодические литературные издания также не остались в стороне: состоялись презентации литературных журналов и газеты «Книжное обозрение». И вполне логично затем литературный фестиваль перетёк в традиционную «Библионочь».

Рассыпанный бисер событий тем не менее создавал впечатление плотной и хорошо сконструированной нити жемчуга, похожей на искренние улыбки гостей и участников фестиваля. За этим тактично не ощущалось, что организаторы работали уже за пределами своих возможностей — на некой несправедливой нехватке кадровых ресурсов, без необходимой финансовой и моральной поддержки. Если что и погубит когда-либо фестиваль, то это какое-то потрясающее глобальное невнимание к значимости события со стороны красноярских средств массовой информации и подобное ему невнимание (отсутствие финансовой и кадровой помощи) со стороны управляющих структур. Вот тогда-то и наступит время итогов, основным из которых будет банальное «что имеем — не храним, потерявши — плачем». Давайте сделаем всё, чтобы подобного не произошло. Не побоюсь повториться: культура есть нравственное здоровье государства. И всероссийский литературный фестиваль «Книга. Ум. Будущее» — уже не только важнейшее звено в оздоровлении сибирского литературного процесса, но и имеет все права считаться панацеей от упадка интереса к отечественной литературе в целом.

Авторы

АММОСОВА НАРЫЙА ВАСИЛЬЕВНА

Родилась 5 апреля 1997 года в селе Ус-Кюёля, Республика Саха (Якутия). В 2015 году окончила Курбусахскую среднюю школу с золотой медалью и поступила на очное отделение Литературного института имени А. М. Горького (семинар прозы Олега Олеговича Павлова). Предлагаемый рассказ — её первый литературный опыт.

АНОСОВ СЕРГЕЙ

Приехал в Красноярский край 34 года назад. Как всякого человека, решившего поселиться вдали от «большой земли», его увлекала красота дикой природы. Впечатления от скитаний по бескрайним просторам Севера, езды на собачьих упряжках, сплавов по бурным рекам находили воплощение в рассказах, сюжеты которых взяты из наблюдений за животными, а также из бытовых ситуаций, где в описании реальных случаев на охоте или рыбалке (чаще забавных и курьёзных) раскрываются нравы жителей таёжных мест. Помимо охоты и рыбалки, немало времени посвятил работе в коллективах музыкальной эстрады. Последние 20 лет занимается масляной живописью, отдавая предпочтение, конечно же, северному пейзажу.

БЕЛКИН ВЛАДЛЕН НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1931 году в селе Щербакуль Омской области. В 1952 году окончил Ярославский пединститут. Был учителем, журналистом, клубным работником. Первые публикации появились в газетах, коллективных сборниках, альманахах. В 1954 году по комсомольской путёвке уехал на освоение целинных земель в Северный Казахстан (об этом — его поэма «Первоцелинники»). С 1956 года живёт в Дивногорске. В 1975 году принят в Союз писателей СССР. Издал более десятка поэтических сборников. С 1979 по 1989 год руководил Красноярской писательской организацией. Руководит в Дивногорске литературным объединением «Потомки Ермака». Член Союза писателей России.

ДЗЮБЕНКО СОФЬЯ

Обучается в МБОУ «Лицей №3» с 1 класса. Неоднократно занимала призовые места во всероссийских дистанционных конкурсах «Познание и творчество» по литературе. Победитель краевого конкурса сочинений «Великая Отечественная война в истории моей семьи» (муниципальный этап) в своей возрастной номинации, стала победителем рейтинга этого конкурса сочинений.

ДОМРАЧЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

Родилась в городе Куйбышеве Новосибирской области. Проживает в посёлке Большеречье Омской области. По образованию бухгалтер. Работает в Омской городской службе аварийных комиссаров. Стихи печатались в литературно-поэтическом и общественно-публицистическом журнале «Легенс», литературной газете «Лик», Санкт-Петербургском журнале «Бег», «Русский писатель», поэтическом журнале «Окна», литературном журнале «Союз писателей». В 2014 году стала победителем 7-го регионального конкурса «Омские мотивы» в номинации «Любители».

ЕРЁМИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в городе Свободном Амурской области. Окончил Красноярский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Автор ряда поэтических сборников и книг прозы: «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья» и др. Лауреат премии «Хинган». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института» в номинации «Классическая лира» (2011). Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Публиковался в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Бийский вестник», «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Огни Кузбасса», «Провинциальный интеллигент», «Интеллигент» (Санкт-Петербург), «Русский берег» (Благовещенск), «Флорида» (Майами), «Лексикон» (Чикаго) и др. Член Союза писателей СССР, Союза российских писателей.

ВНУЧКА ЕРМИШАЧЬЕЙ СУСАНЬИ

Уроженка деревни Заимка Кежемского района. Текст этот со ссылкой на газету «Советское Приангарье» (14 июня 1998 года) передало в редакцию Кежемское землячество. Автор до сих пор не найден. Будем признательны читателям, если они помогут нам его найти.

ЗАБЕЛЛО ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

Сибирский поэт, прозаик. Родился в 1947 году в селе Утулик Слюдянского района Иркутской области, в семье лесника и охотника. В 1966–1969 годах служил на Тихоокеанском флоте. Более 20 лет работал на Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате в должности электромонтёра. В середине 1980-х, в пик общественной борьбы за священное море, начал выступать в областной и центральной печати против вредного влияния комбината на экологию Байкала. Драматическая судьба великого озера — одна из основных тем в творчестве писателя. Автор книг «Ледостав» (1988), «Возвращение» (1990), «Осенний пал» (2001), «Избранное» (2007), «Где родился — там сгодился...» (2011). Лауреат премий святителя Иннокентия Иркутского, Алексея Васильевича Зверева, губернатора Иркутской области. Живёт в родном селе.

КОРНИЕНКО ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ

Родился 14 ноября 1978 года в Баку. Из-за событий в Нагорном Карабахе вынужден был уехать. С 1994 года живёт в городе Ангарске Иркутской области. Получил среднее специальное образование. Рассказы и стихи начал писать с раннего детства. В Ангарске работал журналистом в городских газетах, ответственным секретарём, заместителем редактора. Пишет прозу, пьесы, стихи, картины. Устраивает инсталляции, перформансы. Художник, организатор боди-арт-шоу. Участник и победитель многочисленных художественных и экспериментальных выставок и конкурсов. Создатель и бессменный координатор литературного проекта «Дебют плюс». Создатель артхаусных художественно-литературных проектов «Победить море» («Плоды битвы») и «Интеллектуальное порНО». Лауреат городской конференции «Молодость. Творчество. Современность» в номинации «Литература» (проза, драматургия). Обладатель национальной премии России «Золотое перо Руси». Лауреат Всероссийской премии имени В. П. Астафьева в номинации «Проза». Стипендиат Министерства культуры Российской Федерации 2006, 2007, 2012 и 2013 годов. Обладатель специального приза жюри международного драматургического конкурса «Премьера 2010» за пьесу «Памятник Гитлеру». Спектакль «Спасение» по пьесе Игоря Корниенко «Человечина» поставлен в Казани, в Государственном театре драмы и комедии имени Карима Тинчурина (реж. Р. Гарипова). В 2011 году вышла первая книга рассказов «Победить море», в 2013-м — сборник избранных рассказов и пьес «Игры в распятие». Многочисленные публикации в коллективных сборниках, в журналах «Октябрь», «День и ночь», «Москва», «Полдень. XXI век», «Смена», «Байкал», «Процесс», «Весь Ангарск», в альманахе «Зелёная лампа», в газетах «Культура», «Литературная Россия».

КРЫЛОВА АНАСТАСИЯ

Родилась 19 января 2001 года в Красноярске. Учитесь на «отлично» в 9 классе. Под руководством педагога Каминой Светланы Владимировны одерживала победы в многочисленных литературных конкурсах: «Прямая речь», «Ветер фантазий», «Живая классика», «Мой Красноярский край» и других, а также на олимпиадах по литературе и русскому языку. В прошлом году награждена стипендией имени Виктора Петровича Астафьева. В 7 классе музыкальной школы также является отличницей.

ЛЕВСКАЯ ОЛЬГА

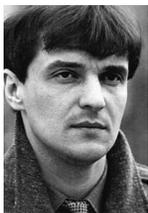
Родилась в 1974 году в городе Ужуре. После окончания Красноярского педагогического института преподавала английский язык на экономическом факультете Красноярского государственного технического университета. В 2003-м экстерном получила второе высшее образование в КГПУ по специальности «Кадровый менеджмент». Преподаёт

английский язык в Сибирском федеральном университете, является автором и ведущей передачи «Культурная среда» на красноярском медиаканале «Радио VK». В 2014 году в Новосибирске вышла книга «тетрадь» стихов «Ибонадо». Стихи и рассказы публиковались в альманахе сибирской актуальной поэзии «Между» (Новосибирск), сборнике «Увидеть слово» (Санкт-Петербург, серия «Петраэдр»), сборнике «Парадигма» (Красноярск). Есть авторский раздел на литературном портале «Белый мамонт».

МАМАЕВА АЛЬБИНА РОМАНОВНА

Родилась на Ангаре, в деревне Дворец Кежемского района Красноярского края. Долгое время работала в Туруханске. Живёт в Красноярске.

ПИСЬМЕННЫЙ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1958 году в городе Нижнеудинске Иркутской области. Сменил немало профессий: был кузнецом, наладчиком станков с ЧПУ, учителем русского языка и литературы, главным редактором популярных изданий, предпринимателем, таксистом, охранником. В последний год Советского Союза придумал и осуществил газету «Фаворит», которая издавалась в Красноярске. Живёт в Сосновоборске.

СЕЛЯНИНОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1935 году в Красноярске. Окончил Сибирский технологический институт, готовил диссертацию в МИСИ имени Куйбышева. В 1963-м, имея статус беженца, жил в ФРГ, Франции. Работал сборщиком утильсырья, грузчиком. Вернувшись в СССР, находился в 1964–1965 годах в заключении в следственном изоляторе на Лубянке. В строительной отрасли Красноярского края проработал более сорока лет. Трудился землекопом, главным экономистом строительно-монтажного треста. Во время перестройки, работая слесарем, организовал и учредил предприятие по производству отделочных строительных материалов. По вероисповеданию — православный. С 1979-го пишет портреты (холст, масло). Работы, экспонировавшиеся в 2014 году на краевой выставке-конкурсе художников-непрофессионалов, отмечены дипломом. Писать начал в 1986-м, тему произведений определяет как социально-психологическая драма. Автор четырёх книг прозы, публикаций в журналах, альманахах, газетах. Некоторые из иллюстраций к ним выполнены самим автором. Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

СМИРНОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в Норильске в 1953 году. Семья деда репрессирована в 1930 году, жила в Казачинске, Тасеево, Стрелке, Галанино. Родители — ветераны Норильского ГМК. После норильской школы окончил МГУ имени М. В. Ломоносова (географический факультет), работал в университете, почти во всех

крупных горных системах СССР от Средней Азии до Чукотки, в морской геологии на Арктическом побережье и шельфе от Лены до Колымы и Чаунской губы, на островах Медвежьих и Новая Сибирь. Был грузчиком, костоловом, водителем, связистом, строителем, плотничал. Жил и работал в Игарке. Несколько лет назад вернулся в Норильск, где живёт и по сей день, работает в «Норильскгеологии». Прозу и стихи начал писать в 1980-х, публиковаться — в 2000-х в чукотских и норильских газетах и литературных альманахах, в красноярском журнале «День и ночь».

СОЛОВЬЁВ ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ

Родился в 1949 году в Боготоле. Жил в Боготоле и Зеленогорске. В начале 70-х годов уехал работать штатным охотником в село Ворогово Туруханского района. Более 35 лет живёт в селе Бахта.

СТАВЕР СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ (1949–2016)

Родился на станции Крутояр Красноярского края. По профессии — художник-оформитель. Автор 14 поэтических сборников. Участник Всероссийских литературных чтений имени В. П. Астафьева. Публиковался в литературных журналах «Енисей», «День и ночь», «Сибирские огни», «Сибирские Афины», альманахах «День российской поэзии», «Новый Енисейский литератор» и др. Жил в Назарово Красноярского края. Был руководителем народного коллектива назаровских литераторов «Эхо Арги». Член Союза российских писателей.

СТРЕЛЬЦОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Поэт, прозаик. Родился в городе Мыски Кемеровской области. В 1995 году окончил Кемеровский государственный институт искусств и культуры. Председатель Красноярского регионального представительства Союза российских писателей с 2008 по 2016 год. С 2016 года — директор Красноярского отделения «Литературного сообщества писателей России». Лауреат и дипломант краевого конкурса имени И. Рождественского (2013), дипломант альманаха «Лёд и пламень» (2013). Организатор регионального поэтического состязания «Король поэтов». Автор нескольких книг стихов и прозы, многочисленных публикаций в российской и зарубежной литературной периодике. Член Союза российских писателей.

ТАРКОВСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Русский поэт и писатель, член СП России. Родился в 1958 году в Москве. Окончил Московский педагогический институт им. В. И. Ленина по специальности «география/биология». В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где почти сразу же начал писать стихи и где работал сначала полевым зоологом на биологической станции, затем охотником в селе Бахта, где и живёт по настоящее время. В 1991 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького, заочное

отделение, семинар поэзии В.Д. Цыбина. Автор стихов, рассказов, повестей, очерков. Лауреат премий журналов «Наш современник», «Роман-газета», «Новая Юность» и других, в частности премий Белкина, Соколова-Микитова, Шишкова, а также Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» и премии первого редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству». Автор книг: «Стихотворения», «За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-Креста», «Избранное», «Сказка о Коте и Саше».

ТРЕТЬЯКОВ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

Родился в 1939 году в Минусинске. Окончил Красноярское речное училище. Учился во ВГИКЕ и Литературном институте имени А.М. Горького. Автор 11 сборников стихов. Печатался в журналах и коллективных сборниках Москвы и других городов России. Лауреат Пушкинской премии Красноярского края (1999). Автор слов официального гимна Красноярска. Член Союза писателей России, действительный член Академии российской литературы.

ФОМИНА ОКСАНА АНДРЕЕВНА

Творческий псевдоним — Ая Рейн. Родилась 19 июня 1998 года на Украине. В 2000-м переехала в Кемеровскую область, город Ленинск-Кузнецкий. Окончила 9 классов в гимназии, обучается в медицинском колледже. Лауреат 9-го областного конкурса юных литераторов «Свой голос».

ШЛЯХОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА

Родилась в деревне Сургутиха Туруханского района Красноярского края. Образование высшее. Профессии: учитель начальных классов, преподаватель изобразительного искусства, педагог-психолог. С 1995 по 2011 год работала в школе, затем 4 года руководила сельским Домом культуры п. Бор. В конце 2015 года покинула ДК и вернулась к педагогической деятельности. Замужем, имеет двоих детей (дочь — студентка, сын — ученик 7 класса). Увлечения: рисование, литературное творчество, активный туризм.

ЯРЫГИНА НАДЕЖДА КИРИЛЛОВНА

Поэт, педагог, дизайнер. Публиковалась в Москве в «Литературной газете» (2004, 2005, 2007), «Библиотечной газете» (2005), журнале «Берегиня» (2006), антологии современной поэзии «Земляки» (2009), журнале «Арион» (2008, 2009), альманахах «Иркутское время», «Первоцвет», «Первое свидание», «Литературный каталог», газете «Зелёная лампа» и др.

Надежда Посевкина | Портрет Булгакова

БУЛГАКОВ

Выставка участников межрегионального керамического симпозиума «Булгаков», посвящённая 125-летию со дня рождения М. А. Булгакова

Валерий Кузнецов | Маргарита

Елена Краснова | Разоблачение

Валерий Кузнецов | Мастер

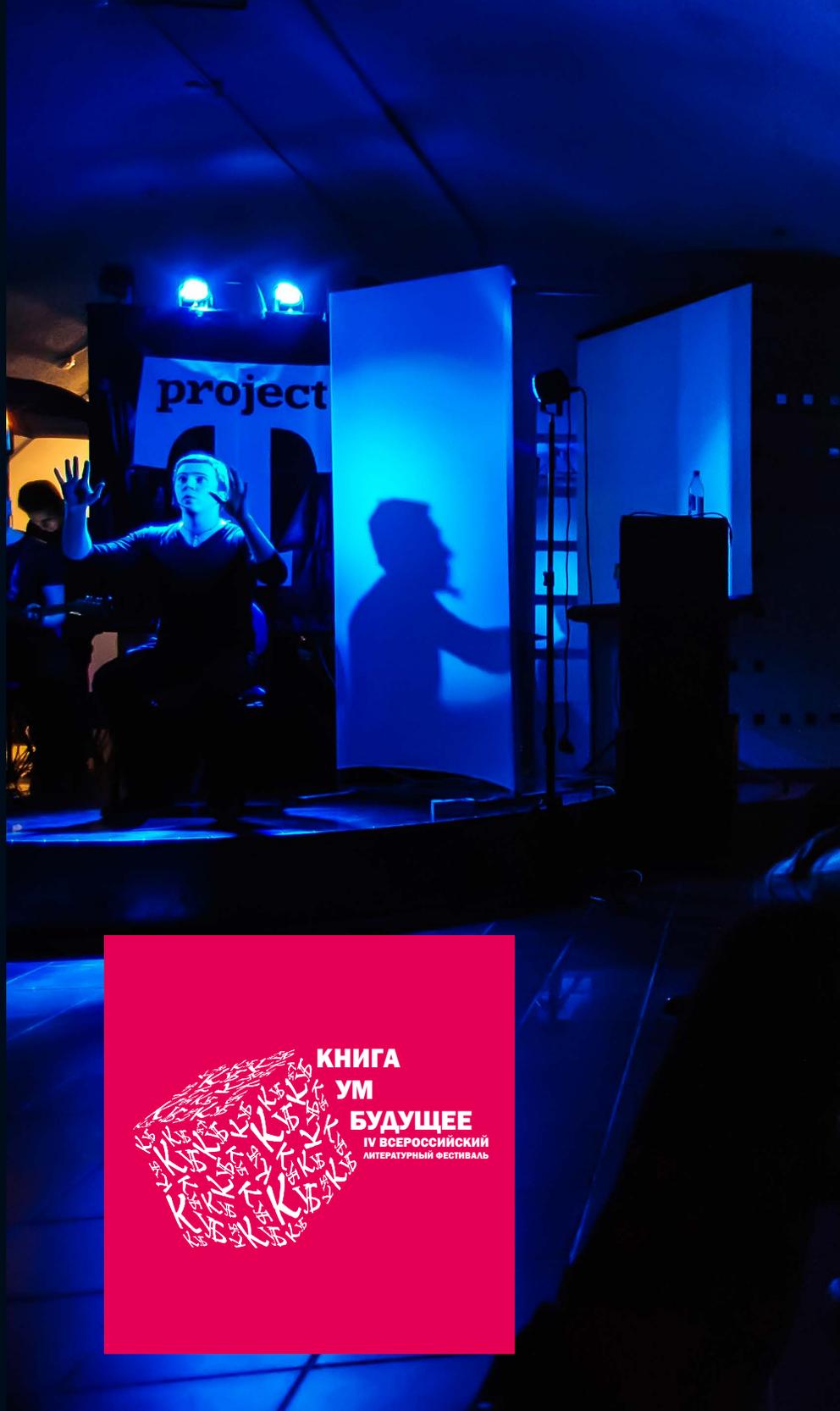
Елена Краснова | Разоблачение

Валерий Кузнецов
По мотивам романа «Мастер и Маргарита»

Марина Ченцова
Не шалю, никого не трогаю, починяю примус

**КНИГА
УМ
БУДУЩЕЕ**
IV ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Ярким и запоминающимся событием IV Всероссийского фестиваля «Книга. Ум. Будущее» стал приезд известного российского писателя *Виктора Ерофеева*. На фото: Виктор Ерофеев подписывает книги красноярским читателям после завершения творческой встречи

На предыдущей странице:

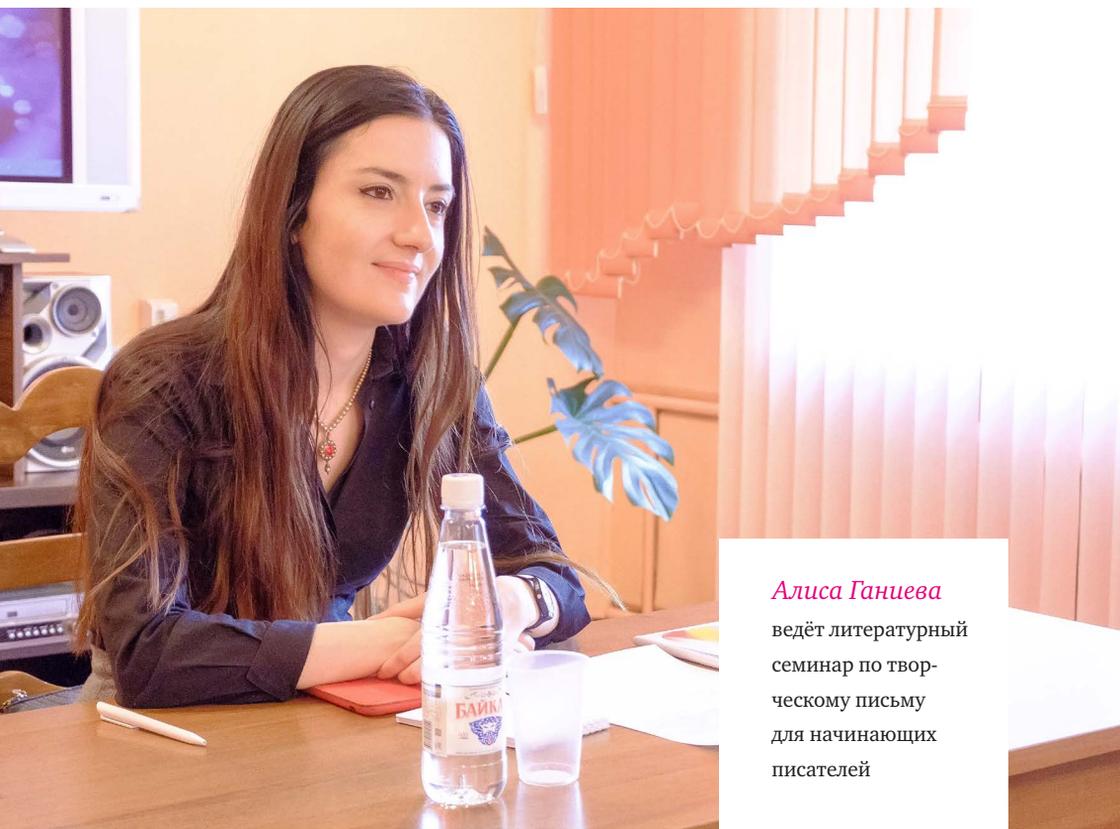
Поэтический перформанс команды *«Т-project»* удивляет зрителей спецэффектами

Строительство «Книжного куба» — символа фестиваля — увлекает как детей, так и взрослых

Поэты *Санджар Янышев*, *Вероника Шелленберг* и *Иван Клиновой* смотрят выступление молодых авторов на поэтическом слэме

Алиса Ганиева

ведёт литературный
семинар по твор-
ческому письму
для начинающих
писателей

Гости из Екатеринбурга *Сергей Ивкин* и *Нина Александрова*
представляют свой поэтический спектакль «Тавтономия»

ГОД РОССИЙСКОГО
КИНО 2016